

СВЕТ ВОССИЯЛ

Народ, идущий во тьме,
увидел великий свет;
на живущих в стране
смертной тени воссиял свет.

— Ис. 9:2

Как всегда, если мы можем вам как-то помочь, напишите здешней церкви по адресу: P.O. Box 68309, Indianapolis, IN 46268 USA.

www.JesusLifeTogether.com

Copyright © 2005, 2008 RealPeople@JesusLifeTogether.com

Законы авторского права, как бы безумно это не звучало, когда мы говорим о Божьем Слове, требуют от нас сказать следующее: На этот материал распространяются авторские права и его нельзя цитировать и/или воспроизводить без полного контекста (документ целиком) без разрешения автора или владельцев авторского права. Вы, однако, можете свободно воспроизводить этот текст целиком.

И, разумеется, это издание нельзя «продавать» ни по какой цене (2 Кор. 2:17, Мф. 10:8)

СВЕТ

ВОССИЯЛ

**Народ, идущий во тьме,
увидел великий свет;
на живущих в стране
смертной тени
воссиял свет.**

— Ис. 9:2

Заметка для читателя

Наше путешествие с Иисусом сегодня во многом такое же как для тех, кто жил в первом веке. Несмотря на изменения в культуре за последние две тысячи лет, мы такие же сложные и запутавшиеся, такие же нуждающиеся, и так же медленно понимаем, Кто Он есть на самом деле. Поэтому не нужно и говорить, что Его работа, которая требуется, чтобы изменить нас, будет такой же радикальной. Будет ли у нас достаточно смелости, чтобы увидеть себя, свои семьи и этот мир Его глазами?

Эта книга задумана как своего рода путь — инструмент, — чтобы узнать больше об Иисусе и о том удивительном и опасном путешествии, который иногда называют «честным взглядом в зеркало». Будучи людьми, мы все склонны костенеть от обыденности жизненных обстоятельств нашей жизни, от религиозного набора известных «библейских стихов» и «библейских историй», от сентиментальности культурной религии и традиции и от условностей, которые защищают нас от наших грехов и неудач. Время от времени полезно взглянуть на себя чужими глазами. Эта книга именно об этом. Мы хотели исследовать жизни тех первых людей, молодых и старых, которые знали Его, когда Он ходил по этой нашей маленькой планете. Мы хотели погрузиться в их переживание Того, кто удерживает

Галактики в Своих руках, и прикасаться, смотреть, чувствовать и бороться так, как это делали они, когда в их жизни вошел Мессия. Мы хотели наслаждаться с ними всем тем, что поразило их и привлекло их к Нему. Мы хотели встретиться с Иешуа так же как они....

Девушки, как вы заметили, решили нарушить на последующих страницах некоторые писательские «нормы». Они сказали, что они еще молоды, поэтому им МНОГОЕ должно сходить с рук в их стиле письма, и их помощники вряд ли понимали в этом больше, так что мы решили, что переживем это, как оно есть. ☺ Однако, надеемся, что, если ученик Иисуса шепелявит или у него есть физический недостаток, мы все равно «выслушаем» его, не отвлекаясь на внешнее и получим Пользу. Таким же образом, мы надеемся, что определенные «необычные качества», которые вы заметите, читая эти короткие страницы, не помешают вам увидеть Иисуса по-новому и увидеть, насколько Он тот же вчера, сегодня и вовеки. Мы желаем себе и каждому пережить Его чудо и столкнуться с вечным изменением от Света Его присутствия.

Друг от лица

Салли, Бек, Лиззи-б, Грейс, Ребекки и Ди

Simon's Household

Simon Peter

Ashira

(uh shē' ruh)
15 year-old daughter

Jared

(jä' rēd)
17 year-old son

Kitra

(ki'truh)
5 year-old daughter

Jedida

(jē dī'duh)
Simon's wife

Ezekiel

11 year-old son

Rebekah

9 year-old daughter

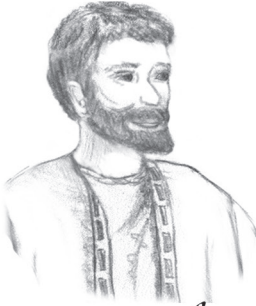

Ariel
13 year-old daughter

Anna
Jedida's mother

Friends and neighbors of Simon's household

Lemuel
(lēm'ūl)
Jedida's brother

Zivah
(zī'vuh)
aunt of Ezra and Elizabeth

Elizabeth
16 years old

Ezra
19 years old

День рассветает

И притом мы имеем вернейшее пророческое слово: и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет Утренняя Звезда в сердцах ваших.

2 Пет. 1:19

Капернаум просыпался. Это было любимое время суток для Аширы, когда город еще был спокоен, но вот-вот должна была начаться суэта повседневной работы. Она быстро бежала по утоптанной земле извилистых улочек. Хотя причудливое переплетение дорог часто запутывало тех, кто был в городе впервые, Ашира находила дорогу с легкостью, прожив в этом маленьком плодородном уголке Галилее все свои пятнадцать лет. Ее подруга, старше ее на год, с трудом семенила сзади. «Подожди, Ашира!» — крикнула Елизавета, смеясь. Она вдруг резко остановилась. «Ашира!»

Ашира выбежала назад из-за угла улицы. Ее платок в спешке сбился назад, и копна растрепавшихся темных кудряшек обрамляла теперь резкие черты ее лица. «В чем дело?»

«Где твой кувшин?»

Ашира засмеялась — что она делала часто — и посмотрела на свои пустые руки. «О, я совсем забыла! Мне так хотелось побыстрее выбраться из дома сегодня утром!»

На мгновение растерявшись, усердная и ответственная Елизавета посмотрела на нее. «Нет смысла возвращаться: мы почти на площади. Я захватила два кувшина; можешь взять этот.» Ашира отвязала кувшин от спины Елизаветы и поставила его на свое плечо. Пробираясь через лабиринт улочек, они повернули направо, налево и снова налево.

На перекрестке нескольких дорог Елизавета задержалась и махнула в сторону одной улицы. «Ездра предупредил, что там разместился гарнизон римлян. Нам лучше пойти другой дорогой». Ашира согласно кивнула, и они свернули в тенистую боковую улочку. Вскоре они вышли на центральную площадь к колодцу. Девочки поздоровались с женщинами, которые уже собрались там, и присоединились к оживленному разговору, ожидая с кувшинами в руках своей очереди к веревке и ведру.

Когда кожаное ведро исчезло во мраке колодца, Ашира, облокотившись на край каменного колодца, ритмично пропускала узлы на веревке между своими пальцами. Она запрокинула голову, рассматривая светлеющее небо.

«О, Елизавета, посмотри!» — она дотронулась до руки подруги в то время, как воздух внезапно наполнился щебетом сотен птиц. Силуэты стаи птиц пронеслись по побеленным домам, испугав двух коз в соседнем дворе. Затем стая развернулась и гуськом направилась к северным холмам. Ашира медленно выдохнула, ее карие глаза всматривались в пустое небо.

«Елизавета, ты бы хотела стать птицей?» — спросила она.

Елизавета посмотрела широкими глазами на свою подругу. «Я-я не знаю» — сказала она с запинкой. «Я об этом не думала».

«Доброе утро, девочки». Позвякивая серьгами, к колодцу подошла тетя Елизаветы.

При звуке голоса Зивы, Ашира выпустила веревку, которую вытягивала из колодца. Полное ведро с громким плеском упало в воду внизу. Вздыхнув, она опять начала поднимать его. «Здравствуйте, Зива» — заставила она себя сказать, но без приязни.

«Твой отец опять на Иордане, не так ли, Ашира?» — спросила Зива. Остроглазая женщина, казалось, всегда таинственным образом знала все обо всех в Капернауме.

Ашира сильно, до пронзительной боли, прикусила язык. В устах Зивы это звучало так, будто мужчины беспечно оставили их... женщина неправа как никогда. *Дядя Андрей с Крестителем, потому что он знает, что Иоанн говорит Истину.* Ашира чувствовала бесстрашие в словах Иоанна во многих беседах с ее отцом и с ее дядей. Она знала, что Андрея увлекло от дома и ремесла к Крестителю чистое желание почтить Бога. Ее отец *чувствовал* ответственность за поддержку своей семьи и уходил ненадолго. *Если авва когда-нибудь останется* надолго — она проглотила комок, который появился у нее в гортани от этой мысли —

Но она только сказала: «Посмотрим. Многие думают, что слова Пророка важны и им можно верить — желанный свет в нашем темном мире.»

Глаза Зивы сузились в узкие щелочки. «Хм!» Она схватила веревку и ведро и опустила их в колодец.

Елизавета тихо сказала. «Мы пойдем, Тетя; мы с Аширой собираемся поработать за прялкой сегодня утром.»

Зива выпрямилась. «О, неужели? Я скоро зайду и проведу вас. Прялка прекрасна — осталась от твоей матери. Елизавета, с ней нельзя играть.»

«Ашира! Ашира!» — высокий голос отразился от стен. На напряженном лице Аширы появилась широкая улыбка, когда ее младший брат Иезекииль показался из-за угла. «Вот ты где! Мне нужно в синагогу, но я прибежал сказать тебе —»

«В синагогу? Посмотри на свою одежду и лицо! Молодой человек, ты должен научиться умываться в озере,

прежде чем уходить с берега. Ты не можешь показаться в синагоге в таком виде.» Ашира подбежала к запыхавшемуся мальчику. Она плеснула воды ему на лицо и руки, и смыла грязь. Она энергично отряхнула его полосатую одежду и шапочку, выговаривая ему. «Ну же, Иезекииль, понятно, что ты сын рыбака, но ты не можешь идти в школу, пропахнув рыбой! Фу!»

Зива ухмыльнулась. «Этот твой братец не очень похож на твоего старшего брата, а?»

Ашира рассмеялась. «Иезекииль, да... он совсем не похож на Джареда!» Он встала, поправила шапочку Иезекииля и разгладила его непослушные волосы, цокая языком. «Боюсь, это все, что я могу сделать. Беги в синагогу!»

«Но, Ашира, я прибежал сказать тебе, что отец недавно вернулся — он спрашивал, где ты.»

Лицо Аширы просияло. «Елизавета, поспешим! Мой авва дома! Спасибо, Иезекииль. Теперь беги и не задерживайся по дороге. До свидания, Зива.»

«Ашира, твоя вода!» — крикнула Елизавета.

Ашира подбежала к колодцу, подхватила свой кувшин и опять побежала, поторапливая свою подругу. Елизавета бежала по улице, стараясь бежать грациозно, следуя за каплями разлитой воды.

Сандалии Аширы постукивали по земле, когда она неслась по знакомым улицам. Впереди показался дом. Он был простым, как большинство других домов в этой части города, но достаточно большой для десяти членов ее семьи. Калитка в стене, окружавшей двор, скрипнула, когда она открыла ее. Она подошла к большим сосудам для хранения воды у заднего входа и вылила свою воду в один из них. Елизавета остановилась за Аширой, тяжело дыша. «Мне жаль за слова Зивы, Ашира. Ты в порядке?»

Ашира облокотилась на стену дома и кивнула. «Думаю, да. Я просто не понимаю, как Зива может так не уважать Иоанна. Он пророк, я знаю, что он пророк!»

«Ты знаешь, что Зива язвит по любому поводу. И не всегда разумно.» Елизавета немного помолчала. «Отец ждет меня

дома. Увидимся позже за пряткой». Подняв свой кувшин, Елизавета вышла за калитку.

«До свидания» — крикнула Ашира.

Она наклонилась, чтобы взять корзину с едой и мех вина, которые приготовила заранее в надежде на возвращение отца. Выйдя опять на улицу, она быстрым шагом зашагала вниз по холму к озеру. Постепенно домов становилось все меньше и меньше. Она поднялась на маленький холм, который спускался к воде, и не смогла не остановиться. Поле расстилалось у ее ног, как одеяло, усыпанное вплоть до горизонта красными цветами анемоны, прекрасными на фоне кромки белых камней берега, у которого плескалась вода. Он вдохнула свежий воздух, насыщенный запахами весеннего цветения и озерной воды. Солнце показалось над восточной границей темного моря, отбрасывая золотые лучи во всех направлениях. На юге холмы Герасы окрасились в красный цвет. Она представила себе другие деревни, которые незримо для нее располагались на удаленных берегах. Где-то в том направлении была Магдала. Еще дальше на западном побережье была Тверия, новый римский город, в который ни один еврей не ступал ногой. На противоположной стороне озера находился Гургес, а рядом маленькая Вифсаида. На дальнем южном конце озера и вниз по реке находилась Вифания, где ее отец провел последние несколько дней. Он теперь часто путешествовал на Иордан.

Слабые голоса за спиной Аширы привлекли ее внимание, и она обернулась. Из-за домов выбежали две девочки, их одежда развевалась на ветру. Это были девятилетняя Ребекка — слишком практичная и разумная для своего возраста, — по пятам которой следовала маленькая Китра — ясноглазая, разговорчивая, но всегда прячущаяся за юбками сестер при появлении незнакомца.

Китра взмолилась со своей неотразимой шепелявостью пятилетнего ребенка: «Мозно с тобой кавве? Мама лажлешила, если ты вожьмешь нас!»

«Конечно.» Ашира наклонилась и заулыбалась. «Давайте наперегонки к озеру! Приготовились! Побежали!»

Обе сестры взвизгнули и помчались вниз по холму, размахивая руками. Ашира бежала за ними, умело удерживая корзину на бедре. Они добежали до воды, и шум типичного утра побережья Капернауа наполнил воздух. Мужчины, работая, кричали что-то друг другу. Кто-то штопал паруса, кто-то раскладывал рыбу по корзинам. Девочки пробирались между многочисленных стоек, на которых под солнцем сушились сети. На берегу горело несколько костров, и огоньки мерцали, отражаясь от чешуек десятков рыб, нанизанных на вертела. Ароматный дым поднимался в воздух и развеивался прохладным влажным бризом с озера. Ашира звала своего авву, но ее голос потерялся в гвалте. Она ходила от лодки к лодке. Некоторые из лодок были вытащены на берег; другие стояли на якоре из камня и раскачивались на воде.

Она направилась к знакомой лодке и к худощавой фигуре, стоявшей на корме. «Привет, Джаред!»

Семнадцатилетний парень среднего роста отбросил тонкую прядь темных, пропитанных потом волос со своего потного лба и улыбнулся сестре. Ашира всегда поражалась, когда видела в каком беспорядке был обычно опрятный, аккуратный Джаред после рыбалки.

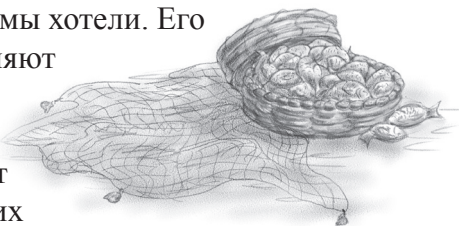
«Как путешествие?» — спросила она, наклонившись, чтобы посмотреть, как улов раскладывали по широким корзинам.

Джаред крикнул и спрыгнул с лодки на берег с тяжелой корзиной на плече. «Мы провели с крестителем замечательное время, хоть и не так долго, как мы хотели. Его

слова, действительно, пленяют людей. Его энергия заполняет твои мысли, как будто она вовсе не его! Он говорит странные слова, временами их

трудно понять.» Джаред замолчал и вздохнул. «Но последние пару дней мы рыбачили недалеко от Магдалы и... ну, ты знаешь, как мне дается рыбалка.» Он поднял голову и, не двигаясь, посмотрел на озеро.

Быстрым движением она плеснула в своего брата холодной водой. Он вздрогнул и какое-то время смотрел на нее, качая

головой в шоке. «С тобой не соскучишься, сестренка!» — засмеялся он, но она увернулась от ответной струи воды, быстро отпрыгнув к камням.

Сильный, знакомый голос прозвучал у них за спиной. «Моя Шира!» Из клубов дыма появилась широкая фигура ее отца. Китра обнимала его за шею, сидя у него на плечах, а ладошка Ребекки утопала в его большой руке.

«Авва!» Ашира бросилась в его широкие объятия. Она уловила знакомый запах озерной воды и рыбы от его влажной одежды и растрепанных волос. Она посмотрела в его огрубевшее лицо и улыбнулась. «Я принесла тебе завтрак!» Симон с нетерпением взял еду и впился зубами в хлеб, вздохнув от удовольствия.

«Джаред!» — крикнул он через плечо — «Подбрось дров в костер!» Ашира сняла с плеча мех с вином и протянула ему вместе с сыром и горстью миндальных орешков. Он всплеснул руками от удивления. «Твое имя значит ‘процветающая’ и так и есть, Шира! Погляди! Ты принесла мне пир!» Они оба засмеялись. Он спустил на землю младших девочек, которые начали весело бегать. Ашира села рядом с ним, оперевшись подбородком о его колени. Он проглотил несколько кусочков и вытер рот рукой.

«Подтяни якорную веревку, Джаред! Твой узел развязывается.» Симон раздраженно пробурчал: «Что ж мне делать с этим мальчишкой?!»

Ашира опустила голову. Почему всегда так? Она любила брата. В нем было все, чего не было в ней: спокойствие, практичность, разумность и уверенность. И отец — она давно перестала пытаться выразить свое восхищение им словами. Ей хотелось бы объяснить кому-нибудь, какой ее авва — жизнь их семьи, ослепительное пламя страсти, он редко думал о деле долго, прежде чем приняться за него. В самом радостном смысле этого слова он был безумным. Близость Аширы к этим двум людям делала постоянное трение между ее отцом и Джаредом еще более болезненным для нее. Но что она могла поделать?

«Эй, Симон?»

Ашира встрепенулась на оклик Иакова из ближайшей лодки. «Как насчет трехсот рыбин, которые, как ты обещал, мы

скоро поймает?» Он ухмыльнулся и указал на корзины с рыбой, которые Джаред аккуратно расставил на берегу.

Симон шутливо погрозил Иакову пальцем. «Подожди, мой друг. Если Андрей и твой брат Иоанн вернутся до дождей, мы поймает их. Вот увидишь!»

Ашира засмеялась. Так похоже на ее отца — нацелиться на невозможное. «Сколько поймали в этот раз, авва?»

«Несмотря на разочарование Иакова, это *был* хороший улов — я насчитал восемьдесят семь.»

Ашира поковыряла пальцами каменистую землю. «Ты видел Дядю Андрея и Иоанна, когда был на Иордане?»

Симон слегка улыбнулся. «Да, я видел их... все еще думают, размышляют, задают Пророку вопросы.»

Ашира открыла рот, но Симон опередил ее. «Ты хочешь знать больше о Крестителе?»

Она кивнула.

Он нетерпеливо наклонился к ней. «Толпы огромны — все больше и больше людей крестятся.»

«Как ты, Андрей и остальные.»

Симон задумчиво кивнул. «Но пророк Иоанн повторяет вновь и вновь, что за ним идет другой. Он сказал, что тот, кто идет, будет крестить не водой, а Святым Духом и *огнем.*» Симон подчеркнул последнее слово. «Как ты думаешь, о чем он говорит, Ашира? Я не понимаю. Когда я был в Вифании, он сказал, что среди нас стоит тот, кого мы не знаем. Иоанн сказал: «Я не достоин даже развязать его сандалий.»

«Авва, ты думаешь, что Он действительно уже здесь в Израиле?»

«Я не встречал такого Человека, Шира, но это должно быть правдой — все эти знамения, и пророчество Иоанна — Мессия здесь. Он жив; мы просто не знаем где и когда мы найдем Его.»

«Расскажи еще раз, что случилось — когда это было? Тридцать лет назад?»

«Да. Это был год переписи, и несколько странных событий взбудоражили сердца, или, по крайней мере, разговоры, людей. В небе появилась великая звезда, которую никогда не видели ни до, ни после. Некоторые говорят, что

это басня, но несколько пастухов из окрестностей Вифлеема рассказывали о ребенке, родившемся в то время. Они сказали, что ангел обещал, что это Спаситель. И есть также древние пророчества. Песня, которую поет твоя бабушка на слова Исаяи, — это оно и есть.»

Ашира знала ее хорошо и повторила слова.

*«Ведь Младенец родился нам,
Сын нам дан!
Будет власть у Него на плечах,
и Он будет назван:
Чудесный Советник, Могучий Бог,
Вечный Отец, Князь мира.
Умножению власти Его и мира
нет конца.
Правит Он на престоле Давида
Его царством,
утверждая и поддерживая его
правосудием и праведностью
отныне и вовеки.
Ревность Господа Сил
сделает это.»*

На какой-то момент воцарилось молчание. Иаков крикнул, спросив что-то о засолке рыбы, и Симон встал. «Шира, можешь сказать матери, что я закончу до полудня. Буду дома очень скоро.»

Ашира улыбку и кивнула. Она уже хорошо знала, что после успешной рыбалки «до полудня» означало «к закату».

Направившись к Иакову, Симон пробурчал дальнейшие указания для Джаред. «Когда рыбу разгрузят, залатай сеть, которую ты порвал.»

Ашира уголком глаза заметила какое-то движение, и оно привлекло ее внимание. По берегу в их сторону бежал человек. Она вскочила и смотрела на его приближение.

«Дядя Андрей!» — воскликнула она удивленно.

Симон резко обернулся. «Братишка! Что ты здесь делаешь?»

Андрей, спотыкаясь, остановился, тяжело дыша.
«Симон! Мы нашли Его!»

«Кого? О чем ты говоришь?»

«Мессию, Симон! Его зовут Иисус — этот человек точно Мессия!»

Симон резко вздохнул и несколько раз моргнул, как будто из него вышибли дух. «Что?»

Андрей пожал плечами, восстанавливая дыхание. «Симон, когда Иоанн крестил Его, он сказал, что видел как Дух спускался на Него в виде голубя и остался на Нем. Позже, когда Иоанн опять увидел этого человека, он назвал Его Агнцем Божьим. Он повернулся к нам и сказал: ‘Это тот, о ком я вам все время говорил. Я крещу, чтобы *Он* был явлен.’» Андрей взмолился: «Ты пойдешь со мной?»

«Андрей, меня не было дома уже несколько дней!»

Ашира посмотрела на отца. В его голосе звучала ответственность и нерешительность, но она уловила в его глазах искру рвения.

«Ты должен увидеть его, Симон. Я провел с Ним немного времени и я... пойдём! Убедись сам!»

Симон повернулся и крикнул: «Джаред, займись рыбой, запеки большие рыбины, а те, что помельче отложи для рынка.» После этого он побежал по берегу за Андреем в сторону Вифезды.

Ашира смотрела вслед за ними, затаив дыхание. «Но, авва...»

Симон остановился и повернулся к ней. «Не волнуйся, Шира» — крикнул он. «Скажи матери, что я вернусь скоро, через несколько дней.» Улыбка, которая озарила его лицо, сразу же растопила ее неуверенность. И он скрылся из виду.

Джаред ошеломленно крикнул из лодки на берегу у нее за спиной. «Ашира, что случилось. Куда ушел отец?»

Ашира, запинаясь, крикнула в ответ своему брату.

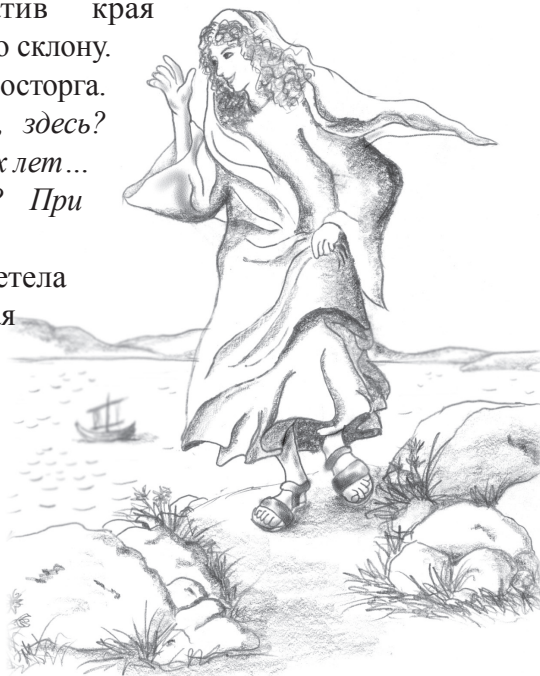
«Он — он ушел — на, э, Иордан! Он ушел посмотреть — *может быть это Он?!!*»

«Что это значит!? Кто?» — крикнул он.

Ашира видела изумление у него на лице, но она все еще была потеряна в своем собственном чудесном мире.

«О, Джаред!» — засмеялась она, не найдя слов для ответа. «Мне нужно пойти и рассказать матери о том, что произошло!» Подхватив края юбки, она поскакала по склону. Ее мысли кипели от восторга. *Мессия, может быть, здесь? Сейчас? После стольких лет... разве это возможно? При моей жизни?!*

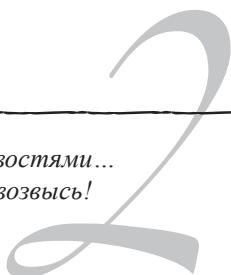
Она практически летела по улицам, огибая углы так быстро, как позволяли ноги. Она в спешке извинилась, налетев на торговца, идущего на рынок. Наконец, дом был рядом. Она ворвалась в калитку. «Мама! Авва опять ушел!»

Добрые новости

*О вестник с добрыми новостями...
возвысь голос в крике, возвысь!*

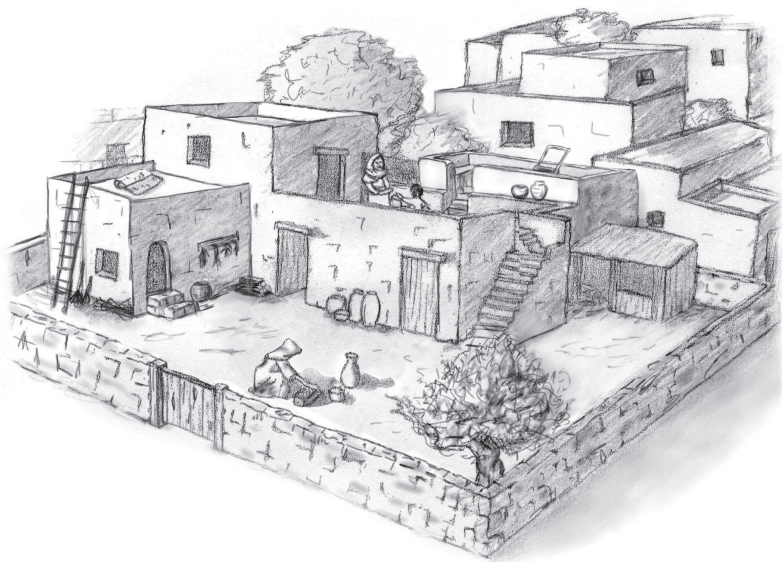
Ис. 40:9

Х удошавая, утонченная фигура Джедиды была полной противоположностью фигуры ее мужа, Симона. Грациозно опустившись на колени, она наклонилась над квашней, молча работая в большом тенистом дворе. Тишина вокруг нее нарушалась только шепотом свежего морского бриза и временами далеким криком рыбака. Она довольно вздохнула. Ранним утром Езекииль принес новость о возвращении его аввы на берег, и она будет рада опять увидеть его. Она скучала по Симону, когда он уходил, и с нетерпением ждала той искры, которую он всегда приносил с собой. Но сейчас она наслаждалась тишиной момента в противоположность обычному гомону их оживленного дома. Она была благодарна, что у них была хорошая жизнь, даже в эти беспокойные времена, несмотря на то, что рыбалка не всегда была успешной, несмотря на то, что Рим усиливал свой контроль и распространял свое влияние по всему Израилю. Однако у них все еще была надежда. Надежда на этого пророка из пустыни, Иоанна. Возможно, те, кому есть что скрывать и оберегать, назовут это «рабством». Но в его вести о покаянии, о царстве, о Грядущем была большая надежда. «Скоро, Адонай!» — прошептала она громко при мысли о Мессии. Он с нетерпением ждал новостей, которые Симон принесет с Иордана.

Раскатать, смять, раскатать, смять. Тесто поддавалось ее плавным сильным рукам. Она подняла руку и аккуратно заправила выбившуюся прядь прямых черных волос за ухо. Она услышала как на крыше мило засмеялся ее ребенок, громко крикнув «Нана!» Джедида опять улыбнулась при мысли о том, как ее мать заботится о ребенке. Дети обожали свою Нану, и ее теплый смешок часто слышался в доме. Джедида улыбнулась себе. *Мама так много помогает. Как бы я со всем справлялась без нее?*

Да, дел было много. Следить за семью детьми — это большое дело, не говоря уж о бесконечных домашних делах в многокомнатном, похожем на лабиринт доме, который рос с каждым поколением. Она постоянно думала о множестве дел, которые нужно было сделать до обеда. *Нужно испечь хлеб и закончить чечевичное рагу. Нужно подмести двор. И, может, останется время сделать пироги с инжиром для Симона и Джареда.*

«Мама!» После разгоряченного зова громко хлопнула калитка. Джедида встревожилась и оторвалась от квашни. Хотя в том, как Ашира ворвалась через калитку, не было ничего необычного, что-то в голосе дочери заставило

Джедиду напрячься, это не было похоже на объявление о том, что «авва дома».

«Ашира! В чем дело?» Джедида встала и вытерла руки об одежду, что было ей не свойственно: «Все в порядке?»

«О, мама!» — засмеялась Ашира. «Авва только что ушел! *Опять!*»

«Ушел? Что значит *ушел?*» — спросила Джедида, удивленная возбуждению дочери. «Почему? Он ведь только вернулся!» В этот момент у Джедиды в голове промелькнули мысли. *Всякий раз, когда Симон и Иаков возвращаются к рыбалке из своих посещений Крестителя, их страсть и энергия по Царству горят еще интенсивней. И я рада! Но что произошло сейчас?* Джедида остановила поток мыслей и спокойно спросила: «Что случилось, Ашира?»

Ашира глубоко вздохнула, чтобы подготовиться к словам, которые она едва удерживала в себе. «Дядя Андрей вернулся за отцом! Он сказал, что они встретили человека — Креститель говорит, что Он — Мессия! *Мессия, мама!*»

Джедида вздохнула, пораженная грандиозностью того, что ее дочь только что сказала. Вопрос об уходе Симона внезапно отпал само собой, вытесненный новостью о том, чего они все так ждали. Это *чудесные* новости — *Обещанный Израиля!* Слезы навернулись у нее на глаза. «Сейчас?» — прошептала она. «Неужели Он наконец явил Себя? Из всех многочисленных поколений Израиля *мы* увидим Мессию, Ашира?»

Ашира продолжила с новой волной восторга. «Мы с аввой разговаривали у лодки, Джаред чистил сети, и внезапно дядя Андрей подбежал к нам по берегу. Пророк Иоанн, креститель, познакомил дядю Андрея с Мессией! Его зовут *Иешуа*. О, мама! Если Пророк говорит, что этот человек — Мессия, то это *должно быть правда*, так?? Ну, тысячи и тысячи людей были крещены Иоанном и доверяют ему, что он укажет им на Грядущего. Он не может ошибиться, так ведь??» Ашира села на шаткую скамеечку у дворовой стены, тяжело дыша и удивляясь новостям.

Джедида задумалась с недоверием. «Ашира, мы все *знали*, что Мессия должен быть жив; было слишком много знамений!» Она помолчала. Затем осторожно и сознательно Джедида произнесла вслух имя, которое ее сердце так долго хотело узнать. «Иисус». Она посмотрела на Аширу с сияющим лицом. Она не могла подобрать слов, но ее голова была полна мыслей о последствиях. *Андрей, Иаков, Иоанн и Симон — мой Симон — встречаются с будущим Царем Израиля, Восстановителем Царства Давида!*

Однако каким-то образом, при всех этих чудесных новостях, Джедида внезапно забеспокоилась. *Если это действительно Мессия, то наши жизни и жизни всех окружающих скоро изменятся НАВЕКИ! Готовы ли к этому?* Она молча упрекнула себя за то, что так быстро обратила свои беспокойства внутрь. Но конфликтующие мысли все еще продолжали бороться внутри нее.

Глубоко вздохнув, Джедида сказала с намеренной решимостью. «Ашира, рассказывай дальше! Авва хоть что-нибудь сказал о том, когда он вернется?»

«Он сказал Джареду что-то о нескольких днях. О, *мама*. Я не знаю, что и думать! Мой ум скачет с одной мысли на другую.» Ашира посмотрела за стену туда, где далеко виднелось Галилейское море, которое они все так сильно любили. «Когда авва только попрощался и я поняла, что он встретится с будущим Царем, о котором говорил Иоанн, я была так рада» — сказала Ашира. «Но в каком-то смысле, это пугает!» Ашира внезапно встала и повернулась к матери с отчаянием на лице: «Как ты думаешь, авва уйдет надолго, как дядя Андрей? Он останется? Может, он никогда не вернется?!» У нее на глаза навернулись слезы.

Джедида посмотрела на Аширу с удивлением. Она увидела в своей дочери свои собственные отраженные, видимые и усиленные чувства. «О, дитя!» — сказала она, найдя облегчение в своем смехе. «В одно мгновение ты каким-то образом обличаешь глупые сомнения своей матери при этом с перепадом эмоций в духе твоего отца. Что мне с тобой делать!» — Джедида опять засмеялась, обняв свою дочь.

«Давай не позволим нашей любви к твоему авве закрыть глаза нашего сердца». С новым энтузиазмом она сказала то, что, как она знала, было правильно и истинно. «Ашира, Израль молился о приходе Мессии сотни лет. Если этот человек Обещанный, нам нечего бояться, даже за твоего авву!»

Они любили размышлять о Нем

*В то время чтущие Господа говорили друг с другом.
Господь внимал и слушал, и записывалась перед Ним
памятная книга о тех, кто чтит Господа
и любит размышлять о Нем.
Мал. 3:16*

У них за спиной распахнулась калитка во двор и зазвучали голоса, Джедида обернулась: «Езра! Что привело тебя к нам?!»

В калитку неспеша вошел их высокий молодой загорелый девятнадцатилетний сосед, мокрый от долгой тяжелой утренней работы. Его темные глаза лучились радостью, и он улыбался уголком рта. Он уважительно кивнул Джедиде: «Доброе утро!» Маленькая Китра ехала на его сильных плечах, ее распущенные косички хлопали по розовым щечкам. Она держалась кулачками за его темные волосы, восседая над окружающим миром. Ребекка с корзиной в руках улыбалась рядом с ними. Езра засмеялся от всего сердца, опуская Китру на землю. «Ашира, кажется, оставила корзину с едой на озере вместе с другими ценностями.»

Ашира широко распахнула свои карие глаза. «О! О! Мама» — воскликнула она — «я — я не хотела... Прости меня!»

«Ашира, ты жабыла наш!» — игриво упрекнула ее Китра, преувеличенно сурово упершись руками в бедра.

«Прости, что тебе пришлось оставить работу, Езра. Спасибо, что привел девочек домой.»

Езра отмахнулся от извинений Джедиды. «Я все равно шел сюда, чтобы помочь отцу.» Он подмигнул Ребекке.

С крыши раздался радостный голос бабушки Анны. «Джедида! Отчего весь этот сыр-бор?» Она спустилась по лестнице с ребенком на бедре. Тринадцатилетняя Ариель следовала за ней с увядшим венком на голове. Им пересказали историю о находке Ездры, и все от души посмеялись, даже Ашира, все еще пунцовая от стыда.

Езра повернулся, чтобы уйти, но затем остановился и посмотрел на Джедиду. «Если это вам поможет, я сказал Джареду, что могу помочь ему с рыбалкой, пока Симон опять у крестителя. У него скопилось работы на трех человек.»

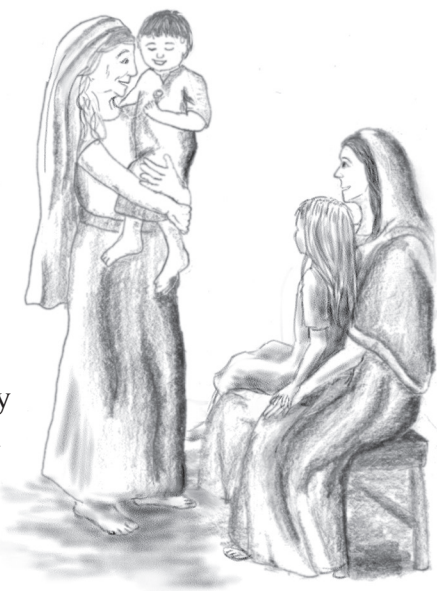
Джедида мягко засмеялась, когда временно забытое изумление от утренних новостей опять пришло ей на ум. *Мессия*. В ее сердце загорелась надежда. «О, разве Джаред не слышал? Симон опять ушел, но в этот раз не для того, чтобы повидаться с Крестителем.»

Анна подошла ближе и коснулась руки Джедиды. «О чем ты, дочь? Куда он ушел на этот раз?»

Джедида села на скамеечку и посадила Китру на колени. «Мама! Андрей вернулся за Симоном — у него были новости с Иордана. Он встретил человека... которого

зовут *Иисус*.» Она пылко продолжила: «Пророк сказал, что этот человек — тот, кого все ждут. Креститель назвал его Мессией Израиля! Андрей увел Симона познакомиться с Ним.» Джедида засмеялась. Уголком глаза Джедида видела, что Ашира практически лопалась от восторга. «Расскажи им, Ашира. Расскажи им, о чем говорил твой дядя!»

Ашира, повторила слова, которые она услышала в те несколько мгновений на берегу, а ее бабушка, Езра и ее

братья и сестры все обратились в слух. «Иоанн назвал Его ‘Агнец Божий’. Он сказал что-то о том, что Иисус будет крестить огнем и что Он ‘унесет грехи мира!’ А потом, что он пошел за Иисусом в дом, где Он жил...» Ей так хотелось знать больше подробностей! Она замолчала и посмотрела на окружающих, захваченных словами, которые они так долго хотели услышать и, при этом, как и она едва могли постичь. «Я также слышала от дяди Андрей, что пророк Иоанн сказал: ‘Человек, который идет после меня, больше меня, потому что был прежде меня.’»

«Что он имел в виду?» — спросили Анна, полностью зачарованная.

Ашира всплеснула руками — она спрашивала себя о том же. «Дядя Андрей не объяснил. Это все, что я слышала.»

Езра поднял глаза, в них была мольба рассказать больше. «А какой Он? Еще кто-нибудь знает что-то об этом? Что Иисус будет делать дальше?» В его голосе звучал восторг, но ни Ашира, ни Джедида больше не могли ничего рассказать ему.

Анна села и поднесла к губам дрожащую руку. Она сказала, наполовину себе. «Никогда не думала, что увижу этот день. Джедида, после стольких поколений, которые намеренно забывали благодать Иеговы и восставали против Его пути, Яхве выбрал нынешнее время, чтобы явить Своего Спасителя, Мессию?»

Китра внезапно выпрямилась и заглянула вопросительно в лицо бабушки. «Нана, а што такое Мешшия?»

Голос Анны дрожал, а глаза блестели. «О, дитя... Мессия — это Настоящий Царь.»

Ариель просияла. «Он будет как тшарь Давид?»

Анна покачала головой: «Если это Мессия, Он будет более велик, чем любой другой царь, чем даже царь Давид.»

Порыв ветра пронесся по двору и зашелестел листьями акации в углу.

«Я не должен заставлять своего отца ждать» — сказал Езра — «и я сказал Джареду, что я скоро вернусь. Джедида, можно рассказать ему, что случилось?»

«О, да, конечно, и еще раз спасибо тебе, Езра.»

Китра спрыгнула с коленей матери и побежала за молодым человеком к калитке, крикнула ему «до свидания» и махала ему рукой, пока он не скрылся за поворотом.

Ашира щелкнула пальцами, вспомнив что-то. «О! Мама, мы с Елизаветой хотели поработать за прялкой вместе сегодня утром.»

«А, хорошо! Отправляйся сейчас. Пока она с Ездрой заботятся об их отце, ты можешь начать.»

Подойдя к калитке, Ашира внезапно вздрогнула и обернулась. «Мама, Зива собиралась прийти и помочь, мы встретились с ней у колодца сегодня и...»

Джедида посмотрела на нее понимающе. «Я приду через несколько минут. Ступай.»

Анна послала Ариель и Ребекку на крышу, за одеждой, которую она чинила ранее, и Китра побежала за ними, следуя, как обычно, за Ребеккой по пятам. Пожилая женщина наклонилась и спустила ребенка на землю. Он направился в угол и поднялся на цыпочки, стараясь дотянуться до листочка который практически касался его пухленьких пальчиков.

«Джедида» — тихо сказала Анна, приглаживая волосы дочери, — «ты сама не своя.»

Джедида улыбнулась. «Ничего страшного. Просто... такое чувство как в тот день, когда ушел Андрей. Каждая новость о грядущем Мессии так чудесна, *но это так сложно понять!* А сейчас, если этот человек, о котором говорит Иоанн, *действительно* Мессия, я хочу, чтобы Симон был рядом с Ним и нигде больше. Но все будет по-другому без Симона. Как долго его не будет? Нам нужно кормить много ртов, а Джаред все еще молод...» Ее голос затих.

Анна задумалась. «Будем верить, что все скоро прояснится. Уверена, Симон скоро пришлет нам весточку.»

Его имя Иешуа

Псалом Джебиди

*О, чудо,
О, радость,
О, как все это чудесно»
Неужели пришла Надежда Израиля?*

*Его зовут Иешуа.
Каков Он?
Умеет ли Он смеяться и плакать?
Этот человек Иисус, возможно ли это?
Неужели Он Тот Самый?*

*Иисус! Что за имя!
Уже больше не просто надежда.
Иисус! Тот, Кто Спасает.
Неужели Он пришел исполнить все наши мечты?*

*Воссиял свет
В форме человека!
Прямо среди нас? Здесь и сейчас?
Ходит, говорит под тем же небом?*

*Увидим ли мы Его?
Услышим ли мы Его?
Можем ли мы заглянуть Ему в глаза?
Можем ли мы коснуться Того,
о ком пророчествовали люди?*

*Иешуа! Что за имя!
Уже больше не просто надежда.
Иисус! Тот, Кто Спасает.
Неужели Он пришел исполнить все наши мечты?*

Пусть упал я

*Не ликуй надо мной, неприятель!
Пусть упал я — встану опять.
Пусть во мраке сижусь — светом будет мне Господь.*
Мих. 7:8

Тихо насвистывая старый праздничный мотив, Ашира подошла к дому Иессея. Радость от утренней новости все еще наполняла ее, и она не могла сдерживать ее. Вприпрыжку она подбежала к боковому входу их дома, и замерла, протянув руку к наполовину открытой двери.

«Елизавета! Сколько раз тебе говорить?!» — пронзительный голос донесся из тускло освещенного дома, резанув Аширу по ушам. «Посмотри на этот хлеб! Ты не убрала его вовремя, и теперь он испортился!»

Зива уже пришла. Ашира вздрогнула. Во мгновение ока вся ее радость улетучилась. *Бррр!* — вздохнула она. *Еще один шквал возмущений Зивы!* В разгар лета одним из самых ужасных галилейских природных явлений был ветер *шаркия*, он налетал яростно и без предупреждения. Самый спокойный день мог за несколько дней превратиться в ледяные потоки дождя и яростные порывы ветра, который приминал урожай и топил рыбацкие лодки, которые попадались ему на пути. Ашира всегда чувствовала что-то подобное в присутствии Зивы.

У нее пропали все мысли о Мессии и о ее отце. Единственное, что оставалось, — это взять себя в руки и войти в дом.

Елизавета и Зива стояли у огня. У обоих покрасневшие лица: у одной из-за тепла и смущения, у другой — из-за

гнева. В воздухе стоял чад сгоревшего хлеба. Ашира тихо поздоровалась с ними и в воздухе повисло неловкое молчание. Зива молчала не долго.

«Ты знаешь, сколько работы пропало впустую из-за твоей беспечности? Труд целого утра закончился *этим!*!» Она показала пальцем на пережаренные, почерневшие хлеба, лежащие на камнях вокруг печи, в которой догорали угольки. «Иди и скажи отцу, что ему придется еще подождать обеда. Я принесу еще дров.» Зива повернулась и вышла через дверь, в которую вошла Ашира. Заметив побледневшее, молчаливое лицо Аширы, она остановилась, оперев руки в бога. «Ну?! Ты что пришла сюда стоять и смотреть. Тебе не пришло в голову помочь?» Не дожидаясь ответа, она захлопнула за собой дверь.

Лицо Аширы покраснело и знакомые волны гнева накатили на нее. Она вскинула голову: «Елизавета, как долго она уже здесь?!»

Елизавета разгладила пальцами свою тунику. «Она пришла прямо перед тобой.»

Ашира хлопнула себя по ноге, кипя от злости. «Это женщина — мастер мутить воду. Она когда-нибудь перестанет?!»

«Ашира, не злись. В этом мире уже более чем достаточно злости. У нас должно быть сострадание, а не злость. Не вреди своему сердцу.»

Ашира плотно сжала губы, косточки ее пальцев побелели, когда она сжала сначала одну руку, а потом другую. Она знала глубоко внутри, что Елизавета была права, но она не могла найти в себе никакого другого чувства к Зиве, кроме яростного раздражения. Она внезапно подумала о своем отце, и знала, что он так же бы разгневался, если бы оказался в подобной ситуации. Бессчетное количество раз Ашире говорили, что у нее характер ее отца, и она начала верить этому. Она знала, что ей нужно измениться.

Она посмотрела во двор через открытую переднюю дверь. Появился Езра, неся на руках маленького и изнуренного человека. Она посмотрела Елизавете в глаза и вымученно улыбнулась. «Я приберусь здесь, Елизавета. Кажется, Ездре

не помешает помощь с твоим отцом.» Елизавета провела рукой по щеке и кивнула. Ашира опустилась на колени и начала складывать сгоревший хлеб в корзину и собирать старый пепел в горшок. Взяв метлу, она подмела пол быстрыми и резкими движениями. Она прекратила свою бурную активность и выглянула в дверь.

Елизавета вместе с Ездрой опустили отца на матрас в тени тамариска, ветви которого нависали над стеной двора. Они обложили его слабое тело подушками, каждое их движение было с крайней заботой и мягкостью. Елизавета укрыла его высохшие и кривые ноги одеялом, которое она соткала, а Езра принес ему воды. Иессей сказал что-то, что Ашира не расслышала, и трое рассмеялись.

Ашира удивленно покачала головой. Когда их мать умерла несколько лет назад, двое детей Иессея присматривали за своим отцом-инвалиде, заботясь о каждой его нужде. Бремя ответственности, которое несли Езра и Елизавета, хоть и

поглотило большую часть их детства было компенсировано их сильной любовью к своему отцу. Это сделало их зрелыми не по годам.

Не могу представить себе этого — подумала Ашира. Выносить все это, включая постоянную критику Зивы, с таким терпением.

«О, Ашира, спасибо тебе, тут и следов не осталось от того беспорядка, что я устроила сегодня утром. Елизавета вошла в комнату, и Ашира очнулась от своих мыслей.

«Несколько сгоревших хлебов — это не трагедия.» — заметила Ашира с раздражением. «Зива никогда в этом не признается, но большинство проблем возникает из-за нее. Все кругом виноваты, кроме нее. Мне вообще сложно что-либо делать, когда она рядом.»

Елизавета достала квашню и девочки вместе начали делать тесто из муки и воды. «Нет, я была невнимательной. Я так хотела правильно приготовить прялку, что просто забыла о том, что печется хлеб.»

«Видишь!» — прошептала Ашира с триумфом — «Даже малейшая возможность ее присутствия создает путаницу!»

Елизавета промолчала.

На фоне этого молчания Ашира почувствовала нечистоту в своей тихой тираде. Она направила свою энергию на приготовление хлеба со своей подругой, заглушив голос совести.

«Девочки, почему вы не за прялкой?» — Зива появилась, неся в своем платке хворост. Она ногой распахнула дверь. «Вы обе должны уже изо всех сил работать над полотном. Идите! Я займусь делами здесь. Подождите — зачем так много теста?» Зива свалила дрова и наклонилась над квашней, внимательно рассматривая тесто. «Ашира, ты делаешь хлеба на всю свою семью. Нам нужна половина от этого!»

У Аширы застучало в висках. Она возразила: «Мы только хотели помочь...»

«Да, что вы знаете о помощи? Идите уже, пока еще чего-нибудь не натворили. Я займусь хлебом.» Зива села и занялась тестом.

Ашира поднялась на ноги. Она тяжело дышала, и внутри у нее все скручивалось от агонии. Елизавета кивнула в сторону задней комнаты, прекрасно понимая, что бессмысленно препираться с тетей, это только раздует пламя. «Прялка готова; пошли, Ашира.» Ашира направилась к дверям.

«О, Ашира,» — сказала Зива — «я услышала новости на улице. Твой отец опять ушел, на этот раз повидаться с каким-то ‘мессией’!» Ашира остановилась как вкопанная и поникла. *О, нет. Только не это.*

Зива продолжила: «Что я тебе говорила сегодня утром? Как только твоему отцу что-то втемяшится, дома его не дождешься! Кто знает, что ему еще взбредет в голову? Никто еще ничего не слышал об этом новом *мессии*. Никто из лидеров не упоминал его, но твоему отцу обязательно нужно первым сунуть в это нос! Это глупо. По моему мнению, все это ничем не закончится, и он просто впустую потратит свое время. И оставить свою семью — как вы будете кормить столько ртов? Джаред не справится с ловлей рыбы...»

Ашира решительно повернулась к Зиве. Слова так и срывались у нее с языка. «Зива» — почти закричала она — «ты не знаешь моего отца! Ты не понимаешь его! Думаешь, ты знаешь, о чем говоришь?! Мой отец не такой! Он добрый и любящий. Ты считаешь его страсть по Богу безответственностью, и ты *неправа!* Авва любит Бога, и он любит *нас*. А ты... ты...» Она остановилась, не найдя, что сказать, тяжело дыша. Она чувствовала, что лицо у нее покраснело. Ее мать стояла в дверях. Джедида слышала каждое слово с широко распахнутыми от тревоги и смятения глазами.

«Ну!» — сказала Зива с преувеличенной обидой — «Так ты воспитываешь свою дочь, Джедида! Если бы сейчас были дни Моисея, то за такое неуважение этого ребенка вывели бы и побили камнями!»

Ашира, опустив руки, стояла неподвижно, отводя глаза от матери. Джедида опустила свою корзину и подошла к дочери. Она отвела ее за локоть в угол, где они начала взволнованно перешептываться. Обрывки разговора долетали до Зивы, пока она, напевая, месила тесто.

«Ашира, ты не должна так разговаривать! Ты должна смягчить свое сердце и взять ответственность и за свои ошибки!»

«Мама, ты слышала... я не могла спустить ей этого. Я не имела в виду...»

«...Ты должна... Сейчас!»

Ашира полпелась к Зиве. Она не смотрела на нее. «Я прошу прощения.» Ее угрюмый голос и напряженное лицо говорили о чем угодно, только не о печали.

«Гм...» — Зива покачала головой. Несколькими быстрыми движениями она поставила новый хлеб в печь. Выпрямившись, она сказала: «Джедида, раз ты здесь, я полагаю об этой семье должным образом позаботятся. Мне пора идти. До свидания.»

Высокая женщина вышла в дверь, резко взмахнув полами расшитой накидки. Ашира тихо застонала.

«Пошли, Ашира» — сказала Елизавета, у нее защемило сердце и она озабоченно нахмурила лоб. «Пойдем за прялку?»

Кто поверил?

*Кто поверил слышанному от нас,
и кому открылась мышца Господня?*

Ис. 53:1

Джедида и Ашира ушли из дома Елизаветы и в тишине дошли до калитки своего двора. Джедида заметила своего старшего брата Лемуэля, сидящего на скамейке с ее детьми у его ног. У нее polegчало на сердце. Ее брат всегда знал, как облегчить ее проблемы, и она радовалась его визитам. И из них двоих он был более бойким. Когда она подошла ближе, она увидела, что он сильно жестикулирует, описывая свое последнее похождение с арабами. Ашира, за которой следовала Джедида, тоже увидела своего дядю Лема и глубоко вздохнула, как если бы хотела избавиться от остатков боли и отчаяния из-за встречи с Зивой. Она тоже повеселела при виде своего любимого дяди.

Джедида открыла калитку, пропустила Аширу, и зашла следом за ней. Лемуэль заметил Джедиду и поднялся с широкой улыбкой, протянув к ней руки. Джедида окинула взглядом своего высокого старшего брата. Ему было едва за сорок, его черные как смоль волосы были аккуратно подстрижены, переходя в бороду. Его красивое лицо было обветрено и покрыто загаром благодаря многим годам путешествий по пыльным пустыням. Морщинки окружали его острые черные глаза купца. Он всегда был надежным человеком, ее брат. В молодости Лемуэль стал подручным Надаба, богатого торговца. Он быстро всему учился и вскоре сам стал купцом. А теперь, хоть он и был одним из

самых богатых и занятых людей во всей Галилее, он часто навещал свою мать Анну и сестру Джедиду. Он очень сильно любил их, и они знали это.

Густой голос Лемуэля грохотал, пока он обходил детей. «Джедида! Как я рад тебя видеть, сестренка! И Ашира! Боже, в следующий раз, когда мы увидимся она сравняется со мной ростом!» Ашира, одна из самых невысоких членов семьи игриво посмотрела на него. Джедида засмеялась и обняла брата.

«О да, она растет во *многих* отношениях!» — добавила он, бросив на Аширу многозначительный взгляд. «Ашира, заходи внутрь, мы поговорим позже.»

Ашира тихо послушалась. Смущенно посмотрев на дядю, она проскользнула в дом.

Всегда зная, как справиться с неловким моментом, Лемуэль повернулся и объявил другим детям, драматически взмахнув рукой: «И так я чудесно спасся со всеми своими товарами от этих бандитов и строю теперь перед вами с рассказом об этом! Конец.» Дети начали упрашивать рассказать им еще. Смеясь, Лемуэль отмахнулся от них, и, поняв, что они какое-то время не услышат больше никаких историй, малыши разбежались по дому и двору.

Лемуэль взял Джедиду за руку, и они укрылись в тени акации. «Итак, сестренка, как дела у тебя дома? У всех все было в порядке за время моего отсутствия?»

Джедида немного помолчала. «Смотря что ты понимаешь под ‘порядком.’ Ашира только что вспылила на тетю Елизаветы Зиву...»

«Несомненно, качество унаследованное непосредственно от Симона» — шутливо заметил Лемуэль.

Не обратив внимание на его замечание, Джедида продолжила: «...и Ариель, кажется, с каждым днем становится все тише. Она проводит все больше и больше времени на крыше, как будто ей больше нравится быть с собой, чем с другими.»

«А, ну, по крайней мере, у нее спокойный характер ее матери, если не твоя страсть заботится о других» — сказал Лемуэль, подмигнув и улыбнувшись. «Давай, давай. Расскажи мне об остальных!»

Джедида продолжила. «Иезекииль — это вихрь энергии. Что касается младшеньких, то, полагаю, все в порядке. Я была бы не в порядке, если бы не мама. Она такая чудесная поддержка, и я думаю, у нее больше энергии, чем у всех нас вместе взятых. Лемуэль и Джедида тихо рассмеялись.

«А Симон? Он ведь уже должен быть дома?» — спросил Лемуэль.

Джедида едва заметно улыбнулась. Она повернулась к своему старшему брату. «Нет» — она слегка замешкалась, не зная, как Лемуэль воспримет новости. «Я как раз собиралась об этом сказать». Джедида сомневалась, что Лемуэль посчитает это Радостной Вестью, как все остальные. «Он ушел сегодня. Андрей вернулся сегодня утром и рассказал ему о человеке, которого они считают Мессией!» Джедида с надеждой посмотрела на брата. «Лемуэль, *Мессия!* Они говорят, его зовут *Иешуа!*» Она опять заглянула в глаза Лемуэлю, надеясь увидеть хоть какой-нибудь положительный отклик. «Как только Симон услышал это, он ушел с Андреем. Я не знаю, сколько он будет отсутствовать, но Лем, может быть, это Тот, кого мы ждали!»

Лемуэль ненадолго задумался: «Так, Симон ушел разузнать об этом человеке. У нас с Симоном есть разногласия, но если

он убежден, что его призвание — найти Мессию... я могу, по крайней мере, сказать, что уважаю это в человеке.»

Джедида слегка кивнула, сев на скамейку, сомневаясь в его словах. Лемуэль и Симон были совершенно разными. Лемуэль был утонченным, культурным и он очень серьезно относился к «ответственности». В глазах ее брата Симон был некультурным и посредственным. Лемуэль был богатым и успешным, а Симон... Джедида всегда думала, что его сердце восполняет недостаток богатства. Его страсть была больше направлена на Божье, он думал, что если в этом будет порядок, то и в семье тоже. Да, эти двое мужчин были очень разные. Она собралась сказать что-то, но тут из кухни позвала Анна: «Лемуэль? Заходи и поешь. Ты должно быть умираешь с голоду!»

Лемуэль подмигнул сестре, и, положив руку ей на плечо, поцеловал ее в макушку. Затем он уступил зову матери и направился по двору в дом, а Джедида обратила свое внимание на детей.

В доме Лемуэль взял горсть фиников из миски, предложенной Анной и разразился гневной тирадой по поводу Симона. Он явно не настолько поддерживал его, как показал раньше. На самом деле, он был в гневе.

«Но, мама,» — сказал он, стараясь понизить голос — «он оставил всю семью, семь детей и двух женщин, чтобы последовать за человеком, о котором никто не слышал и которого он никогда не видел, кого его *брат* называет Мессией? Это верх абсурда! Джедида начинает терять силы. Очевидно, что она заботится не только об этой семье, но взвалила на себя и обеспечение семьи Иисуса. И, на самом деле, ты и сама не выглядишь как раньше! Кормить девять ртов плюс соседей — это много. А кто позаботится о ловле рыбы? Джаред?! Он не создан для ловли рыбы!»

Анна, которая суетилась на кухне, посмотрела на него: «Не спеши, сын. Наша ловля рыбы — достаточно процветающее дело. И Джаред приспособится. Джедида исключительно экономная!» Она высыпала ведро фиников в мешок из грубой ткани. «У нас все будет в порядке.» Она затянула мешок веревкой. «И почему ты называешь стремление

Симона к Мессии ‘верхом абсурда’? Разве наш народ не ожидал всегда Мессию? Вся наша нация создана вокруг такого момента, такой эры. Почему ты насмехаешься? Почему *не* сейчас? Почему *не* мы? Все, кто слышал о Нем, пришли в благоговение и восторг. Даже Ездра, Лем, а ты знаешь, что *он* знает Писания.» Она вздохнула раздраженно и добавила: «Пророк Иоанн выделил этого человека Иисуса. Ты можешь допустить хотя бы *возможность* того, что Он может быть Мессией?»

Лемуэль взял еще одну горсть фиников. Его глаза расширились, когда он увидел у себя на руке извивающегося червячка. Он выбросил финики в мусор и зашагал по комнате. «Мама, есть некоторые жизненные факты, которые ты, кажется, не понимаешь. Для начала, мечты о Мессии не накормят семью. И, разумеется, я жду Мессию так же как и вы. Разумеется, как ты сказала, весь Израиль ждет Избавителя. Но мы оба знаем, сколько лжеизбавителей поднялись и ПАЛИ, и как много людей пострадало. Со временем выяснилось, что они ложные. Рисковать так своей семьей опасно и ненужно для Симона. Слишком много галилеян бегут за каждым человеком, который объявляет себя Мессией, чтобы только...»

Анна властно подняла руку: «Лемуэль, ты мой сын. И потому должен хотя бы меня выслушать. Ты, несомненно, помнишь, что возвестил пророк Исая,

*В прошлом Адонай принижал землю Завулона и
Неффалима, но в грядущем Он прославит
языческую Галилею, на пути к морю...»*

Лемуэль опять зашагал, все еще слушая, но слишком возбужденный, чтобы стоять на месте. Анна продолжила: «Пророк говорил о нас, Лемуэль! Об этом месте, этой земле, Галилее, земле Завулона! Ты знаешь другие обетования, как и я... мы можем продолжать и продолжать. Более того, Иоанн креститель возвестил Иисуса Агнцем Божьим и Спасителем мира. Думаю, это делает этого человека

совершенно особым. Десять тысяч подделок не могут украсть Истину, если мы смелы.»

«Возможно» — пробормотал Лемуэль неохотно.

Анна продолжила: «Я ценю то, что Симон, по крайней мере, был готов пойти и выяснить, несмотря на потенциальные жертвы для его семьи. И, мой сын, ты знаешь, что мы с Джедидой вполне способны заботиться о семье, даже сталкиваясь с небольшими трудностями. Но» — сказала она, когда Лемуэль попытался перебить ее — «я знаю, что нам понадобится помощь. Может быть, ты здесь, чтобы через тебя Адонай обеспечил нас.»

Джедида, работая во дворе, услышала обрывки разговора между ее братом и матерью. С одной стороны, кое-что из того, что сказал Лемуэль, было правильно. Симон *действительно* все оставил, и после даже нескольких дней без рыбалки ей трудно кормить семью и заботиться о ней. С другой стороны, если Сам Адонай Элохим назначил этого Иисуса Своим царем, разве не должен Симон последовать за ним? После этих трудностей может прийти время процветания, на которое надеялся Израиль. И кроме того, ее мать была одной из мудрейших людей, которых она знала. Если Анна верила, что все будет хорошо, то так и будет... Разве нет?

Вечером Аширу одолели мысли. Неужели только сегодня утром мы с аввой говорили о пророчестве Исаяи? Кажется, с этого разговора на берегу прошло несколько дней. Эта фраза, это чудесное имя: Князь Мира... Вот что мне нужно: Князь Мира. Обетованного назовут Чудесным Советником, Богом Крепким, Вечным Отцом... Князем Мира. Неужели это Иешуа? Все во мне жаждет этого!

Но все в таком беспорядке. Я в беспорядке. Не знаю, что ненавижу больше: Зиву или мою реакцию на нее. Мне определенно нужен мир в том, что касается ее. Но пока что Иисус принес что угодно, только не мир. Мой авва опять ушел, все неопределенно и нестабильно. Даже дядя Лем, который может улыбаться в худших обстоятельствах, явно расстроен упоминанием этого человека, Иешуа. Еще и дня не прошло с «прихода» этого Мессии, а все в моем мире стало с ног на голову. Что все это значит?

Я незнаю... Может быть, мир, о котором пророчествовали, больше связан с национальными делами: со свержением римского владычества и восстановления нации Израиля? Я знаю, что кое-кто так думает...

Он будет царствовать

Умножению власти Его и мира нет конца. Он будет царствовать на престоле Давида и над его царством, утверждая и поддерживая его правосудием и праведностью отныне и вовеки. Ревность Господа Сил сделает это.

Ис. 9:7

Дверь открылась с жалобным скрипом и закрылась с оглушительным звуком. «Я дома!» — крикнул Иезекииль.

Джедида тихо вошла в комнату. «Привет, Иезекииль!» — поздоровалась она с ослепительной улыбкой. «Иди на берег и помоги немного Джареду. После этого можешь пойти поиграть с друзьями, если хочешь. Я иду к соседям помочь Елизавете.»

«Да, мама, но после того как я помогу Джареду прибраться на озере, можно мне остаться дома? Я хочу сделать что-то!» — сказал он с блеском в карих глазах. Джедида кивнула и он ушел. Он был уже у калитки, собираясь бежать к озеру, но Ашира, возвращаясь из сада, остановила его.

«Привет, Иезекииль. Куда ты так спешишь? Вероятно, рыболовство у тебя в крови. Не можешь дождаться, чтобы почувствовать ветер у себя в волосах и вдохнуть морской воздух, не так ли? О! Может, ты спешишь в синагогу?!» — Ашира улыбнулась, зная, что ее братишку и калачом не заманишь в синагогу. Иезекииль улыбнулся ей в ответ. Ашира продолжила более серьезным голосом. «Как прошли уроки в синагоге сегодня? Равви сказал что-нибудь о Мессии... Я знаю, что во всем Капернауме кипят разговоры.»

«Да, он говорит много, но ничего о человеке Иисусе, почти все в общем. ‘Вот вопросы, которые мы все должны задать о Мессии.’ Он говорит, что если когда Израилю и нужен был избавитель, то это сейчас. Равви говорит, что если это истинный Мессия, то Бог, вероятно, — я имею в виду *может быть* — даст Ему могучее войско, как в древности, чтобы Он мог свергнуть римлян.»

«А ты что скажешь?» — спросила Ашира его.

«Я скажу, что я хочу быть с отцом и увидеть Мессию, когда он будет проходить здесь. Я хочу увидеть его могучее войско!»

Ашира улыбнулась ему и покачала головой: «И, полагаю, ты хочешь присоединиться к нему!»

«Он, наверное, не примет одиннадцатилетнего мальчика в свое войско» — печально сказал Иезекииль.

«Наверное, нет» — сказала Ашира, сделав такое же серьезное лицо, как у него. Она повернулась, и, улыбаясь себе, зашла в дом. Иезекииль бросился по склону холма, чтобы присоединиться к своему брату на берегу.

Позже, когда дневная работа на берегу была закончена, Иезекииль прибежал домой и пропел: «Ариель! Где ты? Мне нужно тебе что-то сказать!»

«Здесь!» — позвала Ариель из хлева, где она доила коз.

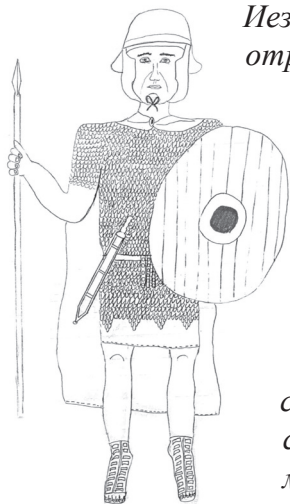
Иезекииль подбежал к ней. «А», — сказал он довольно — «ты как раз в нужном месте, чтобы услышать мое представление! Я написал песню для тебя, когда убирал сети на озере. Слушай!» И когда Ариель посмотрела на него с удивлением на лице, он начал петь.

*«Глупые, глупые, глупые козы,
Безмозглые, безмозглые.
Когда они едят, их брюхо надувается.
Они воняют, когда идет дождь.
Но у них вкусное молоко,
Я всегда выпиваю его до капли.»*

Когда он закончил, Ариель вежливо похлопала, и Иезекииль низко поклонился. «Теперь я могу сделать меч» — сказал он, выходя из хлева. «Так, куда я положил свой ножик?» Он какое-то время оглядывал двор. «Ага, вот он!» Найдя нож на полке прямо за дверью, он вытащил длинный кусок дерева, прикрепленный петлей к его поясу. Он сел на шаткую скамеечку во дворе и начал вырезать «меч». Пока он вырезал по дереву, его мысли унеслись к тому, что произошло несколько дней назад. Иезекииль вспомнил, как он бежал по улице, ведущей к синагоге.

«Как здорово избавиться от этой вонючей соленой рыбы! Так, побежали.» — сказал он себе. «Мимо дома Шемуэля, мимо дома Даниила, мимо кожевника — ух, ну и запах! Почти там, почти там, дом равви, хорошо — эй!» Он остановился так внезапно, что чуть не упал. «Центурия марширует! Сотня солдат! И один человек, центурион, командует ими всеми! Хорошо, а этот центурион тот безобразный с большими бровями? Нет, нет. Тот, кто никогда не улыбается? Нет, я думаю, это новая центурия, новый центурион из Рима!»

Иезекииль протяжно присвистнул и продолжил шептать себе. «Только посмотри на этого коня! Вороной со звездочкой. Седло с символами цезаря. А легионеры!»

Иезекииль моргнул, когда солнце внезапно отразилось от нагрудника легионера.

«У всех них новое вооружение, а их ремни такие гладкие и блестящие. Они все маршируют безупречно, нога в ногу.» Он поправил свой собственный ремень. «Хм, когда-нибудь у нас будет такое же войско.» Иезекииль развернул плечи и начал маршировать в ногу с солдатами. Стараясь не выдать своими глазами презрения, которое его молодое сердце научили чувствовать

по отношению к этим языческим надзирателям, он плотно сжал губы в прямую линию и нахмурил брови. Его лицо выглядело очень серьезно, и он был застигнут врасплох, когда оглянулся на центуриона на вороном коне и ему показалось, что офицер подмигнул ему.

Иезекииль вздохнул и громко сказал: «Это удивительно. Но я опоздал в синагогу... опять.»

Иезекииль внезапно очнулся от мечтаний, когда Ребекка вприпрыжку забежала во двор и уставилась на него. «А что это ты делаешь, Зек?» — спросила она.

«Я делаю» — сказал он, гордо держа кусок дерева — «меч!» И расплылся в улыбке.

Ребекка захихикала: «А для чего тебе меч?»

Не отрываясь от своей работы, Иезекииль сказал смущенно: «Ну, мне нравится представлять, что я буду в могучем войске Мессии и буду помогать освобождать Израиль! Мессия поднимет войско, и я хочу быть в нем. Какими бы славными не были римские солдаты, более славно будет победить их навеки!»

Ребекка посмотрела на него насмешливо. «А-а-а» — сказала она, потеряв интерес, и поскакала дальше, напевая про себя.

Анна, которая слушала этот разговор из дома, вышла во двор и села рядом с Иезекиилем. Он обрадовался ей. Бабушка Нана всегда жаждала Мессию. Он знал, что ей понравится его поделка. Анна спросила: «Так ты делаешь меч, чтобы поразить врагов Израиля?»

«Ага» — кивнул Иезекииль с энтузиазмом, не отрываясь от работы.

«А как Давид победил Голиафа? Надел ли он броню Саула и вышел с острым мечем и щитом? Нет! Он вышел в поле, вооруженный только скромной пращей и...»

«Отличная идея!» — перебил ее Иезекииль.

Я сделаю новую пращу вместо... лучше, чем моя старая!»

Анна тихо рассмеялась. «Дай мне закончить, Иезекииль. Давид вышел на бой с великаном с одной пращей, камнями и своей верой в Бога. Его сердце горело по Богу Израиля.

Бог почтил это и помог Давиду победить Голиафа. Разве Господь не может сделать сегодня то же самое!»

«Да, Нана» — сказал Иезекииль, озадаченный ее словами, и спросил: «Но все, кажется, говорят о том, что Помазанник восстановит Израиль. Как Он сделает это без войска?»

Анна ответила задумчиво: «О, Он может собрать войско, Иезекииль. Пророк Исаяя говорит о том, что грядущий Царь *сломает ярмо Израиля, брус у них на плечах, палку их притеснителя*. Но также справедливо, что Адонай смотрит на сердца людей, а НЕ на их оружие. Возможно, поэтому креститель так много говорит о покаянии. Дитя, приготовь свое *сердце* для Царя.»

Иезекииль задумался над словами своей бабушки. «Да, я хочу приготовить свое сердце.» И он оживился: «И свой меч!»

Молитва Анны

О, Искупитель, мы так ждали Тебя!!

Это правда ТЕПЕРЬ?

*Что наш Искупитель жив и
ТЕПЕРЬ стоит над землей? (Иов 19:25)*

*О Господь, Наша Скала, Наш Искупитель,
О Могучий Иакова,
Ты проложил путь по морю,
Путь по бушующим водам,
Ты вывел это войско,
Полегли они вместе,
Не встанут уже. (Ис. 43:17)
Неужели ты не избавишь нас еще раз?*

*О Господь, Наша Скала, Наш Искупитель,
Состязайся с теми, кто состязается с Твоим
избранником,
Спаси нас, спаси наших детей, (Ис. 49:24)
Сойди, чтобы сделать Имя Твое
Известным Твоим врагам,
Не вспоминай наших грехов вовеки.
О, взгляни на нас, молим Тебя (Ис. 64:2-9).*

*О Господь, Наш Создатель, Наш Искупитель,
Верни нас с великой милостью, (Ис. 54:7)
Приди к нам, О Искупитель,
К тем, кто раскается в грехах, (Ис. 59:20)
Пусть Твоя слава явится над нами, (Ис. 60:2)
Пусть те, кто презирает нас, склонится
И назовет нас Городом ГОСПОДНИМ.*

*Неужели настало время
Для нового, что Ты обещал?
О Господь, Наша Скала, Наш Искупитель,
Проложи путь в пустыне,
Напои Свой народ, Своего избранного. (Ис. 44:24)
Восстанови развалины,
Отстрой нас заново,
Научи нас лучшему,
Веди нас по пути, которым мы должны идти (Ис. 48:17)*

*Тогда все узнают,
Что ГОСПОДЬ — наш Спаситель,
ГОСПОДЬ — наш Искупитель,
Могучий Иакова. (Ис. 60:13)*

Приглашен!

*Через три дня в Кане, в Галилее, был свадебный пир,
и мать Иисуса была там. Иисус и Его ученики тоже
были приглашены на свадьбу.*

Ин. 2:1-2

Ариель сбежала по лестнице с крыши: «Зек, Шира, мама... это авва! Авва идет домой с берега!»

Иезекииль поспешно отложил ножик. «Авва дома? Отлично! А ты не видела с ним человека Иисуса?»

«Я не знаю» — крикнула Ариель, подбегая к калитке. Ребекка и Китра следовали по пятам, пытаясь высмотреть своего папу. «Похоже, он идет один».

Симон поднялся на небольшое возвышение на тропе, ведущей к их дому, и ему на шею бросились три младшие дочери.

«Авва!» — воскликнула Ребекка — «Мы так по тебе соскучились!»

Иезекииль подошел за девочками. «Привет, отец!» И без обиняков сразу перешел к тому, что его волновало. «А Мессия с тобой? Он здесь в Капернауме? Собирает ли он могучее войско, чтобы победить римлян? Не могу дождаться, когда увижу Его!» — Иезекииль с энтузиазмом прыгал вокруг своего отца.

Симон смущенно засмеялся: «Ну же, Зек! Я пока не знаю ничего о войске. Мы идем на свадьбу... в Кану.» Симон решительно направился к дому, малыши все еще цеплялись за него. Но не Иезекииль. Иезекииль застыл, не веря своим ушам. *Никакого войска? Никакой войны? Разве он не собирается поразить римлян? Вместо этого Он идет на свадьбу?*

«Ашира, дочь моя!» — прогромыхал радостно Симон. «Мне так много нужно тебе рассказать! НО у меня мало времени. Иди сюда!» — он обнял ее.

«О, авва, я так соскучилась! Я уже начала думать...» — Ашира замолчала.

Симон сразу же заметил ее заминку, но обернулся, когда услышал другие знакомые голоса. Он тепло заключил в свои крепкие объятия тещу и жену. «Анна! И моя дорогая Джедида. Невозможно рассказать всего, что произошло за эти несколько дней. Я...»

Симона прервали ликующие прыткие дети, которые опять вскарабкались на него. Он щекотал хохочущую Китру, пока она не соскочила с него, и подхватил малыша. Он чмокнул его еще раз, прежде чем передать его его матери.

«Авва», — спросила Ребекка настойчиво — «когда ты придешь с Мессией?»

«Я, я не знаю. Я...»

«Но...» — начал Иезекииль, все еще потрясенный после того, как его мечту о войске заменили свадьбой. «Но я думал... Разве Он не собирается победить...»

«Говорю тебе, Зек, я не знаю. Я не слышал о войске. Ничего о римлянах.»

Ашира никогда не слышала, чтобы ее авва когда-либо говорил «я не знаю» так часто. *Он не настолько уверенный, чем когда уходил. Интересно, почему.*

«Симон», — сказала Анна — «ты, должно быть, голоден с дороги; давай я тебя накормлю.» Она направилась в кухню.

«Спасибо огромное, Анна. Я очень проголодался!»

«Шира!» — перекрикнул он нескончаемый поток вопросов — «Куда ушла твоя мать? ДЖЕДИДА!» — закричал он, как вдруг понял, что она стоит позади него, от души наслаждаясь происходящим. «О, а... вот где ты! Можешь сказать, где моя лучшая одежда и Андрея тоже?»

«Она должна быть в том старом сундуке» — ответила она. «Симон, а какой Он, этот Иисус?»

Симон помолчал. Он посмотрел на Джедиду, глаза которой требовали ответа. «Я не знаю, как описать Его. Он, ну... я... вы должны сами Его увидеть!»

«А Он Обетованный Богом для искупления Израиля? — спросила она. «Он Мессия?»

«Думаю, да... кажется, да... Он не совсем такой, как мы все это время ожидали.» Посмотрев на Иезекииля, он добавил: «Он не говорит о победе над римлянами и обо всем таком. Но нас всех сильно влечет к Нему... Он удивительный и поразительный... и неординарный... Его трудно разгадать, но при этом, я думаю, в Нем лежат все ответы. Я очень часто запутываюсь.»

Симон прекратил попытки объяснить. Он ворвался в гостиную, дети бегом за ним. Он заворчал, вытаскивая пыльный сундук с крышкой без половины петель. Он распахнул его. «Ага! Вот она. То, что нужно для свадьбы!»

«Авва, авва!» — звала Кира, подпрыгивая от нетерпения. «А Мешшия жженица?»

Симон расхохотался. «На это я *знаю* ответ! Нет, нет, милая. *Мать* Иисуса пригласили на свадьбу в Кане, и она попросила Иисуса прийти со всеми Его учениками. Андрей, Иоанн, Иаков и я — мы все идем с Иисусом. Даже Филипп и Нафанаил идут.»

«А ты ушеник?» — спросила Китра невинно.

«Я... ну, наверное... я не думал об этом... думаю, я...» — сказал Симон, сбитый с толку простым вопросом его дочери.

Малыш схватил Симона за ногу и потянул. «О, мой малыш, авва скучал по тебе!» Симон опять взял на руки своего младшего сына. «Ты хорошо себя ведешь?» — спросил Симон тихо, щекоча малыша.

Наконец, он достал одежду из сундука.

В дом вошел Джаред с сетью на плечах. Он внезапно остановился. «Отец, ты вернулся!» Лицо Симона просветлело при виде его старшего сына. Подойдя к Джареду широким шагом, Симон обнял его. Джаред был ошеломлен редким теплом своего отца.

«Как ловля, сын?» — спросил Саймон.

«Ммм... мне жаль, отец» — признался Джаред с легкой тревогой — «не очень хорошо.»

«О, ничего страшного. Наловчишься.» — Симон на мгновение замялся. «Я вернусь домой так скоро, как смогу, ты сможешь управляться еще несколько дней?»

«Да, Ездра помогает мне.» Джаред все еще был озадачен. *С каких пор плохой улов не расстраивает отца?*

Заинтригованная, Ашира наблюдала за отцом и Джаредом. *Авва определенно изменился.* Вслух же Ашира настойчиво задавала вопросы, которые горели во всех них. «Авва, а какой Иисус? О чем Он говорил? Что Он собирается делать?»

«Когда я вернусь со свадьбы, я постараюсь ответить на столько вопросов, на сколько могу. Но вы должны понять, у меня много своих собственных вопросов. Вы увидите. Надеюсь, вы скоро с Ним встретитесь.»

Иезекииль заговорил с надеждой: «Пап, когда ты пойдешь на свадьбу, можно я пойду с тобой? Я буду хорошо себя вести и не буду отставать!»

Симон улыбнулся и посмотрел на Иезекииля. «Да, ты не будешь отставать; ты, скорее, будешь бежать впереди! Но нет, сын, тебе нужно остаться здесь и помочь Джареду ловить рыбу и заботиться о вашей матери и сестрах. Не беспокойся; Иисус и остальные придут в Капернаум очень скоро.»

Интересно, подумала Джедида про себя, интересно, что делает и говорит Иисус? За такое короткое время я вижу, как Симон меняется. Он такой же громкий, такой же порывистый, но... не такой... самоуверенный! Он определенно мягче к Джареду, и это только спустя несколько дней с этим человеком, за которым он следует! Это не случайность и не совпадение. На это есть причина. В этом человеке Иисусе должно быть что-то особое.

Симон посмотрел на свою жену. *Она видит то, о чем я думаю... как обычно. На этот раз она знает, что я не знаю... ничего.* Он смущенно посмотрел ей в глаза. Затем, не зная, что делать, он пожал плечами и опять обнял детей.

Кажется прямым

Бывает путь, что кажется прямым...
Прит. 16:25

«Ух! Должно быть, полные!» — сказал Джаред, вытаскивая сети. Он отбросил прядь влажных черных волос со своих глаз. Ездра возился с другой сетью рядом с ним. Его лоб был покрыт свежими каплями пота, несмотря на прохладный воздух раннего утра.

«Думаешь, нам нужно забросить сети еще раз, прежде чем возвращаться?» — спросил Ездра, наблюдая, как его сеть поднимается из воды.

«Не, мы работали всю ночь...» И в этот момент сеть Джареда так резко вышла из воды, что он упал в лодку. Суденышко закачалось.

«Ого!» — закричал Ездра. Смоляной факел, горевший на борту лодки — приманка для рыбы, а также рабочее освещение — отцепился. Он упал с плеском в воду и потух. Джаред застонал и протянул руку, чтобы поддержать Ездру. Стараясь сохранить равновесие, Ездра выпустил из рук веревку. Рыба быстро сбежала из ослабевшей сети. Ездра бросился за веревкой, схватив ее прямо перед тем, как она исчезла за бортом. В следующий момент он растянулся о ноги Джареда, чуть не попав лицом в кучу рыбы. Они оба сели неподвижно. И Ездра рассмеялся. Джаред уныло поднялся, но глядя на место происшествия, слегка улыбнулся.

«Сегодня утром не понадобится много времени, чтобы рассортировать рыбу» — сказал он, оглядывая свою наполовину полную сеть и пустую сеть Ездры. «Извини.»

Ездра, все еще нервно смеясь, поднялся. Он взял скудный улов рыбы и сел напротив Джаред. «Я рассортирую, а ты греби» — сказал он с шутливым упреком.

Джаред ухмыльнулся и взялся за весла. Он смотрел, как Ездра доставал рыбу из сети. Это была маленькая, круглая ручная сеть шириной в человеческую руку. Грузила, привязанные по периметру, тянули ее вниз, когда ее забрасывали в воду. Когда тянули за веревку, привязанную к центру, сеть стягивалась вокруг рыбы.

Рыба извивалась между пальцами Езры, когда он бросал ее на дно маленькой деревянной лодочки. Джаред не возражал, что Ездра сортирует ее. Из всего, что он ненавидел в рыболовной ловле, это было самое худшее. Но это все равно нужно делать. Тиляпия и сардины были рассортированы — немного для себя, остальное на продажу покупателям-евреям. Сом и минога будут проданы язычникам.

Пока Джаред работал веслами, его мысли унеслись от их маленькой рыбацкой лодки в Галилейском море. Его дядя Лемуэль рассказывал ему об огромных торговых кораблях с сотнями весел в Великом море. Он никогда не видел Великого моря, которое простиралось от границ Израиля до Греции, Рима и далее, но мальчиком он обещал себе, что однажды он его увидит. Лемуэль также ходил на восток в опасные путешествия с караванами верблюдов. Его предприятия прекрасно окупались; Лемуэль был самым богатым человеком, которого Джаред знал.

«Если бы только...» — вздохнул Джаред.

«Что?» — отозвался Ездра.

«О, я просто думал о своем дяде».

«Ты очень хочешь стать купцом, не так ли?» — спросил Ездра. Джаред посмотрел, хмуря брови, на несколько рыббин на дне лодки, притянув весла к груди.

«Я не умею ловить рыбу, Ездра. У меня это не получается! Это всегда было очевидно. Почему я не могу использовать свой ум, а не мышцы?» Он посмотрел на свои руки, и они оба засмеялись.

Джаред явно унаследовать худощавое телосложение своей матери, и он давно перестал бросать вызов Ездre в рукоборье. Джаред продолжил серьезно: «Дядя Лем сказал моему отцу, что я больше подхожу для работы с цифрами. Он хочет взять меня своим писцом. Он говорит, что на торговле я заработаю в два раза больше, чем на ловле рыбы. В два раза, Ездра!»

«Твой отец не согласится на это, не так ли?» — спросил Ездра тихо.

Джаред вздохнул. «Нет. По крайней мере, пока нет.» Затем он просветлел. «Но я не сдаюсь. Это кажется правильным. И почему нет?» Он крепко сжал руками весла. «На прошлой неделе дядя пригласил меня в свое следующее предприятие в Грецию. Я собираюсь поговорить с отцом об этом, когда он вернется домой... когда бы это ни было!»

«Он на свадьбе в Кане, не так ли?» — спросил Ездра с любопытством.

Джаред глянул на него беспомощно. «Он вернулся домой несколько дней назад, вопя, что он так голоден, что может съесть половину рыбы в море. Я думал, мне влетит за то, что оставил ее тут в безопасности. Но на этот раз отец был... не знаю... другой. Мягче, мне кажется. И вместо того, чтобы

отправиться на рыбалку, он объявил, что уходит на свадьбу!» Джаред замолчал, глядя на Ездру. «Знаешь что? Отец сказал мне, что Иисус дал ему новое имя!»

Езра воскликнул: «Новое имя?»

«Да» — сказал Джаред, качая головой — «Петр. Это значит скала.»

«Скала, хм?» — улыбнулся Езра, заинтригованный. Он знал, что Симон был импульсивным, непредсказуемым, взрывным — с увлечением ловлей рыбы, которое Джаред никак не мог понять. *Скала?*

«Да, и теперь я не могу понять его» — сказал Джаред практически шепотом. «С тех пор как отец услышал об Иисусе, его почти не было дома. А теперь он ушел на свадьбу. Зачем им на свадьбу? В Кане? Мы даже не з наем никого в Кане!»

Они немного помолчали, а потом Езра сказал. «Честно говоря, я бы пошел с ними. Я бы хотел повидаться с Иисусом!»

«И что бы я делал, если бы и ты покинул меня?» — заявил Джаред, шутливо кинув рыбу в Ездру.

Езра увернулся. «А что если он Обетованный, Джаред?» У Джареда не было на это ответа. Какое-то время был слышен только ритмический плеск от весел.

«Я вижу берег отсюда» — наконец, сказал Езра. «Давай я теперь сяду за весла»

«Конечно, я не прочь отдохнуть!» Они поменялись местами и Джаред облокотился на корму лодки. Он заложил руки за голову и засмотрелся на светлеющее небо. «И что об Иисусе думают раввины и фарисеи» — спросил Джаред.

«Не знаю» — ответил Езра. «Иоанн на них не произвел впечатления, хотя мое сердце горит от его слов. Правда, есть Иаир, начальник синагоги здесь в Галилее. Его, очевидно, поразили слова Иоанна.»

Джаред согласился. Его тоже коснулись слова Пророка. Он и Езра часто говорили о них, и Езра постоянно напоминал ему о том, что они слышали. За разговорами о Мессии энтузиазм Ездры только усилился.

Джареду хотелось бы быть таким же ревностным, как и его друг. Он восхищался страстью Ездры о законе и о Божьем народе. Джаред всегда старался проявлять интерес и внимание в синагоге и дома, когда говорили о законах Моисея или о грядущем Мессии. Однако, он не мог отрицать у себя недостаток рвения по сравнению с его другом. *Может, я просто не такой*, подумал он. *Я хочу служить Богу. Я хочу, чтобы моя жизнь и профессия чтили Его. Дядя Лемуэль прекрасный пример этого. Он увлечен своим делом и в то же время щедро жертвует и регулярно посещает синагогу.*

Джаред внезапно встрепенулся. «Ого! Мы ближе к берегу, чем я думал!»

Теперь Ездра греб осторожно. Они двигались к скоплению рыбацких лодок, которые тоже везли свой улов. На усыпанном мелким камнем берегу оранжевым светом светились небольшие костры, где женщины помогали расстилать сети. Резкий запах жареной рыбы уже наполнил воздух.

Молодые люди спрыгнули с плеском в воду и вытащили лодку на берег. Джаред услышал как кто-то позади позвал его по имени. Он повернулся и увидел Иезекииля, скачущего вниз по холму по направлению к озеру. Джаред улыбнулся при виде Аширы, прыгающей вслед за ним.

«Джаред! Джаред!» — кричал Иезекииль, подбегая с Аширой. «Ты слышал? Иисус превратил воду в вино! Ты слышал?»

«Что случилось, Ашира?» — спросил Джаред. Он заметил, что Ездра внимательно слушает через его правое плечо.

«Это правда! Это было чудо!» — сказала она, задыхаясь. «У них закончилось вино на свадьбе в Кане, и Иисус велел слугам наполнить кувшины водой, а потом превратил ее в вино!» Он замолчала, тяжело дыша. «И они идут в Капернаум, все они!»

«Ты слышал это?» — сказал Ездра, схватив Джареда за руку. «Мы увидим Его! Мы увидим Иисуса!» — лицо Ездры сияло.

У Джареда учащенно забилось сердце. *Воду в вино! Удивительно!* «Они скоро будут здесь?»

«Я не знаю» — ответила Ашира. «Какие-то купцы рассказали новости, опережая Иисуса и авву. Они в пути!»

«Давай, Ездра! Давай займемся этим уловом!» — Джаред посмотрел на дно лодки. «Ну, это не займет много времени.»

Сложив с Ездрой несколько рыбин в корзину, Джаред подумал о купцах, которые, по словам Аширы, принесли новости. На него нахлынули чувства. *Может быть, я могу опять попросить отца отпустить меня с дядей Лемуэлем. Может быть, он прислушается сейчас. И, наконец, я увижу человека, который пленил моего отца.*

Огонь разгорелся

Я пришел принести огонь на землю, и как Я хочу, чтобы он уже разгорелся! Вы думаете, Я пришел, чтобы принести на землю мир? Нет, говорю вам, не мир, а разделение.

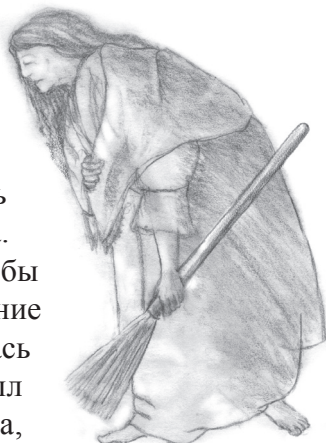
Лк. 12:49, 51

Анна подметала кухню, напевая старый еврейский мотив. Она собрала кучки пыли, которые остались после того, как ранее кухню «подмели» Ребекка и Китра. Она улыбнулась, вспомнив спешку, с которой они переделали свои домашние дела, стремясь по-скорей выбраться из дома и заняться играми. У нее вдруг скрутило живот острой усиливающейся болью. Она стряхнула ее, подумав: «Она пройдет как и раньше». Она взяла свою накидку, которая лежала в углу комнаты, и накинула себе на плечи, больше для комфорта, чем тепла.

Подметая, Анна подумала о человеке по имени Иисус и криво улыбнулась. *Он произвел тут большую суматоху, учитывая, что Он еще не пришел в Капернаум. Что Он сделает, когда будет здесь?* Ширились слухи о новом римском правителе Понтии Пилате, которого назначили недавно. О нем говорили, что он холодный, жестокий человек. *Свергнет ли Иисус этого римского правителя. Если Он действительно грядущий Царь, даст ли Иисус Симону высокое положение, как только будет установлено Его царство?* Она улыбнулась, пытаясь представить огромного, мускулистого рыбака, поставленного над всей Иудеей... она поежилась. *Нет... Может быть, над маленькой провинцией?* Она покачала головой, вздрогнув от этой мысли. *Не думаю!*

Симон. Ну и характер. Несмотря на уверенность, с которой она говорила ранее с Лемуэлем, но ей временами было трудно смириться с мыслью, что Симон уходит надолго. И Джаред... у нее болело за него сердце... он так пытается справиться с задачей обеспечивать их. Она задумалась о возможности того, что Джаред будет работать с Лемуэлем. *Хм, посмотрим.* Она не понимала почему эта идея вызывает у нее беспокойство; что-то в этом всегда казалось ей неправильным.

Все еще размышляя над беспокоящими ее вопросами, Анна добралась до печки в центре комнатки, где в горшочке кипело рагу. Внезапно в животе возникла жгучая боль. У нее перехватило дыхание, и она споткнулась. Метла улетела в огонь, когда она согнулась пополам и упала на пол. Она почувствовала себя парализованной и беспомощной, когда на нее накатили волны боли. Но у нее хватило соображения, чтобы понять, что солома на метле загорелась и что на ней лежит ее накидка. Она протянула ослабевшую руку, чтобы прибить язычки пламени, но движение только усилило боль. Она попыталась позвать Джедиду, но ее голос был слишком слаб. Она запаниковала, увидев, как разгорается огонь.

Внезапно открылась дверь и на пороге появился Лемуэль.

«Мама! Что случилось? Я услышал твой крик...» — Лемуэль замолчал на полуслове, увидев свою мать скрюченной на полу и пламя в опасной близости от нее. Он быстро подбежал к ней, сорвал загоревшуюся накидку, подхватил ее в свои сильные руки и отнес ее в безопасное место. Быстро вернувшись обратно, он оторвал кусок от своего прекрасного пурпурного плаща. Подбежав к пламени, он яростно бил по нему, пока не погасла последняя искра.

В рагу было полно пепла, оно стало совершенно несъедобно. Лемуэль, покрытый потом и сажей, повернулся, чтобы вернуться с Анне. Его седые волосы почти полностью

закрывали ее лицо. Лемуэль нежно убрал их, открыв закрытые глаза и сжатые губы.

«Мама? Мама, ты в порядке? Мама!» Анна открыла глаза.

Д-да. Я в порядке. Я просто уронила метлу, но я в порядке.»

«Мама, что случилось? Я вошел, а ты была на полу... что случилось?» Он говорил резко и напряженно, и на его обычно спокойном лице отражалась тревога.

Анна потерла лоб. «Все будет в порядке. Дай мне минутку. Иногда у меня бывают такие боли. Эта застигла меня врасплох!»

Анна глубоко вздохнула. «Ничего страшного. Правда!»

«Ничего страшного! Мама, о чем ты говоришь? Я никогда не видел тебя в такой боли. Ты должна отдохнуть. Я найду лучшего врача в Галилее!»

«О, Лем,» — Анна попыталась заговорить с силой, которую не ощущала — «я понимаю твое беспокойство, но это проходит очень быстро. У меня нет времени на врача. У нас слишком много дел. Я не могу...»

«Нет. Отдыхай! Мне не важно, что тебе нужно сделать. Это сделают Джедида или Ашира. Вот.» Лемуэль развернул для нее матрас и помог ей лечь.

Анна попыталась возразить еще раз. «Лемуэль, это происходило много раз и до этого...» Она замолчала, но было слишком поздно. Лемуэль все понял.

«Происходило много раз и раньше?! Мама, почему ты мне не сказала? Почему никто мне не сказал? Я не могу поверить!»

Анна глубоко вздохнула и решительно постаралась изменить тему. «Сын, ты не сказал мне, почему ты здесь... мы не ждали тебя сегодня!»

Лемуэль вздохнул и провел рукой по волосам. «Я не собирался заходить, но хорошо, что зашел.» Он поднял глаза, когда вошла Джедида.

Увидев мать, лежащей на матрасе, Джедида встревожилась и воскликнула: «Мама? Ты в порядке?»

Лемуэль больше не мог сдерживаться. «Джедида, где ты была!?» — сказал он раздраженно. «Она лежала на полу и звала на помощь! Метла и ее накидка горели. Она могла сильно

обжечься, не говоря уже о том, чем она хворает! И она говорит, что эти боли у нее были *много раз!* Почему бы мне не сказала?»

Джедида широко открыла глаза. Она давно уже не видела брата в таком состоянии. Она попыталась что-то сказать, но не смогла придумать ничего разумного. «Я-я...»

Лемуэль фыркнул раздраженно.

Джедида и Анна почувствовали надвигающийся кризис и поразились его нраву. *Он расстроен далеко не только моей болью*, подумала Анна.

С нехарактерным для него цинизмом Лемуэль добавил: «О, и что бы ты знала, Джедида, тот человек, который должен заботиться обо всем здесь, возвращается из своих гастролей по Галилее. Вот о чем я пришел рассказать. Симон, Андрей, этот человек Иисус и несколько других, путешествующих с ними, вроде как идут в синагогу.» Его слова выдали его неодобрение.

Наступила неловкая тишина.

Наконец, Джедида спросила: «Лем, а что ты *думаешь* об Иисусе?»

Лемуэль ошетинился. Затем он сказал с негодованием: «Я ничего не знаю о нем кроме того, что он увлек безответственного главу этого дома кто знает куда и кто знает по какой причине. Он поощряет безответственность и неучтивость, он объявил себя Мессией и он дал Симону, Андрею, Иакову, Иоанну и, уверен, другим повод бродить по селам, забыв обо всем и без какой-либо подотчетности. Они они называют его Мессией!» — высказался он.

«А вдруг так и есть?» — спросила Джедида. «Разве ты бы не обрадовался, что Симон и Андрей пошли за Ним?»

«А вдруг Он не Мессия?» — возразил Лемуэль. «Разве тебя *тогда* не расстроит, что Симон и Андрей потратили впустую все это время, гоняясь за лже-Мессией?»

Анна, наконец, сказала со своего матраса: «Кем бы ни был Иисус, мы *знаем*, что Симон и Андрей откликаются на зов своего сердца, следуя за Ним. И я рада этому.»

Лемуэль ничего не сказал, но его хмурый взгляд был достаточно красноречив.

Джедида и Анна неуверенно посмотрели друг на друга.

Анна нарушила молчание. «Они все будут голодны после такого долгого пути. Если они сегодня днем будут в синагоге, я нисколько не удивлюсь, если Симон приведет их сюда вечером.»

Она просияла при этой мысли, но быстро пришла в себя, когда взглянула на Лемуэля. Она сказала непреклонно: «Нам нужно заняться готовкой.»

«Заняться?!!» — Лемуэль не поверил своим ушам, его раздражение усилилось из-за страха за мать. «О чем ты думаешь? Мама, не забывай, что я нашел тебя лежащей на полу несколько минут назад.»

«Лем прав, мама» — согласилась Джедида. Она оглянулась и увидела пепел, обгоревшую накидку и метлу. «Ты должна отдохнуть. Мы с девочками можем прибраться и приготовить еды.»

Анна спросила: «Ты можешь послать Ариель к колодцу за свежей водой?»

«Да! И мы, может быть, купим мяса у мясника. Мы можем приготовить свежее рагу, немного баранины и ячменных лепешек.»

«Много свежих ячменных лепешек!» — сказала Анна, улыбаясь. Она покачала головой, пораженная мыслью о том, что может принести вечер.

Поняв, что его теперь игнорируют, и видя, что никто не разделяет его мнения о новом Мессии, Лемуэль быстро ушел.

Резкий звук захлопнувшейся двери на мгновение испортил настроение Джедиды и Анны. Они посмотрели друг на друга, не зная, что сказать.

«Тебе принести что-нибудь?» — тихо спросила Джедида.

«Нет, спасибо. Все в порядке.» Анна проводила свою дочь взглядом, когда та ушла заниматься приготовлениями, легла на матрас и опять глубоко вздохнула. Она никогда так не разрывалась между радостью и печалью. *Мессия грядет!* Но при этом она сильно беспокоилась за Лемуэля. Он ушел так решительно. Не закрыл ли он также дверь своего сердца? Она боялась, что он закрыл ее навсегда.

У нее на глаза навернулись слезы, когда она посмотрела на все еще дымящийся пепел. Она вспомнила слова царя Давида в Псалмах:

*Бог наш придет и в безмолвии не останется.
Огонь пожирает перед Ним,
и вокруг Него буря ярится.
С высот призывает Он небеса и землю,
чтобы судить Свой народ.*

«О, Господь» — прошептала она тихо. «Я могу справиться с болью в своем теле. И если глупый огонь спалит наш дом, это неважно. Только смягчи сердце моего сына. Не позволь огню Твоего гнева поглотить его в его упрямстве. Помоги ему увидеть свою слабость.» Слезы выступили у нее на глазах, когда она поняла, как сильно любит Лемуэля и как больно ей будет, если он уйдет.

Он избавил меня от всех моих страхов

*Я искал Господа, и Он мне ответил
и от всех моих страхов меня избавил.
Кто обращал к Нему взор, сияет от радости,
лица их не покрывает стыд.*

Пс. 33:5-6

Тринадцатилетняя Ариель была рада возможности выбраться на улицу подальше от шума и суматохи у нее дома. Она чувствовала себя совсем непохожей на свою семью. Большинство из них прекрасно чувствовали себя среди шума и деятельности, но ей это совсем не нравилось. Она пыталась делать большую часть домашних дел на крыше, где было тихо и ей не нужно было думать, кому что сказать. Ариель выбежала на улицу. Она *бы* выбежала, если бы не большой кувшин воды, которым она неловко балансировала на бедре. На самом деле, ее не освободили от ее обычных дел; в виду волнующей возможности, что авва и многие другие скоро придут, ее мать послала ее к колодцу. Обычно когда Ариель отправлялась к колодцу, она шла не спеша, впитывая каждый вид, звук и запах. Ей нравилось останавливаться, чувствовать ветер у себя на лице, запах рыбы со стороны озера. Но сегодня, сегодня все было по-другому. Мать наказала ей не останавливаться. Она вспомнила слова матери. *Сегодня в синагоге собирается большая толпа, а где толпа, там и римские солдаты. Я не хочу, чтобы они тебя остановили, так что набеги воды и сразу возвращайся.*

Когда она дошла до площади, она внимательно осмотрела ее. Несколько женщин набирали воду, и у края площади стоял торговец. В дальнем углу рядом со своими лошадьми стояли двое солдат и разговаривали друг с другом. Посчитав, что это безопасно, Ариель подошла к колодцу в то время, как две

женщины закончили черпать воду и ушли с площади. Она опустила кожаное ведро в глубокий темный бассейн.

Внезапно она услышала позади себя звук приближающейся лошади. «Ты там у колодца! Начерпай воды для лошади... быстро.»

Ариель замерла, вцепившись руками в веревку. *Он здесь*, подумала она. *Момент, которого я боялась всю свою жизнь*. Она никогда раньше не встречала римского солдата, а теперь она столкнулась с ним. Она стояла, не шевелясь. Она знала, что должна послушаться его, но от страха не могла пошевелиться.

Внезапно к колодцу подошел незнакомый человек. Он не был солдатом. Он был одет как любой галилеянин, но его одежда была пыльной и поношенной.

«Дочь Израиля, можно тебе помочь?» — спросил он, и Ариель поняла, что он обращается к *ней*. Все еще полная страха, она повернула голову, чтобы посмотреть на него. Его руки были протянуты, и она сообразила, что он предлагал начерпать воды для лошади солдата. Когда он взял кожаное ведро, она увидела, что у него мозолистые, натруженные руки. Дрожа, Ариель отошла от колодца и добрый незнакомец специально стал между ней и солдатом.

Ариель смотрела с возрастающим удивлением, как он быстро и уверенно, без какого-либо презрения, наполнял ведро снова и снова, пока поилка не наполнилась. Закончив работу, он погладил уставшее животное. «Конь перегрелся» — сказал он солдату бесстрашно. «Он не должен пить слишком быстро.»

«Будешь еще учить меня о моей лошади?» — взорвался римлянин. «Я римлянин. Я ты всего лишь галилеянин» — плюнул он брезгливо. Солдат поднял руку и уже собирался ударить незнакомца, когда появился старший офицер, ведущий вороного коня с белой звездочкой на морде.

Это, должно быть, новый центурион, о котором мне рассказывал Иезекииль. Ариель смотрела на него во все глаза, а легионер опустил руку.

Центурион обратился к незнакомцу: «Ты, кажется, неплохо разбираешься в лошадях».

Человек слегка улыбнулся понимающей улыбкой. «Я кое-чему научился» — ответил он.

«А ты» — центурион посмотрел на солдата — «ты не должен был доводить свою лошадь до такого состояния. Этот человек прав. Твоя лошадь перетрудилась и перегрелась.» Центурион вскочил на своего ухоженного жеребца. Он кивнул незнакомцу, развернулся и ускакал с площади. Солдат, постыженный и раздраженный, оскорбленно сел на свою лошадь и последовал за центурионом.

Сама того не сознавая, Ариель вздохнула с облегчением. Она наблюдала за происходящим, удивляясь спокойствию незнакомца во всей этой ситуации, и она чувствовала себя безопасно в его присутствии. *Он не дрогнул, даже когда солдат почти ударил его*, подумала она.

«Могу я помочь тебе с твоим кувшином?» — спросил он.

Ариель смотрела ему лицо, как будто не слышала его слов. Было странно для мужчины, которого она к тому же не знала, предложить начерпать воды — женское дело. Она порылась в памяти, но поняла, что никогда не видела его раньше. Она бы проявила недоверчивость к полному незнакомцу, но приветливость в его взгляде успокоила ее. Она вновь обратила внимание на его пыльную одежду и увидела его усталость. *Он путешественник. Ему, наверное, очень хочется пить.*

«А... ну, да... то есть, спасибо» — пробормотала она, вновь обретя голос. «Можно *мне* начерпать воды для *вас?*»

Его лицо расплылось в улыбке. «Спасибо» — сказал он благодарно. Он сел на низкую стену колодца и вытянул свои уставшие ноги. Ариель дала ему воды из своего частично наполненного глиняного кувшина.

Хотя в ее голове было много мыслей и вопросов об этом загадочном человеке, Ариель произнесла единственные слова, которыми она могла выразить свою благодарность. «Вы должны пойти к нам домой. Я знаю, что моя мама захочет поблагодарить вас за то, что вы для меня сделали. Мы ожидаем сегодня домой авву с гостями. Я уверена, что вам тоже будут рады» — предложила Ариель.

«Какое замечательное предложение» — ответил он. «Но мне нужно быть в другом месте.» Он выпил воду, улыбнулся Ариель и ушел.

Ариель ушла с площади, в голове у нее крутились сотни мыслей. *Вот какой я хочу быть. Уверенной, спокойной и не бояться. Он точно знал, что сказать. Я не настолько спокойна даже со своей семьей! Но, может, я смогу измениться. Может быть, однажды я тоже буду так же полна покоя.*

Он веселит сердце

*Ты... производил вино, веселящее сердце человека,
и масло, от которого светится лицо его,
и хлеб, укрепляющий его сердце.*

Пс. 103:15

Ребекка и Китра, держа за руки своего маленького братика, шли по мелководной части берега. Мама попросила Ребекку найти безопасное и спокойное место поиграть с малышами, пока остальные были заняты, готовя еду для тех, кто обязательно придет на ужин.

Разместившись со своим братом и сестрой в тени одного из немногих деревьев на скалистом берегу, она поставила своего брата на землю и дети начали играть. Ребекка начала перебирать свою корзинку с вещами, «которые слишком красивые, чтобы их выбросить». «Хм... где эта чашка, которую я взяла с собой?» Она вытащила длинную полоску ткани, старый пояс ее матери. Затем она вытащила кусок рыболовной сети, сизое перо и блестящей камешек. «Ага! Вот она!» Она с триумфом вытащила серо-белую полосатую раковину.

«Рашве это не долшна была быть чашка?» — спросила Китра.

«О, это чашка в игре. Давай, нам нужно налить в нее воду, чтобы мы могли превратить ее в вино.» Она встала, отряхнула одежду от песка и направилась к краю воды с Китрой, которая следовала за ней по пятам, ведя малыша за руку.

«Воду во что?» — спросила Китра.

«В вино! Знаешь, в Кане несколько дней назад...»

«А где это Кана?» — мягко перебила Китра.

Ребекка покачала головой, улыбнувшись сестре. «Это там, где авва». Она заправила выбившуюся прядь волос за ухо. «Так вот, на свадьбе Иисус...»

«А кто это?» — спросила Китра. Увлечшись историей, она отпустила руку малыша.

«Я точно не знаю, но авва с ним. На этой свадьбе у них закончилось вино, и они попросили Иисуса о помощи. Он велел слугам наполнить водой несколько б-а-а-а-льших кувшинов?»

Китра захихикала. «Водой?!»

«Угу. И затем он велел слугам дать немного жениху.»

«А кто такой... жжыних?» — Китра посмотрела озадаченно на Ребеку, выделив голосом слово.

Ребекка засмеялась. «Человек, который женится на невесте.»

«Итак, когда они взяли немного воды из кувшина... Ой!» У Ребекки перехватило дыхание и она уронила раковину при виде малыша, идущего к воде. Она подбежала к нему, посадила себя на бедро и, неловко шагая, вернулась к дереву.

«Вот, ты уронила чашку» — сказала Китра, протянув Ребекке раковину. «И тогда он пйевйатил воду в вино?»

«Ага.»

«А как Ишуш это жделал?»

«Ни *малейшего* представления, но ты должна спросить его, если увидишь его» — сказала Ребекка, опуская ребенка на землю.

«А ты видела Ишуша?»

«Нет, но я очень хочу его увидеть».

«Я тозе его ни видела, но ты шкажала, что он с аввой, так што мы шкоро его увидим.»

«Да, может быть, даже сегодня!» — радостно сказала Ребекка. «Хорошо, теперь садись, ты будешь невестой, Китра. А ты» — сказала она, подозвав малыша — «будешь женихом.» Она поставила его рядом с Китрой. «Ты не должен двигаться» — Ребекка посмотрела на него без особой надежды.

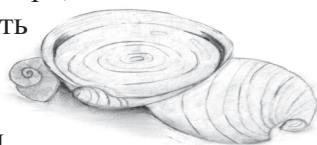
Девочки услышали смех, подняли глаза и увидели Ариель, спускающуюся по склону. «Малыш — это жених?» — спросила она, опускаясь на колени рядом с младшими детьми.

«Ага» — сказала Китра, а затем махнула рукой Ребекке. «Еще вина, позалуста!»

Теперь рассмеялась Ребекка. Она проворно подбежала к мелководью и набрала в раковину немного чистой озерной воды. «Вот вода. Хммм. Как мы превратим ее в вино?»

«Я знаю!» — сказала Кира, подпрыгнув. Она взяла в ладони горсть

песка и грязи и осторожно высыпала в раковину. «Вот!» — улыбнулась Китра задорно Ребекка, которая скептически смотрела на грязь.

«Хм, думаю, этого пока хватит.»

Она наклонилась и протянула раковину Китре, которая поднесла ее к губам.

«Не пей ее на самом деле!» — воскликнула Ребекка.

Китра рассмеялась. «Я жнала ты шкажешь это! Я пйошто пйитвойиясь!»

«Привет. Во что играете?» — прозвучал низкий мужской голос, и девочки вздргнули. Они замолчали и оглянулись.

У Ариель замерло дыхание. «Вы незнакомец, который помог мне у колодца!»

«И потому я больше не незнакомец, не так ли?» — лицо человека расплылось в теплой улыбке. «Я помешал вашему празднику?» — спросил он, глядя на детей и на раковины, наполненные грязной водой.

«О, нет» — сказала Ребекка смущенно — «мы просто...»

Мы играем в Ишуша, который пйевйятий воду в вино в Канаане!» — вмешалась Китра. Увидев выражение на лице Ребекки, она исправила себя. «В Кане!» Затем протянув чашку грязной воды, она предложила, «Хочешь немношко?»

«Конечно.» Он засмеялся, осторожно взяв раковину. «И я думаю, мне понятно, кто вы все.» Человек повернулся к Ариель: «Ты, милая девушка у колодца, должно быть, *Ариель?*»

Ариель засмеялась. «Откуда вы узнали?» Человек улыбнулся и повернулся к Китре.

«Ты, должно быть, Китра! Твой папа постоянно говорит о тебе.»

«Вы знаете моего авву?»

«А ты, должно быть, тихоня... Ребекка?»

Она кивнула, смущенно спросив: «А вы кто?»

«Я Иисус.»

«Вас зовут *Иисус?*» — у Ариель заколотилось сердце в груди. «Вы совсем не незнакомец!!! Никогда не были! Вы Иисус!»

Китра запищала от восторга. «Вы пйевйятили воду в вино» — затрещала она, скача вокруг него. Она вдруг остановилась и посмотрела на него: «Как вы это *сделали?*!»

Иисус засмеялся, подмигнув Ариель и Ребекке.

Ребекку вдруг озарила мысль. «А авва с вами?»

«Да! Он сейчас идет к пляжу.»

Ребекка закричала: «О, Китра, Ариель! Посмотрите! Это авва!»

Китра не услышала. Она обхватила ногу Иисуса и крепко держалась, пока он крутил ее. С ней все еще у него на ноге, Иисус направился к Андрею, Петру и остальным мужчинам, которые спешили к ним. Ребекка и Ариель бросились в объятия отцу.

«Авва!» — крикнула Китра с ноги Иисуса.

«Я спасу тебя» — со смехом сказал Петр и подхватил ее на руки. Она зарылась лицом в его густые волосы. А затем удивленно посмотрела на него.

«Авва, пошему ты бойше не пахнешь йыбой?»

Выберете себе сегодня

*Но если вы не желаете служить Господу,
выберите себе сегодня, кому служить...*

И. Навин 24:15

Когда время начало клониться к вечеру и Анна почувствовала себя лучше, она присоединилась к приготовлениям, которые во всю шли дома. Она размышляла о том, как выглядит Иисус, как Он будет себя вести, и, самое главное, что Он будет говорить. Она понимала, что признание Его Мессией не связано с тем, как Он выглядит. Это связано с Его словами. Ей было интересно, как другие люди реагировали на Него. Пока она обдумывала разные вопросы, восклицание Аширы: «Авва!» Это должно быть они, подумала Анна с нетерпеливым ожиданием. Она улыбнулась тому, как дрожали ее руки, вытерла их о полотенце, и вышла во двор с Аширой и Джедидой. Ребекка и Китра подбежали к ней через открытую калитку.

«Нана! Мама! Пошмотайте! Авва дома! Он дома! И ш ним Иишуш!»

Ей радостно вторила Ребекка: «Иисус! Помните?! Человек, который превратил воду в вино! Посмотрите!»

Девочки схватили свою бабушку за руку и потянули к приближающейся группе. Она увидела Симона и Андрея по бокам от человека, которого она не знала, но в котором сразу признала Иисуса.

Ариель оказалась позади них. «Нана! ЭТО тот незнакомец, который помог мне у колодца! Это был Иисус...

только я не знала этого.» Анна никогда не видела Ариель настолько возбужденной.

Китра подбежала обратно к Иисусу, и Он подхватил ее на руки. Симон сразу же направился к Джедиде. Иисус тепло улыбнулся Джедиде, любезно представился покрасневшей Ашире и затем подошел к Анне.

Вы, должно быть, мать Джедиды. Меня зовут Иисус.»

Анна слегка покраснела и улыбнулась. *Я так и думала. Он определенно не похож на Мессию!* Но ее радости не было конца. *Это Иисус!* «Иисус» — сказала она вслух — «я так, так рада встретить тебя.»

Симон на минуту отошел от Джедиды, пока с ней поздоровался Андрей. Он подошел к Анне и заключил ее в свои медвежьи объятия. «Я соскучился и по тебе!» И шутливо улыбнувшись, он добавил: «*И по твоей стряпне!*»

Анна, забыв о своей неловкости, засмеялась. «Да, дорогой. Нас дожидается большой котел рагу. Оно вот-вот будет готово!»

Симон широко улыбнулся: «Я надеялся, что ты это скажешь.» Приветствие старых друзей Иакова и Иоанна, а также знакомство с другими последователями задержали ужин еще больше. Всем было много чего сказать, пока голод не подавил их желание говорить. Затем Джедида выбежала из двери, спеша рассказать Елизавете и ее семье новости о прибытии Иисуса, Симона, Андрея и остальных.

Уставшие и голодные путешественники возлегли за низкий обеденный стол. Иаков, Иоанн, Андрей и Симон были, естественно, хорошо знакомы с комнатой и были осторожны, чтобы не облокачиваться на стол. Иисус, который, явно, не сообразил этого, облокотился локтем на стол и подпрыгнул, когда стол сильно закачался, накренившись от веса Его локтя. Его ученики засмеялись.

«О, Наставник! Симон забыл рассказать тебе о своем столе!» — сказал Иаков, все еще смеясь. «До стола нельзя дотрагиваться; он предназначен только для стратегического размещения еды.» Симон притворился, что он не заметил, но в итоге он уступил подначкам других.

«Да, Наставник, боюсь, так и есть. Полагаю, это хорошо, что рыба на столе уже мертва, иначе даже у нее была бы морская болезнь!» Все ученики расхохотались.

Спустя какое-то время, больше не сдерживаясь, Иисус обратился к Анне: «Вы не возражаете, если я почию ваш стол?»

Анна обернулась, удивленная. «Да, это было бы здорово. Стол раскачивался столько, сколько я помню!» Она едва удержала смехок. *Мессия почиет мой стол?!*

Иисус начал с того, что снял все чашки, что она поставила на стол и аккуратно оставил их в сторону. Затем, когда мужчины отодвинулись от стола, Иисус перевернул его с легкостью эксперта и посмотрел на неисправную ножку. Он покачал ее из стороны в сторону и посмотрел на соединение, где она разболталась, как будто Он мог там что-то разглядеть. Симон посмотрел вместе с Ним немного беспомощно, зная, что там обнаружат. Другие ученики смеялись и дразнили Симона из-за отсутствия у него плотницких навыков. Наконец, Иисус выудил небольшой комок чего-то, что было похоже на бечевку. Он развернул его и это оказался оборванный кусочек того, что раньше было рыболовной сетью. Он посмотрел на Симона.

Симон постарался объяснить: «Видишь ли, Наставник, я думал, что нужен клин, и я увидел эту порванную сеть на берегу, так что я...»

Иисус прервал его, смеясь. «Симон, тебе многому, *многому* нужно научиться. В частности то, что рыболовная сеть не решает всех проблем. Чтобы ловить рыбу, ты пользуешься сетью. Чтобы починить разболтавшуюся ножку деревянного стола, ты используешь деревянный *колышек!*» Симон рассмеялся.

«Да, Наставник. Однако, как ты видишь, ловля рыбы решила много проблем для меня. Поэтому я подумал...»

Иисус опять прервал его, явно наслаждаясь Собой. «Да, Симон, ясно, что иногда ты думаешь *слишком много*, а в другое время *не думаешь достаточно!* Тебе нужно научиться узнавать правильное время и для того, и для другого.» Он подмигнул остальным, а затем продолжил. «Могу ли я найти в этом доме рыбака кусок *дерева* и нож?»

«Зек!» — прогрохотал Симон. «Где твой нож?»

Иезекииль радостно приклеился к боку своего дяди Андрея с момента его прихода, но при этом не сводил глаз с Иисуса. В восторге от возможности поучаствовать в деле, он подскочил и схватил свой нож с подоконника.

«Спасибо, сын» — сказал Симон, беря нож. «Теперь иди, найди Иисуса кусок дерева».

Иезекииль вмиг нашел дерево, которое он собрал для вырезания. Он гордо протянул кусок дерева Иисусу. Иисус аккуратно выстрагивал клин, периодически прикладывая его к пустому пространству рядом с ножкой, чтобы проверить размер. Наконец, когда Он был уверен, что все правильно, Он вставил клин и воспользовался ручкой ножа, чтобы вбить его. После этого Он попробовал покачать ножку стола, но она сидела прочно. Довольный, Он перевернул стол и попробовал покачать его, но он стоял прочно. Иисус улыбнулся и посмотрел на Симона. «И вот как нужно чинить ножку стола, мой друг».

Симон поклонился с преувеличенной благодарностью. «Спасибо, Сэр».

Иисус начал накрывать на стол, как раньше Анна.

Иоанн вмешался: «Наставник, не убирай пока нож! Ты заметил калитку Симона, когда мы входили. Ирод Антипа в Сепфорисе, должно быть, слышал, как она скрипит!» Все рассмеялись.

Вступил Иаков: «А как насчет расшатанной скамейки? И расхлябанной лестницы? Да, Наставник, здорово, что ты пришел! Дом Симона разваливается!»

Анна поставила на стол финики и орехи, пока Иисус, Симон и остальные опять рассаживались вокруг стола.

Внезапно в комнате стало странно тихо, когда в дверях появилась знакомая многим фигура.

«Кто-то сказал, что дом Симона разваливается?»

Это был Лемуэль.

«Я удивлен, что это заметил кто-то еще, кроме меня». Он начал говорить что-то Симону и замолчал, когда увидел незнакомое лицо Иисуса. Он решил продолжить говорить, как будто толпа за столом была чем-то повседневным. Он сказал громко: «Мама, вот новая метла взамен старой, которая... сгорела. И, кстати, ты почему встала?! Ты должна лежать!»

Ничто не могло омрачить радость Анны. «Я отлежалась, Лемуэль. И сейчас хорошо себя чувствую. Спасибо за метлу. На самом деле, сын, тебе нужно было принести мне больше дров!» — засмеялась она. «Я могу найти дрова сама, но я обещаю не использовать в качестве дров мою новую метлу!» Она не хотела, чтобы раздражение Лемуэля испортила веселье.

Лемуэль не засмеялся. Он повернулся и, сердечно поприветствовав Иисуса, сел за стол. Анна вздохнула. Она могла сказать, что он бы предпочел сейчас быть где-нибудь в дальнем уголке Дальнего Востока. Но формальность требовала другого. Лемуэль положил орех в рот, стараясь казаться расслабленным.

Иисус кивком приветствовал Лемуэля. Он собирался что-то сказать, когда вошла Джедида, пытаясь привлечь внимание Иезекииля. «Коза опять отвязалась!» Иезекииль выбежал вдогонку за заблудшим животным.

Лемуэль посмотрел через плечо, проводив взглядом Симона, который тоже бросился на помощь. Воспользовавшись возможностью, когда Симона не было в комнате, Лемуэль обернулся к Иисусу.

«Ты уже познакомился с Джаредом? Он старший сын Симона. Нет, ты не мог его видеть. Он все еще *работает*. На него легла ответственность за ловлю рыбы, когда его отец... оставил ее». Ученики за столом окаменели.

Лемуэль явно бросал вызов Иисусу. Анна знала это, и у нее задрожали колени из-за его грубости и дерзости. Иисус тоже увидел вызов. Но Он сделал нечто странное. Вместо того, чтобы ответить Лемуэлю прямо, Он посмотрел прямо в глаза Анны. Его пронзительный взгляд заморозил ее.

«Петр выбрал правильный путь».

Свети в наших сердцах

*Потому что Бог, сказавший: «Пусть из тьмы воссияет свет»,
и Сам есть тот Свет,
Который светит в наших сердцах, давая нам
знание славы Божьей, которая видна
на лице Иисуса Христа.*

2 Кор. 4:6

Анна выглянула из бокового окошка дома. Рассвет был влажным и серым. Небо казалось странно близким, и отдаленные дома расплывались в тумане. Все казалось исключительно тихим и тусклым. Какой контраст биению ее сердца при мысли о том, что Мессия спал у нее дома! Тихие голоса привлекли ее внимание. Она повернулась и вышла за дверь. Ее дом был окружен людьми!

Это была небольшая группа, но достаточно многочисленная, чтобы это было чем-то необычным. Толпа не могла собраться вокруг дома Симона рыбака без причины. Люди кружили вокруг стен двора, поглядывая с любопытством на открытую дверь позади Анны, ходили вокруг и разговаривали друг с другом приглушенными нетерпеливыми голосами. Она заметила в стороне группу суровых людей в мантиях. Она заметила, что Зива тоже была там. Но большей частью там были простые земледельцы, рыбаки, плотники, гончары и другие местные, но все излучали ожидание и воодушевление. Анна улыбнулась, удивляясь увиденному. Она знала, почему они пришли. Они искали Иисуса.

Его не было здесь. Что-то разбудило ее рано утром, и она видела, как Он выскользнул со двора и направился к озеру. Те несколько часов, что Иисус оставался с ними, Анна не сводила с Него глаз. Она неосознанно следила за каждым Его движением. Когда Он вставал или ложился, приходил

или уходил, ел, говорил или смеялся, она обращала на него внимание. Анна рассмеялась про себя.

Даже теперь она не могла перестать думать о предыдущем вечере — у нее в сердце и уме вертелась одна мысль. Иисус преломил хлеб, как они это делали каждый вечер и поблагодарил Бога за пищу, но *то*, как Он сделал это, изумило ее. Иисус назвал Всемогущего «*Авва*» — нежное прозвище, которое дети дают своим отцам! И Он говорил не на распев монотонным голосом старейшин синагоги, но как будто Он разговаривал с другим человеком в той же комнате. Его лицо было полно радости, совершенно расслабленное и спокойное. Эта сцена вновь и вновь мелькала у нее в голове.

Она встряхнулась и вернулась к тому, что странным образом происходило перед ней. Еще больше людей присоединилось к толпе, многие лица были незнакомы ей. Она задрожала от холода и наклонилась, чтобы развести огонь. Утомленным дорогой мужчинам, спящим в ее доме, скоро понадобится хороший завтрак. Рядом с дверью лежали дрова, которых не было прошлым вечером. *Хмм*, удивилась Анна, *неужели это сделал Иисус, прежде чем уйти так рано?*

Из дома, глядя по сторонам, вышла Джедида с младшими девочками. Китра подергала свою бабушку за одежду: «Жашем вше эти йюди ждесь, Нана?»

Анна улыбнулась и похлопала девочку по руке. «Они здесь повидать Иисуса. Но сейчас давайте займемся делом. Нам есть, чем заняться! Нужно сварить кашу!» Она посмотрела на Ариель. «Дорогая, сбегай на крышу и принеси три меры ячменя». Разглядывая толпу округлившимися глазами, Ариель испытала облегчение, когда ее послали на крышу.

Ашира выскользнула из дома с сияющим лицом и принесла кувшин воды, чтобы вылить в горшок над огнем. Она обняла мать с радостным ожиданием того, что ожидает их, когда Иисус вернется. Джедида быстра замесила тесто и начала выливать его на раскаленный печной камень. Она испечет сегодня много лепешек.

Численность собравшихся у их двора росла. Анна и Джедида обнаружили, что готовят под любопытными взглядами

почти ста человек. Анна попыталась сосредоточиться на огне, поддерживая его, чтобы вскипятить воду, но при этом наблюдать за толпой было почти весело. Новые люди прибывали каждые несколько минут, стоя вокруг, разговаривая и смеясь, и все разглядывали нескольких женщин, готовящих еду. Ей стало интересно, появится ли Лемуэль, хотя вчера он постарался уйти как можно раньше.

И Езра... она знала, что ему будет очень интересно и ждала его с минуты на минуту. *Ага!* Ариель пришла с зерном. Анна осторожно высыпала его в горшок кипящей воды и повернулась, чтобы помочь Джедиде с хлебом.

Вскоре Иисус показался на тропинке, насвистывая. Размахивая руками, он подошел к толпе, нисколько не смущаясь. Среди людей понесся шепот.

«Это Иисус!»

«Не может быть».

«Этот человек?!»

«Да, это точно он!»

Скептические и полные надежд взгляды, которые люди бросали на Иисуса и друга друга, выдавали их внутренние мысли. *Это человек? Мессия?*

Иисус распахнул калитку и вошел, калитка со скрипом закрылась, а люди зашевелились снаружи. «Доброе утро, Анна. Доброе утро, Джедида!» — сказал тепло Наставник.

Анна посмотрела на него и растаяла от его улыбки. Она поздоровалась с ним и предложила ему миску каши. Джедида вытащила лепешки из печи и отломил для него большой кусок. Он взял еду, явно будучи голодным. Многие ученики уже сидели на земле, облокотившись или на стену дома, или на стену двора, завтракая с аппетитом и разговаривая. Те, кто еще не проснулся, появились при звуке голоса Иисуса. Иисус сел у стены среди них и вытянул свои пыльные ноги. Толпа зрителей навалилась на стену, разговаривая и наблюдая. Иисус зачерпнул каши из миски.

Люди во дворе замолчали, наблюдая за происходящим с интересом, ожидая, что Иисус сделает что-то, скажет что-то. Толпа явно рассчитывала на это.

Симон выскочил из дома, громко зевнул и потянулся. «О!» — он посмотрел на Иисуса, затем на людей. «Доброе утро всем!» — пророкотал он, широко улыбаясь.

Иисус засмеялся вместе с остальными, дразня соню. Симон сел рядом с Иисусом, а Китра втиснулась между ними.

Наставник вернулся к еде, прервавшись, чтобы вытереть пятно там, куда ему на одежду из миски капнула каша. Иаков вернулся к своей истории о недавней неудачной ловле рыбы, остальные слушали и смеялись. Анна наблюдала за всем, сидя у двери и вновь изумляясь происходящему.

Иисус повернулся и обратился с Иезекиилю, который все это время сидел неподалеку, увлеченно вырезая что-то из длинного куска кипариса. «Привет, Зек. Что ты вырезаешь?»

Иезекииль посмотрел на него, широко улыбнувшись. Анна видела, что он был в восторге, что Иисус проявил интерес к его работе.

«Я вырезаю меч! Он поможет Израилю поразить римлян! Разве не *будет* прекрасно, если мы изгоним их из Израиля?»

Иезекииль внезапно вспомнил, что Иисус ничего не сказал и не сделал по поводу римлян. Он посмотрел на Иисуса, нахмутив бровь в беспокойстве. «Иисус? А что ты *думаешь* о римлянах?»

Анна внимательно слушала, ей было интересно, что он ответит. Толпа также затихла.

Иисус облизнул губы и отставил миску в сторону. «А что ты *думаешь* о римлянах, Зек?»

«Ну, они наши враги, разве нет? Отец говорит, что они правят народами, будто они им принадлежат. Они думают, что мы ничто, и они наказывают нас, когда мы не подчиняемся их языческим законам. А равви в синагоге говорит, что римляне даже контролируют храм, включая первосвященника. Поэтому мы должны изгнать их! Так? Нам нужен царь подобный царю Давиду, который будет настоящим израильтянином, а мы опять будем народом!»

Анна видела возбуждение Иезекииля. *Интересно, что Иисус скажет на это!* — подумала она, заинтригованная.

Анна повернулась на скрип калитки. Во двор вошел Ездра, неся своего отца на руках. За ним следовала Елизавета. Анна побежала поприветствовать их. Она помогла им найти место, чтобы усадить Иессея. Симон оглянулся и пригласил к себе во двор остальных людей, которые стояли с надеждой у калитки. Некоторые из толпы вошли внутрь, рассаживаясь на земле, лестнице и стене.

Иисус какое-то время молчал, затем спросил так, чтобы все могли слушать. «А что говорит закон Моисея?»

«Люби ближнего своего и возненавидь врагов своих!» — кто-то ответил смело.

«Но послушайте истину. Я говорю любите ваших врагов. Любить только, когда вам отвечают любовью, это путь обычных людей, а не вашего Отца на Небесах. Подумайте о том, как Он действует...» Иисус продолжил, наклонившись вперед, его голос доносился до тех, кто собрался на крыше, и до тех, кто сгрудился за стеной. Анна видела, как он, продолжая говорить, всматривался в лица собравшихся перед ним людей. «Божьи мысли не наши мысли, Его пути не наши пути. Его царство приблизилось, и если вы не покаетесь, вы упустите его.»

Анна была очарована словами Иисуса и в то же время, отмечала разную реакцию толпы на этого человека.

«Царство» — продолжил он — «подобно маленькому семени... как горчичное зерно. Оно маленькое и кажется таким незначительным, но не презирайте его... вы видели, как большое дерево вырастает из горчичного зерна.»

Анна задумалась над его словами.

Когда он продолжил, некоторые ушли. Другие остались: некоторые из надежды, некоторые из любопытства, а некоторые потому, что им больше нечем было заняться. В этот день Анна видела, как некоторые люди злились и обижались. Она видела, как старейшины в мантиях неловко ерзали за калиткой. И она видела, как маленькие дети, наклонившись вперед, слушали, радостные и заинтригованные. Анне было интересно, что еще творилось в этих многих головах...

Ашира...

Радость от того, что я слышу Иисуса, вижу Его и нахожусь рядом с Ним сегодня утром, омрачалась только одним: Зива здесь. Зачем она появилась? Чтобы насмехаться?

Я едва выношу это. Мне кажется, что я далеко, и мне было сложно сосредоточиться на том, что говорит Иисус, пока я не услышала Его слова: «Не судите других. Вы будете судимы так же, как судите других. Миротворцы будут блаженны и будут названы детьми моего Отца.»

Надеюсь, Зива услышала это! Интересно, она вообще слушает, стоя там уверенно со скрещенными руками. Ее вообще это заботит? Постараюсь просто не смотреть на нее. Я смотрю на пасмурное небо, пытаюсь отвлечься от нее и сосредоточиться на том, что говорит Наставник. А затем смотрю на луч света на сером небе, пробившемся через просвет в облаках. О... я закрываю глаза руками. Эти слова для МЕНЯ. Я обвиняю Зиву в своем сердце, я веду себя как судья. Я насмехаюсь. О, мой Господь, кто может усмирить этого зверя во МНЕ? Кто может исцелить эту болезнь?

Ариель...

Сегодня утром я такая задерганная и беспокойная. Толпы людей вокруг нашего дома, и каждую минуту их все больше. Я не могу найти себе места во всем дворе, где меня бы не видели, где мне не нужно смотреть на всех этих людей. Но я так хочу быть с Иисусом! *Крыша! Я могу смотреть и слушать с крыши!* Я спешу по внешней лестнице и решаю еще раз взглянуть на Иисуса. Я оборачиваюсь и вижу, как Он сидит там, не смущаясь толпами, как Его не смутили римляне. *Он настолько полон мира, отдавая Себя так свободно.*

Глядя на Него, я слышу Его слова. «Божьи мысли не ваши мысли. Он видит все не так, как вы видите.» Я вижу, как много я думала о себе и о своем желании быть в своей зоне комфорта. Могу ли я заботиться об этих людях, как это делает Иисус? Я хочу быть похожей на Него, такой свободной и уверенной. Я сажусь там, где нахожусь, посреди лестницы, рядом с женщиной, которую я никогда раньше не видела. *Я сижу рядом с кем-то, кого я не знаю. Это так сложно!* С этими мыслями у меня в голове, я смотрю внимательно на Иисуса и шепчу: «Как ты можешь быть настолько полон мира, свободы и уверенности?»

Внезапно женщина, которая сидит рядом со мной наклоняется, чтобы сказать мне что-то. Я почти свалилась с лестницы! «Я услышала твой вопрос» — сказала она. «Он такой, потому что Он полон любви к всем этим людям. Ему не важно, что они думают о Нем. Его волнует только то, что Он им нужен.»

Я поражена, что она услышала мой вопрос И ответила на него, но у меня получается пробормотать. «Откуда... откуда вы знаете это? Вы раньше говорили с Ним?»

Женщина тихо смеется. «О, мы говорили много раз. Видишь ли, Он мой сын. Мы пришли сюда из Каны с несколькими Его новыми последователями.»

Это еще больше изумляет меня. *Я так рада, что решила не садиться на крыше.* «Как вы думаете, я смогу когда-нибудь стать похожей на Иисуса?» — я спрашиваю громко.

«Думаю, лучше всего получить на это ответ, самой спросив Его» — говорит добрая женщина.

«Я спрошу» — говорю я открыто матери Иисуса, решаясь посмотреть ей прямо в глаза. «Сделаю это как можно скорее».

Джаред...

Я дотасился до дома сегодня утром по склону холма, погружившись в мысли. Я был зол. Я испытал

такое облегчение, когда отец вернулся вчера. Думаю, я рассчитывал на то, что он вернулся, чтобы остаться... по крайней мере, на какое-то время. Но потом я узнал, что они идут в Иерусалим на Пасху через день-два, и ему нужно, чтобы я остался и ловил рыбу. *Ловил рыбу!* И Ездра только что сказал, что он тоже идет! Почему эту работу взвалили на меня? Если я должен обеспечивать эту семью, я хочу выбрать, как это делать.

Подойдя к калитке, я удивился, увидев толпу. Но затем мое внимание привлекли слова Иисуса. «Если не покаетесь, не сможете войти в Царство».

Покаяться? В чем мне каяться? Я всегда жил для Бога. Так ли это? Думаю, я никогда по-настоящему не задумывался о Божьем конкретном направлении для моей жизни. Я всегда знал, чего я хочу, и у меня были все ответы. Могу сказать, что все эти люди вокруг так не думают. Посмотрите на них! Они жалкие. Они выглядят... голодными. Неужели они думают, что Иисус может дать им то, что им нужно?

Я вижу, как Иисус учит. Такое впечатление, что у Него ясная голова, Он сосредоточен... *как будто Он* разбирается в жизни. Он сильный мужчина. У Него острый, пронизательный взгляд. Когда Он смотрит в мою сторону, я отвожу взгляд. Я не хочу, чтобы Иисус видел меня... кто я и какие у меня незначительные цели. Я думал, что люблю Бога, но этот человек по-настоящему любит Его. Это проявляется во всем, что Он говорит, в каждом Его действии.

От этого понимания спирает дыхание... у меня нет ни малейшего представления о том, что значит искать Бога. Я был таким глупцом! *Хочу ли я знать Бога Небес так же, как Иисус? Хочу ли я прожить свою жизнь по-Божьему? Или я хочу жить по-своему? Хочу ли я только успеха?* Слова Иисуса опять пронзили меня. *Если не покаетесь, упустите его.*

Зива...

Хммм! Чепуха! Его слова — это чепуха! Кто может понять то, что говорит этот человек? И все эти люди столпились во дворе Симона, внимая каждому его слову. Так нелепо. Так смехотворно!

Но есть что-то... что-то интригующее, привлекательное в этом человеке. Кажется, что ему действительно... *нравятся* все, он даже *любит* их! Но как он может любить людей, которых никогда не видел до сегодняшнего утра?

Ха! Может быть, вот почему. Если бы он действительно знал их, он бы знал, что они просто толпа глупцов. Их нужно поставить на место. И не думаю, что любовь поможет в этом. Как они изменятся, если мы не скажем им, что они делают не так?

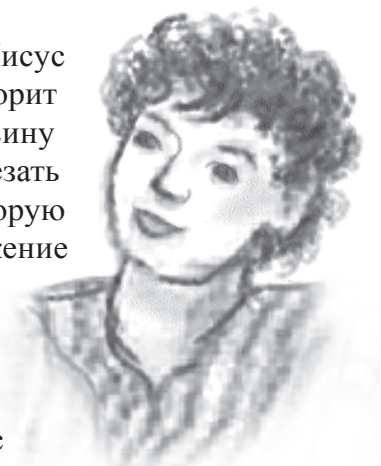
Тут я поняла, что Иисус смотрит на меня. *Какие добрые у него глаза!* «Покайся!» — говорит он. Покаяться? Ну вот

откровенный разговор. Но почему он продолжает смотреть на меня? Он не сводит с меня глаз. О... я не могу вынести этого. О, Иисус, кто ты? Видишь ли ты меня? Мой гнев. Мою горечь. Но при этом почему ты не презираешь меня? Я не похожа на тебя, Иисус. Я не могу любить... *глупцов*. Я дрожу, видя впервые, кто я на самом деле.

Иезекииль...

Я запутался. Я думал, что Иисус ответит на мой вопрос, но Он говорит о другом. Я беру свой наполовину законченный меч и начинаю вырезать дальше, придавая ему форму, которую хочу. Внезапно я замечаю движение в толпе. *Люди освобождают место для вновь пришедших. Эй! Это же солдаты!* У меня спирает дыхание, когда я узнаю ведущего их центуриона. Рядом с ним мальчик моего возраста. *Должно быть его слуга. Зачем пришли солдаты? Арестовать кого-то? Заставить Иисуса замолчать?* Но они просто стоят там. Они слушают Иисуса!

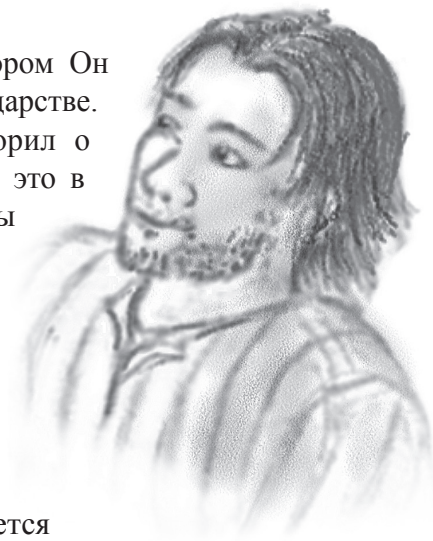
Я качаю головой и возвращаюсь к работе над своим мечом. И тут я понимаю что-то. Подождите. Я не слушал Иешуа! Он ОТВЕЧАЕТ на мой вопрос, а я не обращаю внимания! Я вспоминаю, как недавно Нана сказала мне, что мне нужно быть более серьезным. «Время вырасти» — сказала она мне. Мама и Шира тоже это говорили. «Жизнь — это не игрушки, Иезекииль». Я опять смотрю на свой меч. *Это тоже одна из моих игрушек?* Я хотел сражаться настоящим мечом в настоящей битве, уничтожая римлян. Но посмотрите на центуриона. У него спокойное лицо. Он даже улыбается. Если Иисус любит его — и, может быть, даже всех римлян — тогда я тоже это могу. Я смотрю на свой меч и выбрасываю его через стену. Он хлопается на землю, а я поворачиваюсь к Иисусу. *Теперь я действительно готов слушать!*

Ездра...

Что это за царство, о котором Он говорит? Я знаю, что я думаю о царстве. Когда Иоанн Креститель говорил о Божьем царстве и о покаянии, это в целом совпадало с тем, что мы думали о себе как о Божьем избранном народе и о всех обетованиях, которые Бог исполнит через нас, если мы изменим свои пути.

Весть Иисуса о царстве не противоречит весте Иоанна. Но при этом кажется совсем другой. Иисус говорит о царстве, которого все еще нет здесь, но которое приблизилось. И его нельзя увидеть без покаяния. Вы можете представить себе это? Царство, частью которого вы не можете быть, не можете даже увидеть, без покаяния. Что это за царство? Царство, которое любит своих врагов? Я не могу понять этого.

Божьи мысли — это не мои мысли. Ну вот то, что я *понимаю*. Яхве, помоги мне увидеть более широкую картину. То, что Ты открываешь, охватывает все, на что мы надеялись для нашего маленького народа и для себя, но это также намного больше. То, о чем говорит Иисус, кажется, охватывает ВСЕ сердца и все народы — весь мир. Однако это имеет для МЕНЯ смысл — для меня лично и для того, что Иегова Бог хочет для МОЕЙ жизни.

Из-за Него люди спотыкаются

*Он будет камнем, о который споткнутся,
и скалой, из-за которой они упадут.*

Ис. 8:14

У Ездры в голове кипели мысли, когда он размышлял над всеми интригующими вещами, которые он видел в Иисусе за последние несколько дней, что Он был в Капернауме. *Что Иисус будет делать дальше? В каждом Его слове и действии такая убежденность, и при этом Он не то, что мы ожидали.* Иисус, Его мать и братья, Симон и несколько других ушли несколько дней назад в Иерусалим на праздник пасхи. Отец Ездры Иессей настоял, чтобы Ездра тоже пошел в этом году. Ездра решил остаться на еще один день рыбной ловли, прежде чем уйти. Он хотел убедиться, что его отец и сестра хорошо обеспечены во время его отсутствия. Наконец, уступив понуждениям отца, он отправился в Иерусалим в компании Иаира, верного друга и начальника синагоги. «Ты должен идти, сын» — сказал отец. «Посмотри, подтвердят ли лидеры нашего народа, что этот Иисус истинный Мессия.»

Внезапно мысли Ездры прервали громкие крики позади.

«Двигайся влево!»

«Осторожней!» — рявкнул другой.

«Ездра! Быстро! Сюда!» — Иаир торопливо подзывал его рукой к обочине. Затем Иаир подбежал, чтобы помочь старику отойти с дороги.

Раздражаясь и протестуя, целый караван людей, животных и телег сдвинулся влево. Ездра обернулся посмотреть, что вызвало суматоху. Как он и ожидал,

римские легионеры на лошадях проехали мимо, подняв облако пыли, и исчезли вдали.

«Когда же, о Господи, Ты избавишь нас от этих высокомерных язычников?» — воскликнул кто-то рядом с Ездрой.

«Может быть, человек Иисус будет тем, кто избавит нас от этих мерзких захватчиков и угнетателей» — громко сказал еще один.

Голос из толпы воскликнул: «Судя по тому, что я видел и слышал, он только болтает. Одно «чудо» превращение воды в вино, но какой нам от этого прок? Кажется, что он и пальцем не пошевелит, чтобы спасти нас от Рима. Он говорит, что мы должны обращаться с этими язычниками как с друзьями!»

Что-то вспыхнуло в Ездре. Он хотел как-нибудь защитить Иисуса, но придержал язык. *Я узнаю этот голос.* Он завертел головой и внезапно увидел говорящего. *А, это наш равви из синагоги в Капернауме.* Он вздрогнул от мысли, что он может выступить против одного из своих лидеров.

Толпа продолжала ворчать, и группы людей начали двигаться в сторону Иерусалима. И в этот момент Ездра столкнулся лицом к лицу с равви.

«Ездра, мой мальчик! Сын Иессея!»

«Здравствуйте!» — ответил Ездра громко, проглотив комок в горле.

«Рад видеть тебя в пути. С кем ты путешествуешь, молодой человек?»

«Я путешествую с Иаиrom, Равви. Он идет впереди.»

Скульптурное лицо равви озабоченно нахмурилось. Отведя Ездру в сторону, он настойчиво сказал: «Ездра, моя ответственность как твоего старейшины, поставить тебя в известность. Хоть Иаир и начальник синагоги, но будь осторожен. Он обособился от многих других лидеров своими радикальными мыслями. Многие думают, что он экстремист и фанатик. И в отрицательном смысле, должен сказать. Ты поступишь мудро, если запомнишь мои слова.»

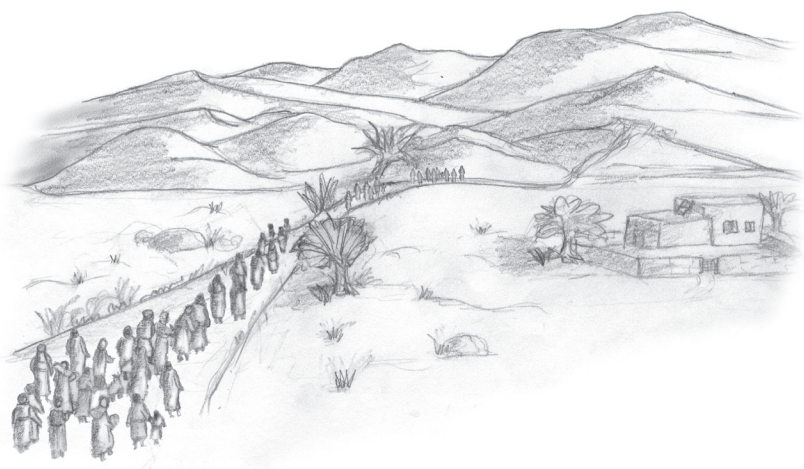
Затем, не попрощавшись, равви повернулся к другому молодому человеку. «Михей! Рад тебя видеть!» И на этом он перешел к следующему разговору.

Ездра был ошеломлен. *Я никогда не слышал ничего против Иаира. Отец говорил, что он один из самых боящихся и любящих Бога людей, которых он когда-либо знал!* Не зная, что и думать, Ездра поспешил вдогонку Иаиру. *Какие смутные времена.*

Следующие несколько дней они путешествовали вместе с соседями и друзьями. Ежедневно толпа становилась больше и больше, когда многие другие пилигримы присоединялись к каравану. Слова равви сначала беспокоили Ездру, но вскоре они потускнели по мере того, как он, Иаир и остальные разговаривали о Божьих обетованиях Израилю.

«О, Ездра» — воскликнул Иаир после одного особенно вдохновляющего разговора. Если мы будем верны Божьей работе Его способом, если мы увидим грех явно, чтобы опечалиться и говорить как древние пророки, если мы посвятим себя молитве, наш Бог в ответ будет верен нам. Он покажет нам путь, который Он приготовил. И Он поднимет великий и могучий народ, о котором Он возвестил!»

В этом человеке нет ничего отрицательного, подумал Ездра про себя. Ничего отрицательного, кроме его ненависти к компромиссу и самодовольству. Я вижу только явный голод по святости и истине!

Путешествие продолжалось. Они шли с длинной вереницей путешественников вокруг римских городов вдоль западного побережья Галилейского моря. Потом они шли по дороге, которая примерно следовала курсом реки Иордан. Наконец, отклонившись на юг, они повернули на запад, двигаясь в гору через пустыню в город Давида. Там они будут праздновать Пасху. Ездра лелеял эту мысль. *Иерусалим! Город на холме.* Пророки в древности сказали, что однажды будет установлено Царство Божье, которому не будет конца. *Царство Божье. Что это за царство?*

Ездра часто смотрел вперед, надеясь найти в толпе пилигримов Иисуса, Симона или Андрея, но их нигде не было видно. Коричневая пыль и палящая жара пустыни окутывала вереницу путешественников. Серая череда гор простиралась вдоль горизонта перед ними, а солнце окрашивало в багряный, розовый, оранжевый и красный далекие холмы и темнеющее небо.

К закату шестого дня путешествия, путешественники остановились еще раз и разбили лагерь на обочине пыльной дороги. Ездра присоединился к Иаиру на ужин у костра. Было здорово быть со своим другом.

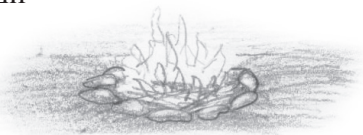
«Ты знаешь, Иаир, что прошло уже семь лет со времени моего последнего путешествия в Иерусалим? Мне было двенадцать. Я был с отцом. Оказалось, что это последняя Пасха, на которую я смог прийти, потому что вскоре произошел несчастный случай. Но время в Иерусалиме мы никогда не забудем.»

«У твоего отца хорошее сердце, Ездра. Я знаю, как он хотел, чтобы ты вновь отправился в это путешествие» — тихо ответил Иаир.

Ездра вздохнул: «Жаль, что отец не смог пойти. Мы оба очень хотели опять увидеть храм и поклониться в нем» — Ездра замолчал, уставившись в потрескивающий огонь — «и сидеть у ног книжников и фарисеев». Они лег, заложив руки за голову, и посмотрел на звезды. «Иаир, мой отец особенно попросил меня узнать, что лидеры в Иерусалиме говорят об Иисусе — Мессия Он или нет. Учителя закона

хорошо знают Писания. Несомненно, когда они встретят Иисуса и выслушают Его, они признают слова, которые Он говорит. Что ты думаешь?»

Ясным и серьезным голосом Иаир сказал: «О, Ездра, я слышал, как наши лидеры часто говорили в храме. Я видел, как они поклонялись и выполняли свои обязанности. У некоторых, кажется, есть в сердце желание Бога, и, да, некоторые могут прислушаться. Но многие живут только внешней жизнью, желая только того, чтобы их замечали люди. Некоторых волнует закон и праведные дела, но они, кажется, никогда не вкладывают в это свои сердца. Они считают, что наши традиции настолько же важны как и Божьи заповеди. На самом деле, я не думаю, что некоторые видят между ними разницу!» Иаир покачал головой и уставился в пламя.

Пораженный словами Иаира, Ездра спросил: «Какую разницу не видят некоторые?»

«Разницу между традициями, установленными нашими отцами, и Божьими заповедями» — осторожно повторил Иаир.

«Приведи, пожалуйста, пример» — Езра почувствовал, как у него в сердце появилось небольшое опасение.

Иаир помолчал немного, прежде чем ответить. «Хорошо, Ездра. Мы можем говорить о тысячах «экстра» толкованиях и объяснениях, предложенных обычными людьми. Мы могли бы обсудить могучий Синедрион и как человеческое изобретение стало «голосом Яхве» или как людям хочется, чтобы так было. Мы могли бы обсудить Саула и административные должности в противовес данному Богом правилу помазания Самуила — человек хочет впечатляющего положения, а Бог хочет сердце и дух. Есть сотни примеров, которые немногие сегодня подвергают сомнению. Кажется, что мы пьяны своими традициями и слишком боимся спрашивать ‘Почему?’! Но пока давай поговорим о синагогах.»

Несмотря на неуверенный кивок Ездры он продолжил. «Тебе когда-нибудь приходило в голову, что синагоги никогда не были Божьей идеей? Божье намерение все

это время было в том, чтобы люди поклонялись в *храме* в Иерусалиме! Но когда Израиль согрешил, и мы были рассеяны и у нас больше не было храма, нашим праотцам пришла в голову идея строить синагоги, в которых можно собираться, молиться и читать Писание.»

«А что с этим не так?» — спросил Ездра, нахмурившись.

«Ну, сама по себе идея не плоха. Проблема в том, что спустя несколько поколений поклонение в синагоге настолько утвердилось, что многие лидеры думают, что это **БОЖИЙ ПЛАН**, а не **ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ИДЕЯ**. Разве ты не помнишь, Ездра, «другие места поклонения», которые называются высотами, и что Бог думает о них. Теперь мы оправдываем и приукрашиваем свои попытки сделать Яхве более удобным. **ВОТ В ЧЕМ ПРОБЛЕМА.**» Когда Иаир говорил, он припомнил свежие примеры. «Как в случае с филистимлянской повозкой, запряженной волами, мы оправдываем свое удобство и комфорт своими собственными традициями. Разве Надав, Авиуд, Оза, Ианний и Иамврий не узнали, что Бог думает о наших великих идеях?» Иаир прищурил глаза с глубоким убеждением. Его голос окреп: «Нужно различать человеческие традиции и Божьи Святые Мысли. Этого не было в последних поколениях, Ездра. Синагога сейчас такая общепринятая традиция, что еврея считают бунтарем и нечестивым, если он не ходит на собрания «правильно».

Ездра был поражен. Он почувствовал себя так, как будто из под его ног выдернули что-то фундаментальное для его еврейской веры. Он не знал, то ли продолжать слушать, то ли поддаться гневу, который он ощущал внутри себя. *Неужели Иаир и вправду сомневается в необходимости синагоги — учреждения, начальником которого он сам является? Если бы у Божьего народа не было места для собраний, то где бы читали и слушали чтение свитков? Где бы тогда собирался Божий народ?* Внезапно он вспомнил о предостережении по поводу Иаира. *Разве его не называют смутьяном?* Ездра оставил свои мысли при себе.

«Иаир» — сказал он, потрясенный — «если мы не можем доверять нашим лидерам, то кому доверять?»

Голос Иаира был все еще тихий, но твердый. «Доверяй тому, кто, подобно пророкам, не боится людей. Тому, кто не боится искать Бога, следовать за ним и откликаться Ему, как бы болезненно это ни было. Тому, у кого нет земных амбиций или личных мотивов. Доверяй Тому, кого больше волнует истина, Божья честь и плод, чем Его собственное благополучие и репутация.» Иаир вздохнул: «Я, например, обращаю свой взор в надежде на человека Пророка в пустыне, который является ‘Агнцем Божиим’. На Того, кто привлекает толпу, но не потекает ей. На того, кто любит людей, но на Его слова и действия не влияют люди, которым Он нравится и которым Он не нравится. Такой человек должен быть в контакте с Богом. Человек, который может превратить воду в вино.»

«Иисус!» — заявил Ездра, смягчившись при воспоминании Его.

Помолчав немного, Иаир сказал тихо: «Да, Иешуа, Иисус.»

«И ты не думаешь, что наши лидеры подтвердят, что Иисус — это Мессия?» — спросил Ездра.

«Будучи ответственным за свитки в синагоге, я имел возможность читать Божье слово и размышлять о нем. Ты знаешь, что говорит Исайя о грядущем Мессии?»

‘Он будет камнем, о который люди споткнутся...

*Он будет скалой, из-за которой они упадут —
ловушкой и западней для всех обитателей Иерусалима.’»*

Ездра почувствовал себя несчастным. Костер больше не казался теплым и успокаивающим. Звезды утратили свой блеск. Он так ждал путешествия в Иерусалим, а теперь был в плохом расположении духа. Что-то в Ездре подсказывало ему, что это истина, но все остальное в нем не могло принять этого.

У Ездры скрутило живот, и он лег на одеяло. Голоса вокруг него затухали в темноте, по мере того как путешественники устраивались на ночь. Он уставился в небо.

«Адонай, помоги мне разобраться в этом. Помоги мне понять, что то, что Ты говоришь, истинно.» Он не спал почти всю ночь. Но много часов спустя беспокойные мысли Ездры уступили сну, который укутал всех уставших путешественников.

Ездра проснулся на следующее утро со спокойной головой. Но рассчитывая увидеть Иисуса в Иерусалиме, он также ощутил надежду. Он встал и потянулся в лучах утреннего солнца. *Что ожидает нас сегодня? Мы должны добраться до Иерусалима к вечеру, и, может быть, опять услышим, как Иисус учит. Я хочу послушать, что Он скажет. Я хочу узнать, что Ему есть сказать!*

Иаир, который лежал рядом с ним, широко зевнул и сказал, «Тово саффо! Доброе утро, Ездра.» Иаир поправил сложенную накидку, которая служила ему подушкой, и вытянул свои длинные ноги. «А, эти старые ноги уже не те. Дай мне минутку, юноша. Я скоро встану.»

Внезапно Иаир широко открыл глаза, увидев что-то размером с большой инжир, ползущее по рукаву его одежды.

Он в секунду вскочил на ноги, яростно отряхивая рукав. «Но эти ноги служат мне хорошо, когда моей жизни что-то угрожает! Ах! Пауки!» Его передернуло, и он опять начал хлопать по рукаву. «Пустынные пауки хуже всего!»

Ездра рассмеялся.

«Все в порядке» — пробормотал Иаир неубедительно. «Давай отправляться в путь.» Он повернулся и начал сворачивать свою постель, бормоча, пока он встряхивал одеяло, выбивал его, разглаживал и сворачивал. «Эта штука, наверно, отложила сотню яиц здесь. Вечером мы все будем покрыты...»

Теперь Ездра смеялся в голос. «А, забудь об этом. Ты прав. У нас все будет в порядке.»

Иаир ухмыльнулся и затем продолжил выколачивать свою накидку.

Ездра посмотрел на старшего мужчину с вернувшейся приятнью. *Да, у нас все будет в порядке. Не могу винить Иаира за то, что он сказал вчера вечером. Он просто обычный человек, который готов подвергнуть сомнению все, что, как кажется, не соответствует сердцу Яхве.* Езра вспомнил, как он дрожал от мысли о том, чтобы выступить против своего собственного равви, когда он говорил презрительно об Иисусе. *Кто знает, может быть проблема у меня.*

К тому времени, когда солнце полностью взошло, Ездра, Иаир и группа путешественников опять были в пути, направляясь в Иерусалим. Их окружили толпы людей, когда они вошли в ворота Великого Города ранним вечером. Вдруг внимание Ездры привлекли знакомые голоса.

«Эй! Я везде узнаю голос Симона сына Иоанна!» — воскликнул Ездра с энтузиазмом. «Пошли, Иаир!» — он вытянул шею, пытаясь разглядеть в толпе Симона.

И вот они: Симон, Андрей, Иоанн, Иаков, Филип и остальные. И, да, Иисус тоже был там. Ездра обрадовался, увидев знакомые лица тех, кого он любил!

Иаир явно тоже обрадовался.

«Симон! Андрей!» — перекричал Ездра шум.

Симон обернулся и его лицо просветлело. «Андрей! Иаков! Посмотрите, кого я нашел!» Воссоединение было радостным, они хлопали друг друга по спине, сжимали друг друга в объятьях, кричали и гикали.

Иисус смеялся вместе с ними. «Ездра, Иаир, мы идем в храм. Пойдете с нами?»

Ездра и Иаир пошли за ними, прокладывая себе дорогу. Наконец, пройдя много пыльных кривых улиц, они дошли до храма.

Храм! Величие и великолепие, огромные каменные колонны и стены — все это наполнило Ездру благоговением.

Священники, фарисеи и книжники были легко узнаваемы по их утонченным одеждам и филактериям. *Это люди, которые отдали всю свою жизнь Богу и Его Закону*, подумал Ездра. Ему опять захотелось сесть у их ног, найти время и возможность изучать Божье Слово.

Ездра посмотрел на статных храмовых стражей, стоящих на огромных стенах. Напоследок его глаза остановились на самом святилище. *И вот где обитает БОГ; все это построено по указаниям, которые Сам Бог дал Своему народу через Моисея! Вот где лежит Его величие!*

Крики торговца грубо нарушили его мысли.

«Вы купили уже свое приношение? Вам понадобятся правильные монеты, юноша! Если вам нужно обменять деньги, могу дать вам лучший курс в храме!» Ездра был шокирован, когда толстый коротышка в вычурном наряде начал подзывать его к своему прилавку. Выдернув руку из цепкой хватки торговца, Ездра бросился вдогонку Иисуса, Иаира и остальных.

Торговцы зазывали людей из своих маленьких палаток, установленных по всему двору. Животные в загонах, голуби в клетках — все это было выставлено на продажу для того, кто предложит самую высокую цену. Серебряные монеты блестели под полуденным солнцем, когда их передавали из рук в руки.

«Ай! Ой!» — Ездра потерял ногу, отойдя от овечьего загона, в который он врезался.

«О, мой господин!» Торговец овцами поспешил к Ездre. «Купите ягненка для Пасхи? Я могу продать по хорошей цене. Вы не можете позволить себе ягненка, не так ли? Вот прекрасные голуби, посмотрите!»

Ездра отшатнулся от человека, еще более решившись избавиться от торговцев. Он пытался сосредоточиться на том, что хотел увидеть. *Вот! Вот учителя закона!* Они собрались на величественном крыльце, явно обсуждая Писание. *А там левиты, верно исполняющие свои обязанности.* Вокруг Ездры звучали странные языки преданных евреев, которые пришли из далеких земель. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. *Да, Божий Дом, полный Его людей. Вот, что я помню.*

Однако вскоре безмятежные размышления Ездры были прерваны вспыхнувшей вокруг него суматохой. Вдруг во все стороны полетели столы.

По началу Ездра был просто озадачен. «Что... что происходит?!» Он посмотрел на Иaira, но Иаир тоже был в смятении.

Денежные ящики полетели в воздух, палатки были повалены, зацокали копыта животных и разлетелись голуби. Люди кричали и вопили. Храмовые дворы были в полном хаосе!

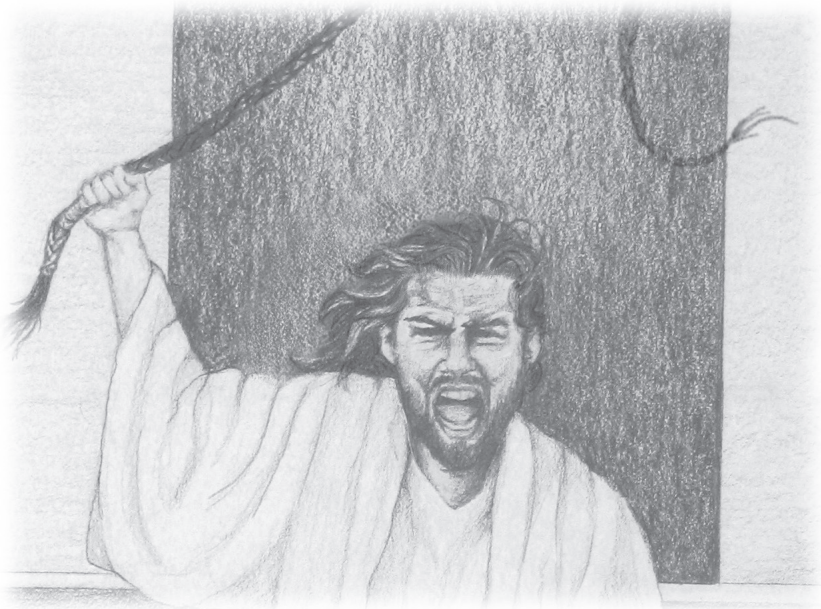
«Что это?» — крикнул Ездра Иаиру, стараясь перекричать шум. «Отвязавшийся бык? Сумасшедший?» Он обернулся и увидел

кружащуюся фигуру с кнутом.

«Эй, Иаир! Там!»

Иаир обернулся. В этот же момент они оба узнали человека. Они были ошеломлены.

«Это Иисус!»

На какой-то момент глаза Ездры встретились с глазами Иисуса. Они горели святым огнем. Иисус раскачивался в праведном гневе.

Ездра смотрел на Иисуса, не веря своим глазам. Неужели это был тот же самый человек, который был так кроток и мягок во дворе Симона? Был ли это тот же человек, полный любви, заботы, чувствительности? Он держал на руках детей, радостно смеялся, говорил слова истины, которые откликались в душе Ездры. Но теперь Он творил катастрофу прямо здесь, на самом священном и дорогом для всего Израиля месте.

Ездра бросил взгляд на религиозных лидеров, которые стояли вдоль задней стены. Они стояли в шоке, будто приросли к месту. Наверху лестницы, которая вела из двора, стоял Первосвященник. Священники и власти быстро обратились к нему, и он тоже пытался разобраться в ситуации. Как только Первосвященник увидел источник беспорядка, его глаза

выдали его гнев. Он крепко сжал кулаки, держась за края своей мантии.

В голове Ездры закрутились вопросы. Он посмотрел на лица всех фарисеев в толпе, лидеров и экспертов. Они тоже выражали негодование, гнев, ненависть и кое-что похуже.

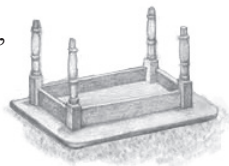
Ездра застонал глубоко в душе. Он знал, что происходило. На этот раз это не Иаир, который отказывался игнорировать несправедливость. Это был Иисус, и Он был намерен избавить дворы храма от того, что явно неуютно Богу.

Ездру затошнило. *Не так я хотел, чтобы наши лидеры встретились с Иисусом! Теперь они поймут Его совсем неправильно.*

«Уберите это отсюда! Как вы смеете превратить Дом моего Отца в рынок!» — закричал Иисус. В Его голосе звучала страсть, которая, казалась, потрясла основания самого храма.

Затем так же быстро как она началась, эта вспышка закончилась. Иисус стоял посреди двора, тяжело дыша. Кнут щелкал по полу. Шокированная тишина пала на тех, кто остался в храме. Многие торговцы и менялы убежали. Монеты, сломанные столы и пустые клетки усыпали пол. Простые люди на карачках собирали рассыпанные деньги.

Ум Ездры боролся с его сердцем. Он знал, что у Иисуса было право гневаться. Алчная торговля жертвенными животными была оскорблением Святости Яхве. *Но разве Иисус не мог донести свою мысль другим способом? Эти великие лидеры, несомненно, прислушались бы к разумным доводам!* Ездра опять отчаянно всматривался в лица фарисеев в надежде найти хотя бы одно, которые было бы мягким. Но он не нашел ни одного.

Вместо этого пронзительный холодный голос рявкнул: «Какое чудесное знамение ты покажешь нам, чтобы доказать свою власть поступать так?» Это был Первосвященник. Он холодно смотрел на Иисуса с вершины лестницы. Все глаза обратились к Иисусу.

«Разрушьте этот храм, и я через три дня воздвигну его» — сказал Иисус в ответ.

Еще один фарисей сказал насмешливо: «На постройку этого храма ушло 46 лет, а ты построишь его за три дня?»

Как можно построить храм только за три дня? Ездра тоже ощутил смятение и замешательство. *В словах Иисуса нет смысла.* Он посмотрел на Иаира, глаза которого были широко раскрыты от удивления. *Иаир тоже не понимает... но его, кажется, не смущает непонимание!*

Ездра посмотрел на фарисеев. Они явно были обижены. И разгневаны. Они стояли, ожесточенные гордостью и самоправедностью.

Иисус не был в Иерусалиме еще и полного дня, а Он уже столкнулся лицом к лицу с сердцами и умами каждого религиозного лидера здесь, мучился Ездра.

Он покачал головой в благоговении, вспомнив слова пророка Исайи. Какая Святая ирония — никто ни в каком поколении не ЗАХОЧЕТ, чтобы это было так:

‘Он будет камнем, о который споткнутся; Он будет скалой, из-за которой они упадут — ловушкой и западней для всех обитателей Иерусалима.’

Начальники колебались, не зная, как поступить, и оживленно разговаривали между собой. Толпа начала расходиться. Иисус, Иаков, Андрей и остальные повернулись и просто ушли через храмовые ворота. Без колебаний Иаир последовал за ними и махнул рукой Ездре, чтобы он пошел за ним.

Но Ездра был в панике. В нем возникло желание побежать к священникам и фарисеям. *Конечно же, мне нужно поговорить с ними! Разве Бог не хочет этого? Может быть, они прислушаются! Это лидеры Израиля, избранного Богом народа! Я не могу просто уйти...*

Он опять застонал, едва стоя на ногах. В агонии Ездра смотрел, как Иисус и Его последователи скрылись из вида.

О, Боже! Что Ты хочешь от меня? Следовать ли мне за книжниками и учителями? Эти люди отдали свою жизнь Писаниям! Я благоговел перед ними и почитал

их как Твоих помазанников всю свою жизнь. Могу ли я противостоять Твоим избранным лидерам. Это люди, которые десятилетиями вели Израиль!

Ездра посмотрел на лидеров, которые все еще гневно переговаривались. *Но минуточку!* Он почувствовал, как его смятение превратилось в упрек. *Почему они так злы на Иисуса? Почему ОНИ не гnevаются на злоупотребление Божьим Домом? Их роль в Израиле — стоять за Божью Святость и представлять ее ради грешников. Может быть, они ослеплены чем-то в их собственных сердцах? Почему еще они позволяют столько нечестия в Доме Божьем? Как они могут закрывать глаза на это противоречие каждый день?* Ездра вздрогнул, осознав, что он также виновен, как и они. Разве он не испытывал отвращение к амбициозным, корыстным торговцам? И, тем не менее, он решил отвернуться и смотреть только на то, что казалось хорошим.

У него ослабели ноги, и Ездра опустился на ступеньку лестницы, ведущей в храм. Впервые он повернулся спиной к религиозным лидерами. *О, Боже, прости меня. Дай мне глаза, чтобы видеть, и дай мне смелое сердце, чтобы откликнуться на то, что Ты показал мне. Боже, мне нужно знать, что делать. Я не понимаю слов Иисуса, и я определенно не понимаю Его путей. Но я вижу Твое Святое и Праведное сердце в Нем.*

Вдруг все стало ясным и очевидным. Ездра понял глубоко внутри, что он может довериться Иисусу. У этого человека сердце Божье, и он не боится ходить в нем. Был ли Иисус непредсказуемым? Определенно. Было ли Его временами трудно понимать? Да. Но при этом разве Его страсть также не показывает Его любовь к Божьей Святости и к Божьему народу? Хотя он не мог объяснить это, Ездра знал, что Истина и Жизнь находятся в этом человеке.

Ездра ЗНАЛ, что ему делать и чего он действительно хотел. Все, что раньше было в тумане, теперь было кристально ясно, когда он открыто глянул истине в лицо.

Его лицо расплылось в широкой улыбке. *Я буду следовать за Иешуа.*

Он стал твердо. «Я буду следовать за Иисусом!» — объявил он с восторгом от вновь обретенной уверенности. И на этом, без малейшего страха и колебаний, он побежал туда, где видел своего Наставника в последний раз.

Отречется от всего

Итак, тот из вас, кто не отречется от всего, что имеет, не может быть Моим учеником.

Лк. 14:33

Джаред сидел один у лодки, распутывая клубки на своей сети. Вечернее солнце напекало его спину через свободную тунику. Было тихо, только волны плескались о берег. Остальные рыбаки давно ушли домой.

Когда на него упала прохладная тень, он обернулся и посмотрел через плечо. На фоне яркого неба Джаред увидел темную фигуру дяди Лемуэля. Он сглотнул. Лемуэль не приходил с той неловкой встречи с Иисусом у них дома почти месяц назад.

«Привет, Джаред» — тихо сказал Лемуэль. Он переступил через сети, разложенные у ног его племянника. «Я услышал, что могу найти тебя здесь.» Он заглянул в пустую лодку, пытаясь завязать разговор. «Рыбы было мало сегодня?»

Джаред кивнул головой. «Да, но это не что-то редкое в эти дни.» Он замолчал, а потом поднял глаза. «Как дела, дядя Лем? Мама и Нана сильно по тебе скучают. Они беспокоятся о тебе.»

Лемуэль неловко пошутил: «Только они, а?»

«Нет. Мы все скучаем по тебе» — засмеялся Джаред. «Нам не хватает твоих историй о пугливых верблюдах в Сирии или о скалах в Негеве.»

Лемуэль ухмыльнулся. Он сел на край лодки и глубоко вдохнул свежий бриз, который дул со стороны озера. «Да, ну,

кажется последнее время не происходило ничего интересного, что можно было бы рассказать. Я был главным образом в Галилее. А ты? Как у тебя дела?»

Джаред покачал головой, засмеявшись при мысли о своих собственных недавних переживаниях. «Ну, думаю, я хорошо развлекал остальных своими собственными историями: как грести к берегу с одним веслом, как потерять половину улова, выпав из лодки, как ловить рыбу в темноте, когда забыл факелы.»

Лемуэль покачал головой, но не улыбался. Он выглядел... печальным.

«Ну, это не удивительно... ты ведь один. Я слышал, что Ездра тоже ушел в Иерусалим с твоим отцом. А тебе поручили довольно трудную задачу.» Он встал, думая, что сказать дальше. Затем он достал что-то из под накидки. «Вот, я принес кое-что». Он наклонился к Джареду и мягко уронил тугой мешочек, в котором звякнули монеты.

Джаред был поражен.

«Я понимаю, что твой отец не хочет моих денег, но Джаред, могу я, по крайней мере, обеспечить свою мать. Ты найдешь ей хорошего врача?»

У Джареда защемило сердце. Он всегда обожал своего дядю. Но то, что Лемуэль отверг Иисуса, сделало все болезненно сложным. Но при этом больно было видеть, что ему больно.

«Используй сколько нужно, чтобы позаботиться о ней» — настаивал Лемуэль — «а все, что останется — на свои нужды.»

Джаред нервно поерзал. Он посмотрел на мешочек с деньгами.

«*Возьми его!* Я знаю, тебе нужны деньги.» — сказал его дядя серьезно. «Джаред, я видел Аширу на рынке на прошлой неделе. Она выглядела как нищенка. Несомненно, даже *Иисус* твоего аввы не хочет, чтобы у вас дома все развалилось.»

Наконец, Джаред поднял мешочек с деньгами. Поднявшись на ноги, он посмотрел на Лемуэля. Он вложил мешочек с деньгами обратно в руку своего дяди. «Прошу прощения, дядя. Я согласен с отцом. Я не думаю, что мы должны брать твои деньги, когда ты занял такое положение против Иисуса».

Лемуэль тяжело вздохнул. Он неохотно положил деньги себе в накидку. Затем он внимательно посмотрел на Джареда. «Какой у тебя план? Ты же не собираешься ходить за Иисусом по Иудее и Галилее. Разве тебе не надо подыскать себе приличное занятие?»

Джаред посмотрел на него, прищурившись, пытаясь понять, к чему он ведет.

«Ты никогда не был рыбаком» — сказал дядя. «У тебя ум и талант купца. Я обучу тебя, Джаред. Мне все равно, что ты думаешь об Иисусе. Но ты все равно можешь быть купцом. Я завтра отправляюсь в Грецию. Отправишься со мной?»

У Джареда закружилась голова. Это было его мечтой! Время, наконец, пришло. *Мне нужно решить.* Он опять медленно сел среди запутанных сетей.

Его дядя присел перед ним на корточки, ожидая ответа. Он посмотрел на Джаред с надеждой.

«Дядя» — начал Джаред медленно — «все свою жизнь я пошел бы за тобой куда угодно — особенно в одном из твоих торговых караванов! Я так неловко обращаюсь с сетями, и, разумеется, я хочу лучше зарабатывать для всех.» Он замолчал, пытаясь подобрать слова. «Но с тех пор как я услышал слова Иисуса во дворе, я начал думать по-другому.»

Лемуэль, внимательно слушая, забыл о своей элегантной одежде и сел на песок.

«Я понимаю, что я не тот, кем себя считал» — сказал Джаред, пытаясь подобрать слова. «Я думал, что я был хорошим человеком, что меня волновал Бог и другие. Но это не так. Я не такой. Для меня важным было только *мое* будущее и то, что я хотел. Но теперь, я думаю, Иисус просит меня оставить все это.»

«Джаред, выслушай меня». Лемуэль заговорил громче от отчаяния. «Ты можешь *все еще* исполнять Божью волю, стремясь к тому, что лучше для тебя и для твоей семьи! Месячное путешествие сможет обеспечить твою семью на целый год! Один месяц и ты вернешься сюда, и у тебя будут деньги, которыми ты сможешь распоряжаться!»

Джаред широко раскрыл глаза. *Неужели это действительно может получиться?*

Взяв Джареда за руку, Лемуэль пристально посмотрел ему в глаза. «Неужели Иисус хочет, чтобы ты выбирал между ним и заботой о своей семье. Можно же делать и то, и другое. Ты можешь освоить почетную профессию и служить Богу.»

Внезапно в голову Джареду пришла мысль, подобно волне. *Возлюби Господа Бога твоего и Ему одному служи.* Он сказал это вслух, когда его озарило понимание. «Возлюби Господа Бога твоего и Ему одному служи!» Лемуэль посмотрел на него в замешательстве.

«Дядя, если я хочу служить Богу, то стремления моего сердца не могут разделяться. Я не могу держаться за свои собственные мечты! Дело не в этом, и не в физическом

благополучии моей семьи. Я начинаю видеть, что у Бога в мыслях намного более великий замысел для каждого из нас. Я многого еще не понимаю, но я хочу следовать за Ним. И я не хочу, чтобы что-то отвлекало или останавливало меня. Меня не волнует, если мне придется рыбачить до самой смерти! Если у меня будет другая профессия, то и это хорошо. И заработать больше денег, вероятно, тоже неплохо. Но если я правильно понимаю Иисуса, важно то, *почему* я что-то делаю. А ты просишь меня пойти на компромисс и «получить» и то, и другое, а не искать Его всем моим сердцем. Так что, кто знает? Может быть, стать купцом однажды и будет Божьим планом для меня. Но пока я останусь здесь... пока не буду знать наверняка.»

Лемуэль не нашелся, что сказать. Он поднялся скованно, будто ему было больно. Джаред вскочил со своего места. Две мужчин стояли лицом к лицу на пляже. Лицо Лемуэля покраснело от разочарования; лицо Джареда горело только что обретенной убежденностью.

«Теперь и *ты*, Джаред! Такой молодой, такой многообещающий, и выбрасываешь свою жизнь на ветер.» Он глубоко вдохнул и выдохнул с раздражением. «У меня были на тебя такие надежды.»

Джаред увидел как в глазах его дяди заблестели слезы.

«Он вовсе не Мессия» — горько прошептал Лемуэль. «Он не спасет Израиль. Он разделяет его — уничтожает семьи и жизни молодых людей, которые могли бы процветать.» Он посмотрел на Джареда в последний раз. Затем, сильно огорченный, он медленно ушел.

Джаред вспомнил кое-что из того, что говорил Иисус, и что в то время его смущало. «Не думайте, что Я пришел принести на землю мир» — сказал Иисус. «Нет, я пришел принести меч. Я пришел, чтобы настроить сына против его отца, а дочь — против матери. Ваши враги будут прямо в вашей семье. Если вы любите отца или мать больше, чем Меня, вы недостойны Меня. Если вы отказываетесь взять крест и следовать за Мной, вы не достойны Меня.» Слова Иисуса начали обретать смысл.

Джаред сказал тихо, практически про себя: «Мне жаль, что ты не понимаешь, дядя.» С Лемуэлем ушли все надежды и мечты детства Джареда. Но слеза, которая текла по щеке Джареда была пролита не за себя. Она была за того, кто, вероятно, никогда не вернется.

Джаред повернулся и посмотрел на плещущиеся морские волны. Бриз взъерошил волосы у него на голове и обвеял его загоревшее лицо. *Что принесет с собой эта новая жизнь?* Его будущее было теперь таким же туманным, как и покрытый туманом далекий берег озера. Но его это не волновало. Хоть он и огорчился из-за своего дяди, он знал, что он поступал правильно, а его сердце согрелось радостным покоем.

Внезапно его окликнул голос с пляжа. «Эй! Джаред!» Джаред обернулся и увидел, как к нему бежит Езра.

«Езра! Ты вернулся!» — Джаред бросился ему навстречу. Они встретились и взялись за руки. «Ты один. Мой отец... и Иисус... они здесь?»

Езра покачал головой, тяжело дыша. «Я вернулся раньше с некоторыми другими. Я всю неделю думал о тебе, Елизавете и об остальных. Я должен был вернуться, и я хотел сказать вам всем — О, Джаред...» Он замолчал, не найдя слов.

Они оба засмеялись.

«И я тоже должен тебе сказать что-то» — сказал Джаред. Он посмотрел мимо своего друга и увидел, как его дядя поднялся на вершину холма и исчез из виду.

Он научит нас Своим путям

*Многие народы пойдут и скажут:
«Идем, поднимемся на Господню гору...
Он научит нас Своим путям,
и будем ходить по Его тропам.»*
Ис. 2:3

Зива сидела задумчиво на скамейке у себя во дворе. Она была раздражена. Она критически рассматривала ремень на сандалиии, которую кожевник только что починил для нее.

«Разве этот нелепый человек не может хоть что-нибудь сделать правильно?» — бормотала она себе. «Сначала подошва отлетела в первый раз, когда я надела сандалиии, а теперь...»

Зива остановила себя. Она вспомнила Иисуса и его пронзительный взгляд. Она потрясла головой, пытаясь избавиться от вины, которую она почувствовала в сотый раз с того дня во дворе Симона.

Что такого в этом Назарянине? Почему я не могу забыть его слов и его лица?

Пытаясь сбежать от бушующей в ней бури, Зива поставила кувшин с водой на бедро и направилась к колодцу. Но пока она шла, слова Иисуса звучали у нее в голове.

Любите ваших врагов... любить в ответ, так поступают обычные люди... Божье царство близко, и если не покаетесь, не войдете в него...

Зива вздохнула и, подойдя к колодцу, опустила кувшин для воды на землю. *Любовь. Что я знаю о любви?* Живя одна, будучи вдовой, она пряталась за своей горечью, воображаемым перфекционизмом, суровостью. Ее брат был калекой, о котором думали, что он проклят Богом. Иесей и его семья были всем, что у нее было. *Тогда почему же я обращаюсь с ними, как будто презираю их? Почему меня так и тянет уничтожить все то хорошее, что у меня есть?* Зива опять вздохнула.

К колодцу начали собираться другие женщины, Зива поздоровалась с ними, опустив на землю кожаное ведро. Тяжело дыша, к колодцу подбежала девочка.

«Иисус вернулся! Он учит на склоне холма!» — выдохнула она. «Толпа уже собирается!» На этом девочка поспешила с площади.

У Зивы замерло сердце. Затем оно оборвалось. У нее есть еще одна возможность услышать слова Иисуса! Но хочется ли ей этого? Слова этого человека бросали вызов, иногда даже обижали. Может быть, ей просто хочется опять увидеть его глаза, увидеть как они лучатся добротой. Внезапно она вылила воду в свой кувшин, подняла его на голову и отправилась домой.

Дома Зива вылила воду из кувшина в цистерну. Она так спешила, что разлила воду. Игнорируя беспорядок на своем безупречном полу, Зива выбежала за дверь, не оглянувшись.

Зива стояла на склоне холма, теребя края своей одежды. *Зачем я здесь?* Она узнала несколько лиц в собирающейся толпе. Она покраснела, когда несколько человек заметили ее. *О чем они думают!* Мимо прошел кожевник, на которого она сердилась. На нее нахлынуло раздражение. Она развернула плечи, когда знакомый поток поднялся, готовый излиться через ее уста. Но она прикусила язык.

В этот момент она услышала, как Иисус обратился к людям на вершине холма. Она подошла ближе.

«Бог благословляет тех, кто осознает свою нужду в Нем, ибо им дано Царство Небесное. Бог благословляет тех, кто мягок и смирен, ибо вся земля будет принадлежать им. Бог

благословляет тех, у кого чистое сердце, ибо они увидят Бога. Бог благословляет тех, кто творит мир, ибо они будут названы детьми Божьими.»

Каждое предложение было как удар для Зивы. *Мягкие и смиренные? Милостивые? Чистые сердцем? Миротворцы?* Она почувствовала, как на глаза навернулись слезы. Все это к ней не относилось. Глубоко в своем сердце она знала, что, если бы ее взвесили на весах Божьей справедливости, как Вальтасара в книге Даниила, ее бы нашли легкой. У нее покатались слезы. Она нетерпеливо смахнула их.

«Хмм!»— ворчание стоящего рядом наблюдателя привлекло внимание Зивы. Она заметила презрительную ухмылку на лице старика. «Ба, миротворцы! Мягкий, смиренный... что за чушь!» Шок Зивы превратился в ужас, когда она поняла, что видит себя в этом человеке. Вздвогнув, она попыталась сосредоточиться на том, что говорил Иисус.

«Бог благословляет гонимых, ибо они живут для Бога, ибо их Царство Небесное. Бог благословляет вас, когда вас высмеивают, гонят и злословят из-за того, что вы мои последователи.»

Может быть такое, что я гонитель? На нее нахлынули мысли и она вспомнила все, что она говорила Ашире и остальным об Андрее, о Симоне, об Иисусе; те случаи, когда она насмеялась внутри и словами, те случаи, когда она говорила неправду, зная об этом. Она больше не могла выносить это! Боль в сердце была слишком сильна. Она ринулась мимо остальных, спеша уйти оттуда. *Может, мне поговорить с братом. Он благочестивый человек. Может, он поможет мне.*

Не разбирая дороги, она бежала по холму и через город, подгоняемая отчаянием. Дорога к дому Иессея вела через городской центральный колодец. Приблизившись к нему, она увидела Аширу, которая черпала воду. Зива вначале отпрянула в смутении. Я не хочу говорить с ней, по крайней мере, не сейчас. Но она заставила себя подойти к колодцу. У нее стучало сердце и болело горло.

«Привет, Ашира.»

У Аширы напряглось от беспокойства лицо. «Привет, Зива». Отведя глаза, Ашира продолжила поспешно черпать воду.

«Э, Ашира...» — отважилась Зива — «Я была только что на холме. Там Иисус. И твой отец...и...» — Зива замолчала.

При упоминании Иисуса и ее отца Ашира резко вздохнула. Из кожаного ведра выплеснулась вода когда она всхлипнула.

«С тобой все в порядке, Ашира?» — спросила Зива, удивленная реакцией Аширы.

«Нет!» — фыркнула Ашира. Взяв себя в руки, она быстро добавила: «Я не хочу быть непочтительной, Зива.» Она поспешно вылила воду в свой кувшин.

Зива почувствовала, как у нее все разрывается внутри. «Конечно, нет, дорогая, я уверена, что не хочешь». В своей собственной агонии она не увидела слез на лице Аширы. Она села на каменную скамью у колодца, пытаясь рассказать Ашире то, что она услышала на холме. «Иисус говорил о смиренных, мягких, миротворцах, милостивых. Я хочу, чтобы ты знала...»

Ашира прервала ее. «Зива, пожалуйста, я не могу слушать сейчас. Моя бабушка очень больна! Я *должна* быстро вернуться домой с водой!»

Когда Ашира подняла кувшин с водой, Зива увидела панику у нее в глазах. «Ашира! Я знала, что Анна болела, ей что стало хуже?»

«Она умирает, Зива» — голос Аширы задрожал. Поставив кувшин с водой себе на голову и не оглянувшись, она направилась домой.

«Я могу помочь?» — крикнула ей вслед Зива, встав со скамьи.

«Нет!» — резко сказала Ашира с неискренней смелостью ослепительной боли. Она прикусила губу. Она знала, что ответила слишком резко. «Извини, Зива, ты ничего не можешь сделать.» Всклипнув еще раз, она поспешила домой.

Зива была ошеломлена. У нее затряслись ноги, и она оперлась на прочную каменную скамью. Она сидела в полном отчаянии. *Что я натворила? Неужели я так им насолила, что они не хотят видеть меня рядом в час своей самой великой нужды?* Ее сердце разрывалось по Анне. Я едва обмолвилась с ней словом за все эти годы. Анна,

Яхве, прости меня! О, Боже, пожалуйста не дай Анне умереть. Все, в конце концов, умирают, но неужели это должно произойти сейчас?

Она застонала, когда на нее накатила волна вины. *Я хотела рассказать Ашире о том, что я услышала от Иисуса, а она подумала, что я буду выговаривать ее за тон ее голоса.* Зива погрузилась в глубокую печаль.

Мучительные мысли приходили одна за другой. *Мне нужно поговорить с Иессеем.* Она поднялась со скамьи. Посмотрев на небо, она прошептала: «Ты нужен мне, Адонай. Я понимаю, что Ты нужен мне.»

Псалом Зивы

*Кто может постичь,
Что Он совершил?
Кто может представить,
Что Он обрел?
Хоть была я слепой,
Я вижу опять
Глубину гордыни своей
И я хочу быть свободной!*

*Я хочу Свет,
Который вижу в Твоих глазах
Мне нужна твоя истина,
Которая рассеивает ложь
Я хочу слышать
Можно ли очистить
Все, что я совершила?*

*Приди, озари Своим Светом,
Дорогой Мессия!
Приди, разбей мои цепи,
Господь Любви!
Я хочу быть никем
Для Тебя, для Тебя!
Господь, если Ты пожелаешь,
Ты можешь обновить меня!*

Он творит чудеса

*Он творит великое и непостижимое,
бесчисленные чудеса.
Иов 5:9*

В доме было темно и жарко. Ашира закрыла за собой дверь и наклонилась, чтобы поставить кувшин с водой у двери. В тишине она ясно слышала свое неровное дыхание. Она помедлила, чтобы ее глаза привыкли к теням в комнате. Ей казалось, что у нее в сердце так же темно, как и в комнате. Она злилась на Зиву, злилась на нее за то, что она появилась в это время скорби, злилась на то, что она просто была Зивой. *Почему?* Она пыталась собрать мысли в кучу, горло у нее все еще было напряжено. *О, мне нужно отнести воды Нане!*

«Ашира?» — Ариель стояла в небольшом коридоре, который вел в заднюю часть дома, и держала на бедре ребенка. Ее обеспокоенный голос был едва слышным шепотом. «У Наны поднялась сильная температура. Ты нужна маме.» Трясущимися руками Ашира быстро наполнила чашку колодезной водой и понесла ее в заднюю комнату. Повсюду было очень тихо. Ей было страшно. Иезекииль, Ревекка и Китра сидели у комнаты бабушки. Иезекииль сидел с широко раскрытыми глазами.

Китра потянулась к старшей сестре. «Шира, можно узе увидеть Нану?»

Ашира погладила девочку по голове. «Шшш... скоро.» Она отодвинула грубую ткань, которой была завешена дверь, и вошла в маленькую комнату.

«Ашира, быстрее!» — голос Джелиды был на грани паники. «У нее очень высокая температура.» Ашира села рядом с тюфяком своей бабушки со слезами на глазах. Высокая температура явно взяла свое. Лицо Анны сильно покраснело. Волосы были мокрые от пота. Джелида обмакнула полотенце в воде, которую принесла Ашира, и положила Анне на лоб.

«Нана?» — сказала Ашира, сначала тихо. «Нана?»
Ответа не было.

Дыхание Анны было практически неразличимо.

«О, Нана...» — Ашира замолкла, ее душил страх. «Мама, она ничего не говорит!» По ее щекам текли слезы.

Дрожа, Джелида обняла дочь. У нее под глазами появились темные круги: она не отдыхала уже много дней. Ашира вспомнила: «О! Авва и Иисус... они на холме. Они вернулись домой. *Пожалуйста*, мам...»

На печальном лице Джелиды отразилось облегчение. Она поцеловала Аширу в голову. «Да! Иди как можно быстрее.» Ашира неловко встала и направилась к двери. «И пусть Иезекииль пойдет с тобой» — добавила Джелида. «Это ему поможет.»

Ашира и Иезекииль бежали по улице в дальний конец Капернаума, где холмы уходили на север. На склонах холмов было видно только несколько галилеян. Ашира тяжело дышала. «Их здесь нет!» Мимо них побежало трое мальчишек, играющих в салки.

«Эй!» — крикнул Иезекииль, узнав одноклассника. «А где Иисус? Куда все ушли?»

Один из мальчишек остановился и показал на Капернаум. «Иисус и большинство остальных пошли в город к синагоге. Поиграете с нами?»

Иезекииль не ответил. Он повернулся и бросился вниз по холму, Ашира бежала за ним по пятам. Чем ближе они подбегали к синагоге, тем больше на улицах было людей. Когда, наконец, появилось здание, толпа была настолько плотная, что через нее было трудно пробираться. Внезапно у дверей синагоги возник шум. «Ашира, я вижу их!» — крикнул

Иезекииль. Иисус и Симон вместе с Андреем и остальными пытались спуститься по ступенькам синагоги.

При виде их отчаяние Аширы достигло предела. «Пожалуйста!» — крикнула она, бросившись в толпу. «Пропустите!» — Иезекииль крепко держал ее за тунику, так как давка угрожала разлучить их. Шум толпы становился все громче. Сотни людей наваливались на Иисуса. Голос Аширы тонул в шуме толпы, и она не могла двигаться.

Кто-то рядом с ней затараторил: «Я видел, как он это сделал. Этот человек был исцелен!»

«Вы видели его кожу?» — сказала другая женщина. «Вы бы ни за что не догадались, что он был прокаженным!»

Стена людей неохотно расступилась за Аширой. Рядом с ней появился проход, когда мимо прошел римлянин. Он проскользнул мимо нее в растрепанной и пыльной форме. Ашира почувствовала как он задел ее рукав. Иезекииль посмотрел на нее сияющими глазами. «Это тот центурион!» — хрипло прошептал он. Люди замолчали. «А *он* что делает тут?» — крикнул чей-то голос.

Замерев на своем месте, Ашира смотрела, как римлянин подошел к Иисусу. *Иисус в опасности? Где авва?* Толпа опять сомкнулась, внимательно наблюдая, и она потеряла их обоих из виду. Иезекииль опустился на четвереньки и начал пробираться в начало толпы. Ашира поднялась на цыпочки, пытаясь рассмотреть, что впереди.

Иисус и центурион стояли лицом к лицу. Римлянин снял свой шлем, и Ашира пыталась расслышать, что он говорил Иисусу. «Господин! Я не достоин, чтобы ты вошел под кров моего дома. Просто скажи слово, и мой слуга будет исцелен. Я сам подвластный человек, и у меня в подчинении есть воины. Когда я велю одному идти, он идет! И когда я велю другому прийти, он приходит. Я велю своему слуге: ‘Сделай то’, и он делает это с готовностью.» Иисус посмотрел ему в глаза, и Ашира поразила выражению на лице Наставника. Он был изумлен. Он улыбнулся, как будто только что нашел сокровище. Иисус повернулся к толпе и сказал всем присутствующим: «Я не нашел подобной веры даже среди детей Израиля!»

Некоторые в толпе опять заговорили между собой. «Как он может так говорить! Разве римляне лучше нас?» Некоторые начали расходиться.

Иисус положил руку на плечо центуриона. «Иди. Будет тебе по твоей вере.»

Ашира проложила себе путь через толпу и присоединилась к своему брату. «Шира» — сказал Иезекииль — «Иисус исцелил слугу центуриона! Ты слышала?» Он показал на центуриона, который поспешил назад в гарнизон.

«Иезекииль, где авва?» — спросила Ашира — «нам нужно быстро найти его.»

«Сюда!» — Иезекииль потянул ее через поредевшую толпу. Симеон возвышался рядом с Иисусом, захваченный всем, что происходило вокруг его Наставника.

«Авва!» — позвала Ашира, поспешив к своему отцу.

Лицо Симона расплылось в радостной улыбке, которая быстро угасла, когда он увидел следы слез на щеках своей дочери. Он взял ее на руки. «Ашира? Что случилось?»

«Нана. Она в постели уже несколько дней. У нее высокая температура и...» — в голосе Аширы зазвучало страдание.

Подожел Иисус. «Симон, Анна заболела?»

Ашира посмотрела на Него, вновь пораженная Его заботой. «Да, она *очень* больна» — сказала она, всхлипывая.

Иисус подозвал остальных учеников, которые стояли неподалеку. «Время идти.»

Идти было недалеко, но даже при быстрой ходьбе дорога показалась Ашире мучительно длинной. Многие из толпы пошли за ними. Как только показался дом, Симон побежал. Он распахнул дверь и первым вбежал внутрь.

Ашира поспешила за ним в главную комнату, Иисус шел следом вместе с Андреем, Иаковым, Иоанном и некоторыми другими последователями.

«Ашира,» — сказал Иисус — «отведи меня к Анне, пожалуйста». Ашира провела Его через маленький коридор в задние комнаты. Она отодвинула штору на двери, и они вошли в комнату, где лежала ее бабушка.

Ариель стояла внутри у двери совершенно бледная. Иисус остановился и поднял ей подбородок. Он назвал ее по имени. «Ариель, не бойся». Она глубоко вздохнула и кивнула.

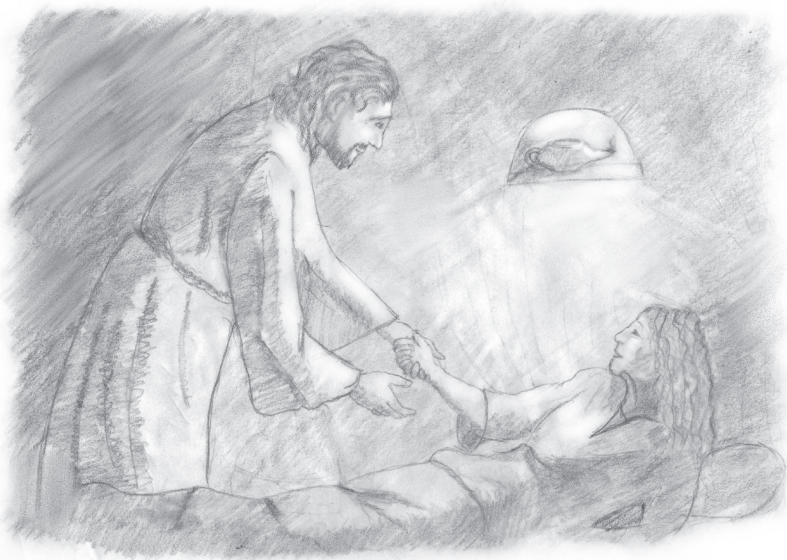
Ашира посмотрела в дальний конец комнаты, где остальные разговаривали шепотом. Симон прижал Джедиду к себе, а младшие дети сбились кучкой, цепляясь за своего отца. Ашира встретила взглядом со своим братом и увидела его горе.

Расстроены, Симон посмотрел на Анну, а затем на Иисуса. Она лежала неподвижно. Была ли она еще жива? Ашира сползла на пол по стене. Китра отошла от Симона и забралась к Ашире на руки. «Все холосо, Шира» — прошептала Китра — «Нане шкоро штанет лучше. Иишуш пришел!»

Ашира посмотрела на Иисуса. Она наклонился над Анной. В этот момент она подумала, что Он единственный в комнате не боялся смерти. Она увидела бесстрашие в Его глазах, когда Он сказал Ариель: «Не бойся». Как человек может быть таким непоколебимым, сильным и любящим перед лицом смерти?

Иисус коснулся руки Анны. «Уйди» — сказал он. Власть в Его голосе достигла каждого уголка в комнате. Он явно обращался не к присутствующим в комнате.

«Неужели Он приказывает горячке уйти? У Аширы перехватило дыхание и она наклонилась вперед.

«Анна» — позвал Иисус нежно. Ашира вскочила на ноги и все в комнате ахнули и собрались вокруг, когда Анна открыла глаза и села.

«Анна!» — не сдержался Симон. «Анна, как ты! О, Наставник! Спасибо!»

Рука Анны была все еще в руке Иисуса. Она не отводила от Него своих глаз. Постепенно она обрела голос. «Иешуа, как *замечательно* проснуться и увидеть Тебя». Иисус улыбнулся и помог ей встать на ноги.

Джедида заключила Анну в объятия, а затем отстранилась на минуту, приложив руку ко лбу матери. «Твоя горячка *ушла!*»

Китра повеселела и прыгнула на руки Иисуса, целуя Его бородатое лицо. Иезекииль обнял бабушку, а затем с воплем выбежал из комнаты, чтобы рассказать остальным. Андрей хлопнул Симона по спине. Они видели так много исцеленных за последние несколько недель, но это было совсем другое, очень личное. Ашира смеялась впервые за много дней. Она обняла свою бабушку: «Нана, как ты себя чувствуешь? Ты была так *больна.*»

Анна, все еще пытаясь осознать происходящее, сияла. «Я чувствую себя очень отдохнувшей, нигде и следа от боли!» Она повернулась к Иисусу: «Спасибо!»

У Аширы от радости колотилось сердце в груди. В комнате, наконец, стало тише, когда все оправились от удивления от того, что они увидели.

Анна посмотрела в окно, ее глаза заблестели по-прежнему. «Джедида, сколько сейчас времени? Могу я приготовить всем что-нибудь поесть?» Она направилась к двери.

«Анна!» — упрекнул ее игриво Симон — «ты уверена, что готова?».

Анна засмеялась. «Симон бар Иона! Это, кажется, первый раз, когда ты возразил против еды!» Она сжала его руку. «Правда, дорогой, я никогда не чувствовала себя лучше!»

Иисус ухмыльнулся. «Если, конечно, Петр, ты не хочешь, чтобы Андрей приготовил для всех.»

Андрей засмеялся, а Петр застонал. «О, нет! Нам хватило того раза на пути из Иерусалима!»

Все еще смеясь, они все переместились в переднюю комнату. Джаред принес часть своего улова. Ашира открыла окна, которые были закрыты много дней, и вечернее солнце осветило дом.

Ашира совершенно забыла о толпе. До настоящего момента. Она выглянула из маленького высокого окошка, чтобы посмотреть поближе. Шум многих голосов окружил дом.

«Анна исцелилась» — сказал кто-то. «Иисус исцелил ее».

Ашира смотрела. Слухи распространились и вскоре толпа удвоилась в числе. Люди растянулись по улице в обоих направлениях и их подходило все больше.

«Их так много!» — сказала Ашира.

Иисус подошел и тоже выглянул. «Так много овец...»

Раздался стук в дверь. Ашира пошла и открыла ее. Зива задержалась на пороге, и Ашира отпрянула, напрягшись. «Я...» — Зива сказала, неловко запинаясь. «Я слышала, что Иисус здесь». Ашира неохотно кивнула.

Появился Иисус. «Привет, Зива» — сказал Он тепло. Она шагнула к Нему и споткнулась о порог, чуть не упав. Ашира придержала ее за руку.

Зива посмотрела на Иисуса. «О, господин!» Она упала ниц на землю у Его ног.

У Аширы застучало сердце. Она отвернулась от Иисуса, отказываясь принять то, что происходило. Джедида и Анна оставили свою работу и смотрели. В комнате стихли голоса. Неужели эта Зива у ног Иисуса та же самая гордая Зива, которую они знали много лет?

Иисус наклонился и поднял Зиву за подбородок. Она попыталась сказать: «О, Наставник, прости меня...» Но не смогла закончить.

Он несколько мгновений нежно подержал ее лицо в Своих руках, глядя на нее с состраданием. «Зива, твоя вера исцелила тебя.» Он поднял ее на ноги и поцеловал ей руку. «Будь в мире».

Зива улыбнулась. Ашира никогда раньше не видела ее такой благодарной, покорной и любящей, но ошибиться было невозможно, ее лицо выражало сочетание этих трех качеств.

Ашира покраснела, ее мысли запутались. Иисус опять сделал последнее, что она ожидала. *Я не могу разобраться в ней, но Он может. Он видит ее сердце, так же как Он видел сердце центуриона. Он видит что-то, перемены, которые обрадовали Его. Почему же я не радуюсь?* Ревность и гнев в ней боролись с прощением, которое она только что видела в этом человеке Иисусе.

Зива указала на дверь. «Мы принесли Иессея, моего брата... пожалуйста, ты примешь его?» Иисус вышел наружу, и Зива пошла следом. Она внезапно остановилась, увидев Анну. «Анна! Ты здорова!»

Анна улыбнулась и подошла. «А, Иешуа исцелил меня, так же как и тебя.» Они обнялись, и к их беседе присоединилась Джедида.

Зива подошла к Ашире, которая все еще стояла у двери. Они посмотрели друг на друга. «Ашира,» — сказала Зива, пытаясь подобрать слова — «прости меня, пожалуйста, за то, как я обращалась с тобой. Я была так неправа.» Ашира открыла рот и опять закрыла его. Зива начала говорить что-то еще, но Ашира опустила глаза.

Внезапно снаружи раздались крики. Ездра заглянул в открытую дверь. «Джаред, иди и посмотри! Мое отец здоров!» Дом опустел. Анна и Джедида забыли о готовке. Зива еще раз глянула на Аширу и выбежала за дверь.

Елизавета подбежала к Ашире, смеясь и плача одновременно. «Посмотри! Посмотри! Ашира обернулась и увидела: Иессей был на ногах! Он не только ходил, но и прыгал! Его восклицания хвалы разносились по радостной толпе.

Это было начало долгой насыщенной ночи. Толпы приводили к Иисусу своих любимых: больных, хромых и

одержимых — и Он исцелил их всех. Толпа громко радовалась, когда Он шел среди людей, возлагая Свои руки на одного за другим. Костыли и носилки отбрасывались — их владельцы исцелялись. Никогда не ходившие ноги танцевали, и всякая болезнь уходила. Анна, Джедида и Зива работали вместе. Они приносили еду и питье тем, кому это было нужно. Все были чем-то заняты в эту ночь ночей.

Уже давно светили звезды, когда толпы начали рассеиваться. Несколько человек заночевали во дворе, остальные вернулись домой. Ашира поискала и нашла Иисуса у стены двора. Он помог шестилетнему ребенку стать на ноги. Постоянный кашель мальчика отступил, и его дыхание вернулось в нормальный ритм ребенка. Руки Иисуса тяжело свисали по бокам. Хотя эта работа значила все для Него, Ашира видела, что Он очень устал. У Него не было ни минутки, чтобы поесть. Когда родители мальчика увели своего сына домой, Иисус вошел во двор. Он наклонился и мягко поднял Китру, которая заснула у ворот с улыбкой на лице.

Ашира вошла с Ним в дом. Большая часть ее ума была напряжена и потеряла чувствительность, но, когда она закрыла за ними дверь, ее сердце захотело чего-то большего, чем удивительные чудеса, которые Он совершал вокруг нее весь день.

Иисус мягко передал Китру матери и прошептал: «Хороших снов, ангел. Спокойной ночи, Джедида.»

Я хочу знать Его — подумала Ашира с болью и томлением в сердце. *Всем своим сердцем я хочу знать Его.*

Свет воссиял!

*Народ, живущий во тьме,
увидел великий свет, и на живущих в
стране смертной тени
воссиял свет.
Мф. 4:16*

18

Ашира сидела на углу дворовой стены, плотно завернувшись в накидку, укрываясь от свежего утреннего воздуха. Она развернулась к восточной стороне озера. Небо светлело, но до рассвета еще было далеко. Она оглянулась на двор. Там и сям спали люди, и в доме еще никто не проснулся. Но Ашира не спала... она едва сомкнула глаза. Множество событий с прошлой ночи вертелись у нее в голове. Так много чудес! В то время все происходило так быстро, что все в нее не вместились. Но потом, когда все, наконец, успокоилось, каждое событие прокручивалось у нее

в сердце и в мыслях как удивительный драгоценный камень и с каждой гранью появлялось новое чудо. И в центре всего этого был *Иисус — Мессия!* Ей начинало нравиться думать о Нем.

Ашира тихо напевала мотив на слова, которые медленно формировались у нее в голове за последние несколько часов. Песня постепенно утихла, и она уткнулась лицом в свои ладони. Она знала, что у нее в сердце есть нечистота. *Зива. Вчера все было таким захватывающим! Все, кроме того, что случилось с Зивой. Почему я не могу принять то, что ОНА изменилась? Разумеется, неправильно думать о ней меньше, чем Иисус.* Ашира глубоко вдохнула и медленно выдохнула. *Аданай, что со мной не так??*

Она подняла голову и вновь посмотрела на горизонт, надеясь увидеть первые лучи восходящего солнца. Позади нее во дворе раздался шелест шагов. Ашира обернулась и увидела Иисуса с накидкой и сумкой в руке.

Он увидел Аширу и подошел к ней. «Доброе утро» — сказал Иисус мягко.

«Ты... ты уходишь?» — она надеялась, что это не так.

Он похлопал ее по руке. «Скоро, но не сейчас. Многие еще не слышали то, что слышала ты, и не видели то, что видела ты, Ашира. Нужно освободить много пленных.»

У Аширы в голове крутились мысли, и она опустила взгляд.

Иисус оперся на стену рядом с ней. «О чем ты думаешь?» Он склонил голову набок, пытаясь разглядеть ее глаза.

Ашира знала, что не может спрятаться, и она не хотела. Она подняла подбородок, печально улыбаясь. «Я думала о *многом*». Она замолчала: «Но, может быть, Ты можешь помочь мне понять что-то. Зива... я... я избегала ее вчера. Она так быстро изменилась, придя к Тебе... но, кажется, я не могу...» Ашира опять потупила глаза. «*Я, кажется, не могу так быстро изменить свое отношение к ней. Иисус, я хочу любить ее... как Ты.*»

«Правда?» Вопрос был сухой, но взгляд Иисуса был мягким, понимающим и сострадательным. Истина в Его вызове пронзила Аширу. Она полностью повернулась к Иисусу. «*Часть меня хочет любить ее*» — начала она. «Но другая часть

меня противится. Я не уверена, что *верю* в перемены в Зиве.» Ее шепот становился все более напряженным, по мере того как ее мотивы выходили на свет. «А, может быть, я не *хочу* верить этому! Может быть, я ожесточила свое сердце по отношению к ней так сильно, что я даже не хочу меняться, если это значит, что должна... на самом деле *любить* ее.» Ашира остановилась в ужасе от своих собственных слов. «О, Иешуа!»

Иисус посмотрел на нее пристально: «Ашира, ты начинаешь видеть. Возненавидеть свой грех и захотеть измениться — это то, что Зива уже начала, и что *ты* тоже должна начать.» С явной надеждой Он продолжил: «Ты станешь свободной, когда перестанешь судить, отвернешься от своего греха и пойдешь в другом направлении. *Празднуй* чудеса, которые Авва совершил в Зиве и во многих других... и которые Он *совершит* в тебе...» Кивнув ей, Он добавил: «...ЕСЛИ ты последуешь за Мной.»

Ашира посмотрела в глаза Иисусу. Такие прямые слова, такие убедительные слова. Ее сердце было обнажено. И при этом Он, казалось, дал ей смелость послушаться Его. «Иисус» — она соскользнула со стены и стала перед Ним, объявив — «это ТО, чего я хочу. Я думала об этом с первого раза, когда Ты говорил во дворе несколько недель тому назад. Я опять думала об этом вчера вечером: обо всем, что Ты делал, что говорил, о том, что Ты говорил о покаянии, о свободе и о радостной вести царства. Я знаю, что все это в Тебе! Я *хочу* следовать за Тобой, я *буду*. Я хочу взирать на Тебя и учиться любить, как любишь Ты, и ненавидеть то, что ненавидишь *Ты*. Ашира замолчала, поняв, что говорит немного громко. Она оглянулась на тех, кто просыпался во дворе. Она наклонилась к Иисусу и прошептала настойчиво. «*Ты поможешь мне?*»

Иисус радостно засмеялся. «Конечно, дочь Симона.» Он взял ее руки в Свои и посмотрел на нее серьезно: «Ты можешь довериться мне, что я буду помогать тебе момент за моментом, раз за разом. Я расскажу тебе маленький секрет, хорошо? Если ты отдашь в Мои руки свою жизнь, сердце и будущее, Я буду с тобой всегда, пока не отверзнутся небеса при звуке трубы Гавриила, и потом вечно после этого.»

«Иешуа!!» — Ашира замолчала в благоговении. Пытаясь впитать это, она подумала какое-то время и сказала немного застенчиво: «Иисус? Я думала о Тебе всю ночь... и это превратилось в песню для Тебя. Ты... Ты бы хотел ее услышать?»

Иисус неподдельно удивился. «Ашира!» — Его лицо озарилось — «с удовольствием.»

Она оглянулась через плечо, надеясь не помешать тем, кто еще отдыхал. Некоторые уже встали и слушали, но она все равно начала петь, не отводя глаз от Иисуса.

*«Что я могу дать,
Что могу возложить,
Чтобы показать Тебе, как я благодарна?»*

*Что мне сказать,
Что могу сделать для Тебя,
Чтобы показать Тебе, как я люблю Тебя?»*

*Вот моя жизнь
Возьми ее
Используй ее
Это все, что у меня есть
Но может через это
Ты увидишь, как много Ты значишь для меня.»*

Ашира не отводила глаза от Иисуса, такое сильное было у нее желание, чтобы Он знал, что она имела в виду каждое слово. Она видела, что Ему было очень приятно. Она никогда не забудет выражение любви у Него на лице.

«Спасибо, Ашира.» Иисус был явно тронут. «Я всегда буду помнить этот дар. Такая вера дает мне и моему Отцу много радости. Ты будешь и дальше доверять мне, что бы я ни сделал с твоей жизнью?»

Ашира подумала о том, что Он сказал. «Я не знают точно, что это значит, но я знаю, что я могу доверять Тебя. И я буду!»

Иисус мягко сжал ее руку.

Цоканье копыт лошадей было уже практически у ворот, когда Ашира обратила на него внимание. К ее крайнему удивлению римский центурион и молодой слуга, которого Иисус исцелил вчера, стояли у двора. С сияющими лицами они шептались, и старший давал указания младшему. Они сняли с лошади слуги мешок тонкой муки и с легким стуком опустили ее у калитки во двор Симона. Иезекииль подбежал от коз, за которыми он ухаживал, к калитке. Ашира могла уловить только обрывки разговора между центурионом, слугой и ее восторженным молодым братом.

Ашира обернулась назад к Иисусу, но Он уже ускользнул. Ее сердце продолжило разговор с Ним. *Иисус, Ты такой Верный. Я знаю, что мы будем постоянно удивляться тому,*

кто Ты есть и что Ты открываешь нам. Посмотрите! Те, кто ранее были нашими врагами, заботятся о нас, как будто они наша семья. Она оглянулась на остальных, которые проснулись из-за суматохи. Хотя многие отвергнут Тебя, как драгоценны те, кто любит Тебя. Она в изумлении покачала головой. Какое царство, какая семья это будет!

Ее младшие сестры подбежали к калитке, когда всадники на лошадях поскакали прочь. «Шпашибо» — крикнула Китра.

Римлянин оглянулся через плечо и кивнул: «Пожалуйста, маленькая леди.»

Симон подхватил Китру на руки и они оба махали вслед удалявшейся лошади. Все смеялись в изумлении.

Солнце уже поднялось на горизонтом, озарив двор легким ранним утренним сиянием. Ашира увидела, как потягивается Андрей. Он растолкал еще несколько учеников. Ездра только что пришел и присоединился к беседе Джаред и ее аввы на другом конце двора. Она громко засмеялась, увидев, что Елизавета и Иессей тоже пришли — Елизавета сияла, пытаясь поспеть за шагами своего аввы. Ашира побежала к своей матери. Джедида с ребенком на бедре удивлялась тому, как Ариель без смущения предлагала пироги с инжиром тем, кто уже встал.

Указав на Иезекииля, Ашира прошептала своей матери: «Посмотри!»

Иезекииль энергично затачивал меч, который он вырезал несколько недель назад, явно переделывая его в какой-то инструмент. Он посмотрел на мать и сестру и сказал: «Для центуриона! Вы знаете, что он попросил меня называть его Маркусом?!»

Тем временем, Анна жестом попросила Ребекку помочь открыть мешок с мукой: «Мы испечем самый лучший хлеб, что у нас когда-либо был!»

Иисус уже перевернул их жизни и начал менять их сердца так, как они не могли себе и представить. Ашира вспомнила Его вопрос к ней: «Ты будешь доверяться Мне, что бы я не сделал с твоей жизнью?»

Она знала, что это вопрос ко всем ним. Это только начало! — подумала она. Иисус скоро уйдем из Капернаума. Ее авва, скорее всего, тоже уйдет... сегодня, через неделю или через месяц. Завтра совершенно неизвестно. Но она знала, что если каждый из них полностью доверится Ему, тогда их прошлое покрыто, сегодня есть надежда и будущее обеспечено. Пророчество Исаяи исполняется, и это наполнило их сердца радостью. На живущих во тьме Свет поистине воссиял.

*Это обещание относится к нам, к нашим детям и к тем,
кто вдали: ко всем, кто призовет Господа, их Бога.
Вот, Агнец Божий,
Который берет на себя грех мира.*

Свет воссиял!

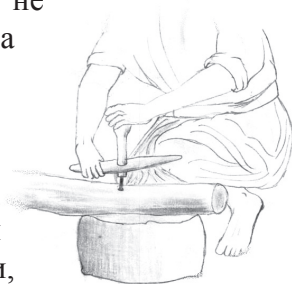
Словарь

Готовясь написать эту историю, мы подумали, что важно узнать об обычаях, окружении и образе жизни тех, кто жил в Израиле 2000 лет назад. То, что мы узнали, помогло нам увидеть их мир их глазами, поэтому мы включили в книгу этот «словарь», чтобы рассказать вам о путях и событиях тех лет.

Плотницкое дело

Подобно всем остальным профессиям в библейские времена, плотницкое дело было обычно семейным делом. Делом управлял отец со своими сыновьями, которые были помощниками, пока не наберутся опыта. С молодого возраста они знали, как пользоваться разными инструментами, и часто помогали своему отцу в работе. Земледельцы зависели от плотников, которые делали для них хомуты, а остальным нужны были столы, дверные косяки, табуретки, стулья и много других предметов обихода.

Плотники были уважаемыми мастерами, и часто носили кусочек дерева за ухом, чтобы с гордостью указать на свою профессию. Обычными инструментами плотника были тесло (похожее на топор), шило, молоток и пила.

Одежда

Одежда в первом веке была похожа на ту, что носили во времена Авраама. Она была простой, функциональной и ее высоко ценили. Только высокопоставленные и богатые имели больше одного комплекта одежды. Люди среднего

и низкого класса носили одну и ту же одежду всю неделю, а затем стирали ее перед субботой.

Тканая из шерсти, типичная одежда была длинной туникой (до щиколоток для женщин, немного короче для мужчин).

На туннику надевалась верхняя одежда (или накидка), и вся одежда удерживалась свободно поясом. По традиции на каждом уголке накидки была кисточка, которая напоминала народу о Божьих законах. Еще один предмет, покрывало для головы, было разным. Голубой носили только женщины. Алый и пурпурный, будучи дорогими красками, использовались для одежды богатых.

Двор

Двор, который был в каждом доме, будь то жилище самого бедного земледельца или дом богатого чиновника, был одной из самых важных частей дома. Окруженный низкой стеной, и иногда один на несколько семей, двор был центром большей части домашних дел. Открытое пространство предпочитали темной, часто невыносимо жаркой внутренней части дома. Большое место для костра, печь, жернов, огород и сосуды для хранения обычно располагались во дворе, поскольку это было место для приготовления еды. Маленькие загоны для домашнего скота (овцы или козы) тоже находились во дворе, а в Капернауме во дворе хранились рыболовные снасти. В целом это было местом встречи всей семьи как для работы, так и для праздников.

Рыболовство

Ловля рыбы в Галилейском море была важной индустрией и давала большой улов, но на это уходило много времени, часто с вечера до раннего утра. Оснащение состояло из сетей разного размера, корзин для улова, каменного якоря, факелов для привлечения рыбы, еды и кувшинов с водой, запасных веревок и весел для управления лодкой. Рыбу ловили в основном ночью, потому что рыба пряталась от солнечного света на глубоководье. Во время ночной ловли большую часть времени рыбак забрасывал сети в одном месте, затем греб в другое место и опять забрасывал сети. Рыбу затем вытаскивали в лодку и сортировали. Починка сетей занимала у рыбака много времени, когда он не рыбачил. Он чинил сети, которые сам же и сплел.

Stone
Anchor

Lead
Weight

Два самых распространенных вида сетей были ручная сеть и бредень. Ручная сеть была круглой сетью с мелкими ячейками и с грузилами по периметру. Ее бросали широким подкручивающим махом на мелководье. Когда она падала, она принимала под водой форму купола, который ловил рыбу. Чтобы вытащить рыбу, рыбак затягивал сеть веревкой, присоединенной к ее центру, как завязка. У бреденя, восемнадцать футов шириной и сотни футов длиной (с открытого конца), грузила были на нижнем крае и поплавки на верхнем крае. Его идеально было натягивать между двумя лодками. Он висел на поплавках и расправлялся свинцовыми грузилами.

Еда

Люди ели практически то же самое каждый день. Чечевица, инжир, рыба, финики и молочные продукты были широко распространены, а для кого-то были также доступны бобы, огурцы, виноград, сливы, яблоки и мед. Соль, которая собиралась в Магдале, широко использовалась как консервант. Мясо ели в редких

случаях, кроме рыбы, которую обычно ели каждый день. Хлеб был основным продуктом. В некоторые дни, как, например, в субботу, евреям было запрещено есть квасной хлеб. Разбавленное вино было обычным питьем, потому что вода часто была грязной, даже в колодце.

Козы

Козы были очень важны для еврейской семьи. Из их молока делали масло, сыр и йогурт. Из их шкур выделывали кожу, из которой можно было делать палатки, и из их шерсти делали одежду. В отличие от других животных козы могли процветать как в гористых районах Иудеи, так и на холмах Галилеи. Они выдерживали тяжелые условия и могли есть практически любое растение или куст.

Дом

В Галилее большинство зданий строилось из черного базальта, камня или высушенного на солнце кирпича. В доме было мало окон, из-за чего в доме было темно и жарко. Стены домов были толстые для изоляции. Ниши в стенах использовались для хранения. Главная комната в доме была с двухуровневым полом: из утоптанной земли и из приподнятых каменных платформ. (Пол мог также быть сделан из грязи, камня, гальки и штукатурки.) Животные ходили по низкому уровню, где иногда

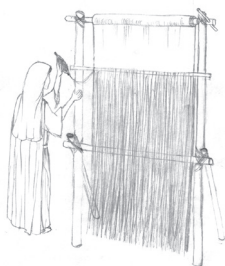
готовили. Спали и ели на верхнем уровне. Внутри дома было очень мало мебели, и бедные семьи спали на матрасах и сидели на полу. В бедных домах было мало комнат, только один двор (а не два или три), и дом обычно выходил во двор. Дом, который был в семье несколько поколений, был больше, комнаты

добавляли к нему по мере роста семьи. Из-за этого комнаты во многих домах были похожи на лабиринт.

Прялка

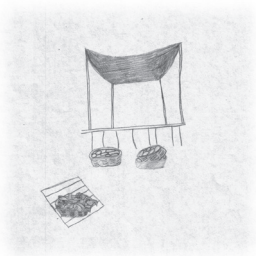
Ко временам Иисуса была изобретена большая прялка, которая позволяла изготавливать одежду из одного куска ткани; до этого времени два куска ткани сшивали вместе, чтобы сделать достаточно большой предмет одежды. За этой прялкой должно было работать два человека, один управлялся с челноком, а второй отвечал за нити. Из-за того как ткань ткалась и превращалась в одежду, полосы на одежде всегда были вертикальными. Одежду продавали на рынке без отверстия для головы, чтобы доказать, что она новая. Покупатель тогда подгонял ее под свой размер, а если покупала женщина, она украшала ее цветной вышивкой. Однако, многие бедняки сами ткали свою одежду на прялках у себя дома.

Торговцы и рынок

Рынок основывался у городских ворот. Это было шумное место с блеющими и ревущими животными и кричащими и торгующимися людьми. Обычно покупатель предлагал половину от того, что он готов был заплатить, а продавец просил в два раза больше, чем он ожидал получить. Поскольку хранить еду долго не было возможности, женщины ходили на рынок каждый день и покупали только то, что им было нужно на этот день. День перед субботой был большим рыночным днем, потому что люди покупали то, что им нужно и на следующий день.

Торговцы могли быть либо местными лавочниками, которые продавали товары в одном и том же месте каждый день, либо купцами, которые путешествовали, закупали товары, а потом продавали их в Израиле. Они были практически единственными, кто путешествовал за пределы Израиля. Торговцы были иногда нечестными и пользовались неточными весами и гирьками. Эти люди могли брать с людей больше денег и в итоге сильно разбогатеть.

Мессия

Мессия был Обетованным, о котором было пророчество, что Бог пошлет его восстановить Израиль. Многие израильтяне ожидали величественного царя, который победит римлян. Когда Иисус пришел без вида и величия, многие не поверили, что Он был Мессией, потому что Он казался таким настоящим и человеческим. Они ожидали царя, который изгонит римлян, а тут был их Царь: смиренный и едущий на осленке.

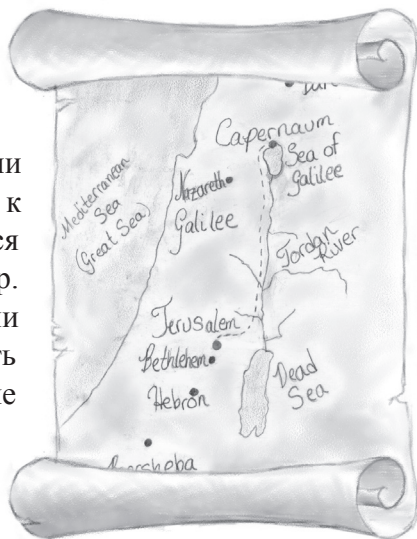
Пасха

Каждый год тысячи евреев шли в Иерусалим, чтобы отпраздновать Пасху. Это было празднование того, как Бог освободил израильтян из египетского рабства. Праздник начинался в пятнадцатый день еврейского месяца Нисан. Слово «пасха» происходит от библейской десятой язвы, которую Бог навел на Египет за то, что тот держал израильтян в рабстве. Бог убил первородных в каждом египетском доме, но *прошел мимо* домов Израильтян, у которых на дверных косяках была кровь. Слово «пасха» также указывает на *переход* израильтян из рабства в свободу.

Дорога в Иерусалим

Евреи, путешествуя из Галилеи в Иерусалим, часто шли сначала вдоль реки Иордан. Затем, дойдя до конца реки, они шли на запад, поднимаясь к Иерусалиму. Город располагался в гористом районе иудейских гор. Вероятный путь, по которому они путешествовали можно увидеть на карте справа. Все путешествие длилось примерно 550 миль и, вероятно, занимало от трех до четырех недель.

Римская оккупация

Израиль во времена Иисуса находился под управлением и оккупацией Рима. Евреи ненавидели римлян по ряду причин. Первая причина была в том, что евреи сопротивлялись правлению и налогам со стороны язычников, которые поклонялись тысячам лжебогов. Вторая причина была в том, что большинство римлян были жестоки по отношению к завоеванному народу, который отказывался подчиняться их форме управления. Если римлянин просил еврея сделать что-то по какой-либо причине, возможности отказать не было. Одно из учений Иисуса, которое евреям было тяжело принять, гласило: «Если [римлянин] попросит вас нести ношу одну милю, несите ее две мили.» Любовь к врагам была преткновением для евреев в то время.

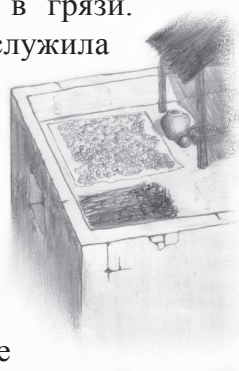
Римские гарнизоны были обычны по всей Галилее, самой беспокойной из израильских провинций. Капернаум, расположенный у дальней северной стороны Галилейского моря, занимал географически стратегическое положение, и в нем был гарнизон солдат. По подсчетам, в то время там размещалось 600 римских солдат. Это, понятно, усложняло жизнь евреев, живущих в Капернауме, вызывая сопротивление римскому присутствию.

Хотя большинство римлян презирали, один центурион в Капернауме был богобоязненным человеком, который уважал евреев. Он построил в Капернауме синагогу, развалины которой до сих пор находятся там.

Крыша

Плоская крыша дома делалась из крепких брусьев, покрытых ветками и оштукатуренных грязью. На крыше хранился каток, которым разглаживали поверхность, после того как сильные дожди превращали ее в слякоть. Крыши также всегда протекали, и в сезоны дождей (с ноября по март на нашем календаре) они приобретали зеленый оттенок, из-за маленьких растений, которые распускались в грязи.

Жаркими ночами крыша служила альтернативным спальным местом. Однако, днем это было популярное место для другой разнообразной деятельности. На крыше раскладывали и сушили фрукты и зерно. Это место так широко использовалось, что еврейский закон требовал обнести край крыши парапетом, чтобы никто не упал и не пострадал.

Суббота

Суббота была еврейским Днем Отдыха. Начало субботы возвещалось тремя трубными звуками шофара (бараний рог) с крыши храма или синагоги, когда появлялась первая звезда вечером в пятницу. Конец субботы также объявлялся тремя трубными звуками шофара в субботу вечером. В субботу были незаконны 39 видов деятельности, такие как зажигание огня и ходьба дальше определенной дистанции. В канун субботы, день, известный как День Приготовления, нужно было переделать много дел. Нужно было приготовить три

приема пищи на следующий день, заготовить достаточно воды на весь следующий день и приготовить светильники. Ближе к вечеру люди откладывали дела в сторону, одевались в свежую одежду. Вечер пятницы был временем радости, хвалы, благодарения и поклонения.

Обучение

Большинство израильских мальчиков от шести до тринадцати лет должны были посещать школу при синагоге каждый день, кроме субботы. Они собирались в синагоге рано утром, где их учил городской уважаемый равви. Мальчики сидели полукругом на полу перед равви, который ритмично декламировал места писания на еврейском, а мальчики повторяли. Обычно еврейский был единственным языком, которым пользовались в классе, в отличие от обычного разговорного арамейского. Пытаясь выучить эти отрывки наизусть, мальчики записывали их на вощеные таблички, используя заточенную кость или металлическое стило. Как только ребенок осваивал еврейский алфавит и короткие отрывки, ему разрешали переписывать более длинные уроки на пергамент настоящими чернильными ручками. В середине дня у детей был перерыв и они ели принесенный из дому обед. Многие юноши любили изучать Божье Слово. Детской мечтой многих из них было стать книжником и законником.

Галилейское море

То, что мы знаем просто как Галилейское море, на самом деле, имело много названий. Но называли ли его Тивериадское озеро, море Киннереф, озеро Генисарет или еще как, первое, что приходило на ум большинству людей при упоминании этого пресного озера, — это рыба. Это озеро было одним из самых обильных рыбных мест в Израиле с более чем 230 рыбацких лодок, выходящих на ловлю изо дня в день. Более крупные римские суда использовали озеро для транспортировки войск и припасов в разные регионы Галилеи. Среди разнообразия рыбы, обитающих в его водах, самыми распространенными были тилапия и речная сардина. Процветающая индустрия поддерживала, по крайней мере, девять городов и бесчисленное количество сел вдоль побережья. Озеро достигает глубины в 157 футов и тянется на 14 миль в длину и (в самой широкой части) на 8 миль в ширину.

Сезоны и время урожая

- Два месяца урожая оливок.
- Два месяца посева зерновых.
- Два месяца позднего посева.
- Месяцы прополки льна.
- Месяц урожая ячменя.
- Месяц жатвы и запасов.
- Два месяца ухода за лозой.
- Месяц летних фруктов.

Земледелие и жатва во времена Иисуса зависели полностью от сезона. Лето было жарким и сухим днем, но прохладным ночью. Зима была дождливой и очень холодной, особенно на высоких плато и в горах. В некоторых частях Израиля, как, например, Иерусалим, в конце апреля выпадал снег.

Зерновые были основным источником существования. Пшеница была самой важной культурой, и ее сажали во время осенних дождей. Жатва наступала через несколько месяцев. Пшено и лен также выращивали в этот же цикл. Пшено шло на корм для животных, а лен был важной коммерческой

культурой для производства ткани. После урожая пшеницы земледелец обращал свое внимание на лозу и фруктовые деревья. Виноград, инжир и оливки были обычными плодами, которые пожинали весной.

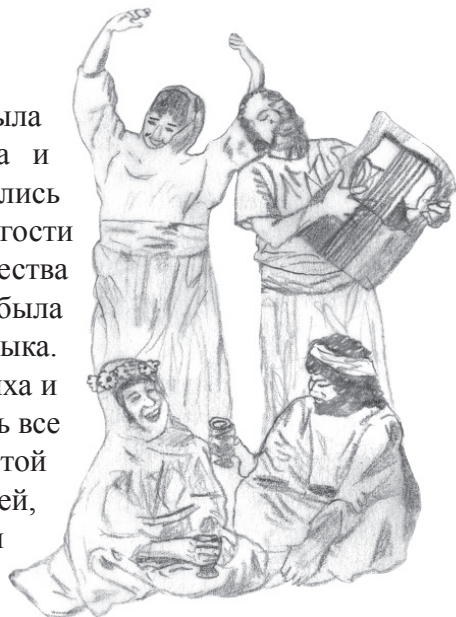
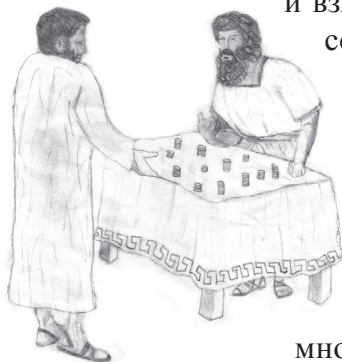
Сборщики налогов

Еврейские сборщики налогов, также называемые мытарями и взяточниками, были презираемы своим собственным народом. Их ставили на один уровень с языческими рабами, грабителями и убийцами, и считали нечистыми, потому что они водились с язычниками и работали по субботам. Мытари могли собирать столько, сколько захотят, и они часто требовали слишком много, чтобы набить свои карманы.

Величина налога зависела от семейного дохода и от ценности собственности. Караваны облагались налогом по товарам, которые они перевозили, и каждый мужчина с четырнадцати до шестидесяти пяти лет обязан был платить ежегодный налог.

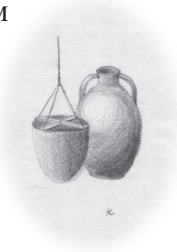
Свадьбы

Свадьба в древнем Израиле была временем большого праздника и радости. Празднества порой длились семь дней, во время которых гости поглощали огромные количества еды и питья. На свадьбах была ритмическая музыка и живая музыка. Танцы начинались с танца жениха и невесты, а потом присоединялись все остальные. С женихом и невестой обращались как с царем и царицей, и свадьбы часто были дорогими и пышными.

Колодец

В Израиле первого века колодец был местом, часто посещаемым женщинами. Свежая вода была нужна постоянно (не было возможности хранить большие количества воды без загрязнения), поэтому колодец был естественным местом встречи женщин в течение дня. Женщины приносили большие глиняные сосуды, куда наливали воду, но черпали воду кожаным ветром, который хранился у колодца. Колодец всегда был в центре города, так чтобы до него было легко добраться всем жителям.

Женская работа

Обязанности еврейской женщины были сосредоточены на ее доме. Ее дни начинались с восхода солнца продолжались весь день до вечера. Каждое утро и вечер женщины собирались у колодца и набирали свежей воды для своих семей. Нужно было собирать дрова, чтобы испечь хлеб. Дома нужно было постоянно подметать полы. Нужно было прясть шерсть и ткать ткань, чтобы шить одежду. Чинить одежду также было важно, потому что во времена Иисуса у немногих была смена одежды, поэтому женщины постоянно чинили одежду и ставили на нее заплатки. Из козьего молока делали творог. Нужно было собирать еду и готовить ее. Основной обязанностью женщины было печь хлеб, чем она занималась три или четыре раза в день. Чтобы испечь хлеб, женщина должна была намолоть муки из своего собственного зерна, это была пшеница для высшего класса и ячмень для обычных людей.

